

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ

О.М.МЕЛЬНИКОВА

**НАУЧНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
Р.Д.ГОЛДИНОЙ В УДМУРТСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том 15

Ижевск
2006

УДК 902/904 (018)

ББК.63.4в (2р –6у)

М482

Рекомендовано к изданию Ученым советом исторического факультета Удмуртского государственного университета

Рецензенты: к.и.н., доцент **Лещинская Н.А.**

к.и.н., доцент **Макаров Л.Д.**

Мельникова О.М.

М 482 Научная археологическая школа Р.Д.Голдиной в Удмуртском государственном университете / Ижевск: УдГУ, 2006. 142 с.

Книга посвящена научной археологической школе Р.Д.Голдиной, активно работающей в Удмуртском государственном университете. Автор на основе междисциплинарного подхода рассматривает теоретические основания изучения научных школ в археологии. Использование обширного комплекса историографических источников позволило исследовать исторические предпосылки становления научной археологической школы в Удмуртии, охарактеризовать ее научную, педагогическую, организационную деятельность, оценить научные результаты. Издание представляет особый интерес в связи с празднованием в 2006 г. 75-летнего юбилея Удмуртского государственного университета.

Работа предназначена для ученых, преподавателей вузов и школ, студентов, краеведов, всех, интересующихся историей науки, историографией археологии.

© Мельникова О.М., 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА 1. Методологические подходы к изучению научных школ.....	10
1.1. Научная школа как объект историографии археологии.....	10
1.2. Научная школа как объект историографии исторической науки.....	16
1.3. Науковедческий подход в изучении научных школ в археологии.....	24
ГЛАВА 2. Исторические и генетические связи научной археологической школы Удмуртского университета.....	28
2.1. Дореволюционная археология на территории Удмуртии.....	29
2.2. Археологические исследования в Удмуртии в 20-30-е гг. XX в.	44
2.3. Актуальность подготовки археологических кадров для Удмуртии (50-60 гг. XX в.)	46
ГЛАВА 3. Формирование научной археологической школы в Удмуртском государственном университете.....	58
3.1. Классический университет как условие возникновения региональной археологической научной школы.....	58
3.2. Создание кабинета археологии и археологической экспедиции в УдГУ.....	60
3.3. Создание специализации по археологии.....	63
3.4. Работа кружка «Археология Урала».....	69
3.5. Система подготовки археологов в университете.....	70
3.6. Научные конференции как фактор институционализации научной школы.....	75

3.7. Музей «Древняя история Камско-Вятского междуречья» как форма деятельности научной школы.....	78
3.8. Создание новых форм организации археологической деятельности в структуре классического университета.....	80
3.9. Проблемы межличностных отношений в научной школе.....	87
ГЛАВА 4. Исследовательская программа научной школы археологов в УдГУ.....	92
4.1. Периодизация исследовательской программы научной школы.....	92
4.2. Содержательные и методологические характеристики исследовательской программы.....	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	110
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	118
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	136
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	142

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научное сообщество - сложноорганизованная система, внутри которой выделяется множество элементов. Один из них - научная школа - как форма передачи знаний от поколения к поколению через учеников, зародился еще в античной Греции и само понятие научной школы возникло едва ли не со времен возникновения самой науки (Грезнева О.Ю., 2002, с.304). Поэтому как особый феномен организации исследовательской деятельности школы представляют интерес для различных научных дисциплин.

Предлагаемая читателю книга – продолжение моих исследований в области изучения научных школ в археологии. В предыдущие годы на эту тему вышел целый ряд статей и две монографии, посвященные истории пермской научной археологической школы О.Н.Бадера (Мельникова О.М., 2003а) и свердловской археологической школы В.Ф.Генинга (Мельникова О.М., 2003б).

За годы изучения этой темы мне пришлось выслушать немало мнений археологов относительно природы изучаемого мною явления. Причем, соображения коллег были порой самыми полярными. Одни полностью отрицали наличие подобного явления в жизни археологии, другие возражали относительно атрибуции тех или иных научных коллективов как научных школ. Третьи полагали, что невозможно выработать критерии для выделения и изучения археологических школ. Иные заставляли задуматься над вопросами меры влияния школ на научное сообщество и развитие археологии в целом.

Мне приходилось слышать упреки в том, что, излагая историю научных школ, я рисую некую идеальную жизнь научного коллектива, что на самом деле реальная практика, судьбы школ, отношения учителя и учеников, учеников между собой более сложны и драматичны. Я не игнорирую этот аспект в изучении школ в науке: этот драматизм является следствием сложных социально-психологических проблем в области отношений «учитель-ученик»,

«ученик-ученик», «научное сообщество - научная школа». Этот аспект изучения школ в науке, бесспорно, требует приложения особых исследовательских усилий. Появление новых ракурсов изучения археологических школ – неизбежный процесс в развитии методологии их исследования.

Мои работы в контексте историографического анализа были замечены патриархом истории отечественной археологии А.А.Формозовым (Формозов А.А., 2004а), упрекавшим меня в излишнем наукообразии моих исходных представлений о научной школе. Однако не могу отказаться при рассмотрении методологических проблем изучения научных школ от того понятийного аппарата, который диктует междисциплинарный подход, используемый мною в их изучении.

Предлагаемая читателю книга о научной археологической школе, сложившейся на протяжении десятилетий в Удмуртском государственном университете во главе с доктором исторических наук, профессором Р.Д.Голдиной, логически продолжает исследование уникального явления – генетически взаимосвязанных между собой научных школ, функционировавших на Урале. Этот новый опыт позволяет мне осмыслить научную критику оппонентов, еще раз убедиться в том, что разрабатываемый мною методологический потенциал науковедческого подхода к изучению научного сообщества в археологии далеко не исчерпан.

Акцент на региональные научные школы не случаен. Историю отечественной археологии невозможно осмыслить без особенностей региональной науки. Это связано с тем, что исторически археология в России формировалась как региональная, в ней всегда была сильна местная традиция. Изучение столичных научных школ осуществлено в работе косвенно. Их представители оказывали интеллектуальное влияние на региональные исследования как через совместные, в первую очередь, полевые изыскания, так и через институт аспирантуры и иные формы научных коммуникаций.

Изучение региональных научных школ в отечественной археологии диктуется еще и важным современным социальным фактором, подмеченным философом А.И.Ракитовым: «В связи с превращением России в федеративное государство все более заметную роль в развитии и поддержке науки начинают играть регионы России. С одной стороны, новые административные структуры остро нуждаются в квалифицированных профессионалах, с другой - решение местных экономических и социальных проблем требует высококвалифицированных специалистов, хорошо знающих не

только новейшие достижения науки и технологии, но и местные возможности, особенности, ресурсы» (Ракитов А.И., 1995, с.25).

Предмет исследования связан с использованием уже апробованной прежде науковедческой модели научной школы, адаптированной к истории археологии (Мельникова О.М., 2003а, 2003б). Аргументированная идентификация научных школ оказалась возможной на основе заимствований идей, методов, дефиниций, разработанных в историографии исторической науки, а в большей мере – науковедении. Поэтому исследование осуществляется в понятиях и категориях, обоснованных в историографических, науковедческих и историко-научных исследованиях, характеризующих научные школы.

Для изучения археологической школы Удмуртского университета есть еще один социальный повод. В 2006 г. отмечается 75-летие со дня организации в Ижевске Удмуртского государственного педагогического института, преемником которого в 1972 г. стал Удмуртский государственный университет. Это юбилейное событие настраивает на размышления о роли классического университета в исследовательском и социокультурном пространстве региона в процессе формирования и развития школ в науке.

Однако, издания, приуроченные к юбилеям, весьма скептически воспринимаются критиками изучения научных школ: такого рода работы легко уязвимы – их можно обвинить в том, что, по сути – это панегирик, прославляющий того или иного ученого или научный коллектив. Надеюсь, что разрабатываемая мною концепция научной школы послужит аргументированным теоретическим обоснованием в изучении развития археологии в Удмуртском университете и не даст повода для критики в этом направлении.

Предъявляемое читателю исследование может быть интересно еще по одной причине. Изучение научной школы проводится изнутри, являясь рефлексией научной жизни автора в рамках изучаемого исследовательского коллектива. Мой выбор профессии историка изначально был мотивирован весьма далекими от археологии аргументами. В 1978 г., став студенткой исторического факультета УдГУ, я впервые прослушала лекции Р.Д.Голдиной по археологии. Выбор специализации «археология», сделанный уже в 1979 г. после прохождения первой археологической практики радикально изменил мою жизнь. Поэтому весьма важен анализ того, как научная школа осуществляет свою экспансию, вовлекая в свою орбиту неопитов. Рефлексия по этому поводу также может быть полезной для научного сообщества.

Строго говоря, своим интеллектуальным учителем в археологии я считаю В.Ф.Генинга, который сумел сформировать и облечь мой интерес к историографии, теории и методологии археологии в форму конкретных научных изысканий. Профессор МГУ Ю.Л.Щапова в значительной мере способствовала развитию этого интереса. Однако мои первые опыты, в том числе и дипломная работа «Историография понятия «археологическая культура»», были написаны под влиянием обучения на специализации «Археология» в Удмуртском государственном университете.

Я осознаю деликатность ситуации, связанной с тем, что историк науки выступает одновременно и как участник событий, о которых идет речь в его повествовании. Это сложная методологическая проблема историографического исследования, которая, по моему мнению, преодолевается познавательными возможностями категории «научная школа». Попытка взгляда изнутри и извне на научную школу может быть весьма интересной для научного сообщества.

Осмысление деятельности конкретной археологической школы не может быть осуществлено вне оценки предшествующего ее созданию состояния науки, в данном случае региональной археологии. Поэтому данное исследование берет на себя еще одну миссию – краткого описания истории региональной археологии. Это позволит понять многие сюжеты в развитии научной школы: причины ее создания, тематику исследований, организационную структуру, место в системе научных и учебных заведений региона, вклад в археологическое изучение края, перспективы развития школы, взаимоотношения с другими научными организациями как столичными, так и региональными.

Полагаю, что издание будет полезным и небезынтересным, поскольку оно опирается на широкий круг впервые вводимых в научный оборот письменных источников. Работа использует традиционный для историографического исследования источник – археологические публикации, рукописи диссертаций, тексты авторефератов. Особая роль среди них отводится специальным исследованиям по региональной историографии. История научной школы раскрывается через тексты лекционных курсов, учебных программ по общепрофессиональным и специальным курсам и семинарам. Удалось использовать документов личного происхождения (письма, мемуары, автобиографии, анкеты). Весьма ценным источником оказалась университетская периодическая печать. Активно используются библиографические обзоры. Иссле-

дование опирается на материалы, отложившиеся в корпусе делопроизводственных документов научных и учебных учреждений.

Сбор и систематизация историографических источников для настоящего исследования были довольно затруднительны, поскольку в рамках научных, учебных, музейных учреждений специально не выделяются разделы, связанные с деятельностью научных школ. Зачастую сам факт признания коллектива как научной школы происходит в литературе и сообществе ученых намного позже в результате осмысления его исследовательской деятельности.

подавляющее число источников, послуживших содержательной основой исследования, отложились в различных архивах. Особую ценность представляют архивные документы, выявленные и изученные в ЦГА УР (ф. 349. Музей Сарапульского земства; ф. 551. Управление делами Совета Министров УАССР; ф. р-1107. Удмуртский республиканский краеведческий музей; ф. р-1345. УдНИИ при Совете Министров УАССР; ф. р-1282. Удмуртский государственный педагогический институт; ф. р-1550. Удмуртский государственный университет).

Кроме того, привлечены материалы архива УдГУ и ряда его учебных, научных подразделений: архива кафедры археологии и истории первобытного общества (ф. Курсовые и дипломные работы; диссертации), архива Института истории и культуры народов Приуралья (ф. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе). Для изучения научных школ привлекались материалы из личных архивов коллег-преподавателей кафедры археологии и истории первобытного общества. Неоценимую услугу исследованию оказали устные свидетельства, полученные автором в ходе общения с непосредственными членами исследуемого научного коллектива.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНЫХ ШКОЛ

1.1. Научная школа как объект историографии археологии

Необходимость изучения научных школ в археологии диктуется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в науке немало упоминаний о конкретных археологических школах. В познавательном смысле следует понять их содержание, особенности и отличия от других форм организации научной деятельности ученых. Во-вторых, в условиях оформления историографии как составной части предмета археологии, возникает необходимость систематизации историографического процесса в понятиях, учитывающих все его составные элементы, одним из которых является понятие «научная школа». В-третьих, в организации современных археологических исследований следует использовать преимущества самоорганизации ученых в форме научных школ.

Но изучение научного сообщества и его социальных структур в археологии ставит перед историками науки ряд теоретических и методологических проблем. Отсутствует четкое определение содержания основополагающих понятий, отражающих познавательные структуры в истории археологии: «научное направление», «течение», «движение», «проблемная область». Не выработаны единые критерии классификации историографического материала применительно к этим понятиям, их соотношение между собой. Понятие «научная школа» также не имеет обоснования и определения, хотя и является часто используемым термином. Опыт историографических исследований конкретных археологических научных школ практически отсутствует.

Представления о научных школах формировались стихийно под воздействием традиции без какого-либо обоснования их конкрет-

но-исторической и теоретической характеристики. Этим можно объяснить множественность толкований содержания понятия «научная школа», смысл которых можно выявить лишь из упоминаемого контекста. Чаще всего понятие «научная школа» употребляется в двух случаях. О научной школе говорят как об уникальном явлении, когда возникающая между учеными общность взглядов приводит их к тесному сотрудничеству, порождает неформальные взаимоотношения, на долгое время определяет пути развития знания. В узком смысле научную школу определяют как небольшой коллектив, объединенный общей системой взглядов, идей, традиций, передающихся и развивающихся при смене научных поколений.

Но само явление научной школы в археологии существует: достаточно для этого обратиться к историографическим исследованиям, юбилейным изданиям, биографическим словарям, историко-биографическим работам. В формировании представлений об археологической школе велика роль научной традиции. В археологии существование научных школ в конкретном случае получало статус историографического факта с момента, когда появлялись авторитетные свидетельства о том, что некоторые объединения археологов являются научной школой. Так, С.А.Жебелев указывал на то, «что все современное поколение русских археологов может считаться прошедшим «кондаковскую школу»» (Жебелев С.А., 1923, с.134). Г.С.Лебедев называл школу палеоэтнологов Ф.К.Волкова в Петербурге (Лебедев Г.С., 1992, с.272). Эта оценка имеется и в других исследованиях (Генинг В.Ф., 1982, с.78; Платонова Н.И., 1995, с.225; Тихонов И.Л., 2003, с.115-131). В Московском университете в структуре палеоэтнологического направления в русской археологии В.Ф.Генинг выделял школу Д.Н.Анучина (Генинг В.Ф., 1982, с.78). Есть упоминания о ленинградской (А.А.Миллер, А.А.Спицын, Б.В.Фармаковский, Н.Я.Март) и московской археологических школах (В.А.Городцов, Ю.В.Готье), школе С.И.Руденко, А.А.Миллера, Г.А.Бонч-Осмоловского, С.А.Теплоухова, Б.С.Жукова, палеоэтнологической школе Ф.Волкова в Петербургском университете, школе археологов-сибиряков М.П.Грязнова (Мерперт Н.Я., 1995, с.7,9), московской школе археологов В.А.Городцова (Формозов А.А., 1995, с.154), иркутской археологической школе Б.Э.Петри (Формозов А.А., 1995, с.4), грузинской археологической школе (Лордкипанидзе О.Д., 1995, с.229), школе советских археологов-антиковедов (Мерперт Н.Я., 1995, с.9), отечественных школах в изучении

ранних кочевников степей М.И.Ростовцева, В.А.Городцова, П.Д.Рау, Б.Н.Гракова (Яблонский Л.Т., 1999, с.36), пермской научной школе О.Н.Бадера (Бадер Н.О., 2001; Мельникова О.М., 2003а; Оборин В.А., 1983, с.4; 1998, с.64), свердловской археологической школе В.Ф.Генинга (Ковалева В.Т., 1999; Мельникова О.М., 2003б; Овчинникова Б.Б., 1999), школе К.В.Сальникова (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999); новой пермской школе археологии в Пермском государственном педагогическом университете (Белавин А.М., 2002, с.19). Такие сведения встречаются и в других исследованиях по истории археологии. Аргументация «от научной традиции» позволяет именовать те или иные коллективы в науке научными школами, но зачастую не обосновывает критерии такого выделения.

Долгое время в отечественной археологии социальные структуры науки изучались только применительно к русской дореволюционной историографии и истории археологии первого десятилетия после революции 1917 г. Для этого использовались понятия «раздел науки» (Жебелев С.А., 1923), «научное направление» и «течение» (Генинг В.Ф., 1982; Мерперт Н.Я., 1995; Тихонов И.Л., 2003; Формозов А.А., 1995). С их помощью характеризовалась зарубежная археология (Монгайт А.Л., 1973). При рассмотрении истории советской археологии, начиная с середины 30-х гг. XX в., в соответствии с идеологическими установками времени обращалось внимание на коллективный характер исследовательской деятельности, основанной на марксистской методологии, что исключало выделение научных школ, направлений, течений в отечественной археологии.

В исследовании Г.С.Лебедева «История отечественной археологии» в контексте рассмотрения предмета историографии приводилось краткое, но далеко не бесспорное определение содержания историографических понятий (Лебедев Г.С., 1992, с.4). Обсуждая тему предмета историографии археологии, автор перечислял такие ее структурные элементы как исследовательская парадигма, подходы, методы, научные школы, лидеры научных школ. Причем, детальный анализ феномена научных школ не производился. Указывалось, что «подходы (или направления) составляют обычно основу научных школ (течений), объединяющихся вокруг одного или нескольких лидеров. Продукция научных школ - концепции, либо конкретно-исторические реконструкции культурно-исторического процесса прошлого в определенный отрезок времени на определенной территории, либо теоретико-

методологические («теоретические») системы» (Лебедев Г.С., 1992, с.4). Содержание понятий, характеризующих формы организации научного сообщества – «подходы», «направления в исследовательской деятельности» - трактовались автором как синонимы, а «течение» и «научная школа» рассматривались как тождественные явления (Лебедев Г.С., 1992, с.4). Наиболее подробно в этом исследовании удалось охарактеризовать исследовательские парадигмы и выделить научные направления, существовавшие в археологии.

Г.П.Григорьев в сборнике «Академические школы Санкт-Петербурга» (1998) специально рассмотрению подверг выделяемый им феномен петербургской школы изучения палеолита. Автор полагает, что генезис школы происходит на фоне формирования нового научного направления. Важным наблюдением является осмысление феномена научной археологической школы как выражение некоей индивидуальности в науке. С точки зрения развития самой науки, по мнению Г.П.Григорьева, научная школа способствует возможности самоутверждения, демонстрирует склонность к самограничению, самосохранению, к удержанию в пределах некоторой суммы приемов и подходов как традиции (Григорьев Г.П., 1998, с.52).

Еще одна попытка определения структурных элементов в организации научной деятельности урало-поволжской археологии была предпринята Г.Т.Обыденновой (Обыденнова Г.Т., 2002, с.99). Подчеркивая слабую разработанность в археологической науке дефиниций организации научного поиска, исследовательница предложила выделить такие формы организации научного сообщества как археологический центр, археологическая организация, археологическое направление.

По ее мнению «археологический центр - коллектив специалистов - исследователей, формально объединенных в рамках научно-исследовательских структур, направленный на реализацию и удовлетворение личного научного интереса и объединяющий несколько археологических организаций, обычно функционирующий в крупных городах. Археологическая организация – различные НИИ, музеи, вузы, в которых археологические исследования являются одним из направлений их деятельности. Археологическое направление – научная концепция, объединяющая коллектив исследователей по конечному результату их работы. Археологическое направление создается конкретным ученым в отдельной отрасли археологии (уральское палеолитоведение (О.Н.Бадер), сарматоведение (К.Ф.Смирнов), болгароведение (А.П.Смирнов), бронзоведение (К.В.Сальников)» (Обыденнова Г.Т., 2002, с.97).

Ею же сформулировано собственное понимание феномена археологических школ. Автор понимает их как «неформальный механизм трансляции накопленного в той или иной области знания научного опыта, основанный на единстве взглядов, общности предметности принципов и методов исследования, в котором отрицание определенных наработок прошлого периода есть условие для достижения новых результатов» (Обыденнова Г.Т., 2002, с.99). К сожалению, все данные дефиниции не были подкреплены соответствующим методологическим аппаратом, позволяющим в единой системе рассматривать историографический процесс археологии, неясной оказалась их взаимосвязь, они не нашли строгого обоснования в конкретном историко-археологическом материале.

Характеристика Петербургской археологической школы во главе с Ф.К.Волковым, развивавшей идеи палеоэтнологического направления, данная И.Л.Тихоновым в монографии «Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки», в большей мере является описанием феномена школы, нежели его обоснованием. Из него следует, что университетская школа, это в первую очередь, образовательная, обучающая школа (Тихонов И.Л., 2003, с.115-131).

Весьма экстравагантен в своем отношении к феномену научной школы А.А.Формозов. В книге «Человек науки» он посвятил этой теме целый раздел «Научные школы, их плюсы и минусы». Исследователь видит в феномене научной школы исключительно средство «расчетливо-практического подхода к жизни и к работе, как со стороны молодежи, так и со стороны ее воспитателей. Выбиться в люди в той или иной области науки при явной и тайной конкуренции – нелегко. Надежнее продвигаться вперед за чьей-то широкой спиной. И дальновидные студенты сознательно идут в семинары к профессорам повлиятельней, ездят с ними в экспедиции, помогают им в лаборатории, выполняют их поручения (не всегда научные), потом поступают к ним в аспирантуру, просят пропихнуть в печать свои статьи и т.д., и т.п.» (Формозов А.А., 2005, с.163).

А.А.Формозов обратил свое внимание на весьма важную проблему в жизни научных школ – человека в науке. Бесспорно, следует признать, что человеческая составляющая исследовательской деятельности, чрезвычайно значима. По мнению М.Д.Вандалковской, «врожденные свойства человека, ум, свободный либо догматический склад мышления, интеллект, черты характера (деликатность, либо беспардонность, такт, чувство меры, достоин-

ство либо беспринципность, основательность или легковесность), темперамент, наконец, психика (устойчивая психическая структура предполагает разумные и взвешенные решения), воспитание и образование, наложенные на человеческие особенности, в конечном счете, определяют восприятие внешнего мира. Личность всегда проявляет себя индивидуально» (Вандалковская М.Г., 2001, с.258).

Полагаю, что в науку приходят разные люди, преследующие свои нередко честолюбивые цели. Безусловно, ореол славы уже существующей научной школы переносится и на ее пока еще не вполне проявивших себя членов. Однако, в рассуждениях А.А.Формозова нет и попытки понять, в какой мере научное сообщество, организованное по типу школы, позволяет продуктивно решать научные проблемы. Думается, что в рассуждениях о научной школе исследователь автор решает какие-то задачи по осмыслению своего личного пути в науке.

Правда, А.А.Формозов выделяет еще один тип научных школ в археологии, которые возникают вокруг талантливых археологов, людей «со светлым умом, с большим запасом знаний. Ученники ходят за ними табуном, с благодарностью ловят брошенные на ходу мысли» (Формозов А.А., 2005, с.165). Но и здесь, по его мнению, существует большая опасность – «за значительной личностью следуют эпигоны, подражатели, поглощенные доделкой третьестепенных деталей и частностей в почти завершенной системе, всячески оберегающие ее от критики. Наука из-за этого костенеет. Другое осложнение – конфликты строптивых учеников с наставником в тот момент, когда подросли и пытаются придумать что-то свое» (Формозов А.А., 2005, с.166).

Признавая факт существования научных школ в археологии, А.А.Формозов видит в них исключительно негативное влияние для развития науки. Он полагает, что наличие школ в науке обуславливает неизбежную, бессмысленную, неприличную борьбу. «В этом я вижу еще один довод против принадлежности к определенным школам» (Формозов А.А., 2005. С.169).

Конечно, можно протестовать против феномена школы, однако процесс их создания и формирования не может подчиниться какому-либо плану, его трудно спрогнозировать. Как трудно опровергать факт того, что, в особенности в археологии, требующей значительных временных затрат на изучение источника и его объяснение, коллективные формы деятельности являются наиболее продуктивными.

Многозначность точек зрения на содержание понятия научная школа сделала значимым обращение к научной школе в археологии как объекту специального рассмотрения.

1.2. Научная школа как объект историографии исторической науки

Полноценный историографический анализ изучения научных школ в археологии сложен ввиду отсутствия специального исследовательского интереса к этому феномену в прежние годы. Однако есть возможность осмысления историографического взгляда на этот вопрос благодаря кругу работ, посвященных этой проблематике в историографии исторической науки. Не претендуя на полноту охвата всей историографической литературы, связанной со схолярной проблематикой, постараемся выделить некоторые общие подходы в характеристиках исторических научных школ, что, несомненно, имеет ценность для изучения школ в археологии (Гутнов Д.А., 2002; Гутнова Е.В., 1985; Зевелев А.И., 1987; Корзун В.П., 1987; Михальченко С.И., 1997; Мягков Г.П., 2000; Чирков С.В., 1990 и др.).

Институционализация историографии в особую научную дисциплину к середине XIX в. потребовала разработки специальной историографической систематизации и терминологии. Но уже тогда проявилась размытость и многозначность понятий, используемых для характеристики историографического процесса, в том числе и понятия научная школа. «Фиксируя достоинства и недостатки той или иной школы, дореволюционные историографы не ставили перед собой вопросов о том, какие общие признаки могут описывать историческую школу или же направление. Они лишь фиксировали исторически сложившиеся образования, которые по самоназванию или по отзывам коллег по цеху именовались школами, направлениями или течениями и характеризовали вклад каждого из них в процесс исторического познания» (Гутнов Д.А., 2002, с.66).

Факт возникновения научных школ связывался с разными обстоятельствами. Так, П.Н.Миллюков, говоря о формировании «скептической школы» в русской исторической науке, отмечал, что ее развитие связано с «целым рядом попыток философско-исторического построения русской истории» (Миллюков П.Н., 1991, с.437). Им же было подмечено, что исторические научные школы могут связываться с региональными особенностями их воз-

никновения (московская, петербургская) и генетически восходить к местным университетам (Милуков П.Н., 1991, с.444).

Традиция выделения региональных научных школ в историографии достаточно прочна. Особенно это касается выделения московской и петербургской исторических школ. С.Н.Валк связывал это с ролью университетов, развивавшихся в особых местных условиях (Валк С.Н., 1948, с.3). Для петербургской исторической школы он выделял такие критерии как уважение к факту, узкую специализацию, стремление не просто восходить от факта к общей теории, но и вообще нежелание особенно теоретизировать. Отличительными чертами московской школы им называлось движение от общей мысли к фактам, широта мысли, стремление к широкому охвату материала, политизация в восприятии материала.

Однако существует и точка зрения, оспаривающая географический критерий выделения научных школ. Так, М.А.Алпатов указывал, что выделение «петербургской» и «московской» школ русских историков - это легенда, которая получила распространение не только в буржуазной историографии, но нашла сторонников и среди некоторых советских историков. «Подобный «географический» принцип в определении исторических школ является совершенно порочным. Принадлежность историка к той или иной школе определяется содержанием его политических взглядов и его исторической концепции. К тому же аргументы сторонников этой легенды противоречат фактам. Никто из них не сформулировал признаков «петербургской» и «московской» школ. Основной довод о том, что в Петербурге политические порядки были якобы более суровыми, чем в Москве, не соответствует действительности. Нельзя также всерьез считать, что в Петербурге сидели эрудиты, излагавшие историю по источникам, а в Москве - мастера «повествовательного» изложения. Совершенно очевидно, что конструирование такого рода «школ» антинаучно» (Алпатов М.А., 1955, с.182-183).

Зачастую факт существования школ в исторической науке связывался с именем их лидеров. Особенность каждой из выделяемых подобным образом школ определяется, по мнению историографов, характером теоретических и методологических позиций их основателей или лидеров. Н.Л.Рубинштейн писал о школе В.О.Ключевского: «От Ключевского лучшие представители этой группы взяли в своих монографических исследованиях его более сильные стороны: внимательное изучение внутренних процессов народной жизни – экономики и общественного быта» (Рубинштейн Н.Л., 1941, с.497).

В историографии неоднократно высказывались мнения о том, что социальные структуры в науке иерархически взаимосвязаны между собой. Так, в учебнике О.Л.Вайнштейна «Историография средних веков от начала средних веков до наших дней в связи с развитием исторической мысли» понятие «научное направление» оказывается более широким по смыслу, чем понятие «научная школа» (Вайнштейн О.Л., 1940, с.293). В учебнике Н.Л.Рубинштейна «Русская историография» понятия «направление» и «научная школа» зачастую синонимичны. Археология, к слову, в контексте истории русской историографии именуется как ее археологическое направление (Рубинштейн Н.Л., 1941, с.535).

Тенденция выявления иерархической соподчиненности социальных структур в науке видна во многих историографических изданиях. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР» (1955) доминирующим было выделение в истории исторической науки научных направлений, в основе которых лежали классовые позиции ученых (декабристское, официально-охранительное, славянофильское, буржуазное, революционно-демократическое, народническое). Такой подход в определении содержания научных направлений был вполне оправдан марксистской методологией исторического исследования. Научные школы в этом издании являются составной частью сложившихся научных направлений (Очерки истории..., 1955, с.334).

Подобный подход зафиксирован и в более поздних изданиях. Причем, теоретические вопросы, связанные с разработкой понятийного аппарата историографического исследования, в них зачастую не поднимаются (Шапиро А.Л., 1993).

Весьма обстоятельно раскрывает тему иерархичности организации научного сообщества Е.В.Гутнова в учебнике «Историография истории средних веков» (Гутнова Е.В., 1985). Исследовательница раскрывает содержание основополагающих понятий историографии: ««Течением» мы обозначаем наиболее широкие и аморфные группы историков, объединенные самыми общими методологическими принципами и, как правило, включающие в себя различные «направления» и «школы». Под «направлением» мы понимаем более компактные группы ученых, тесно связанные между собой не только общими методологическими принципами, но и их интерпретацией, а также общей тематикой и проблематикой своих работ. Последняя, как правило, также определяется единством в вопросах методологии. С методологическими принципами и проблематикой связаны часто (но далеко не всегда) и мето-

дические приемы историка, хотя сами по себе они едва ли могут служить основой для отнесения его к тому или иному «направлению». Термин «школа» мы применяем для обозначения еще более узкой группы историков, составляющих ответвление широкого «течения» или даже «направления». Критерием для выделения «школы» чаще всего служили как раз методические приемы, соединяющие такую группу историков, иногда же то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого или группировались вокруг одного университета» (Гутнова Е.В., 1985, с.9).

Поскольку выделяемые конкретные направления в медиевистике на основе марксистской методологии носили классовый характер, то это приводило к размыванию существенных отличий между направлениями. Поэтому весьма значим для понимания сути научных школ следующий тезис: «Общественно-политические воззрения ученых всегда оказывали огромное влияние на их творчество и группировку историков. Однако для второй половины XIX в. такой – политический – критерий не всегда достаточно надежен. Пользуясь им, пришлось отнести подавляющее большинство историков-медиевистов к одному буржуазно-либеральному направлению, что было бы неправильно, так как между ними имелись существенные различия в других отношениях. Поэтому мы сочли удобным взять в качестве главного критерия *для группировки и классификации ученых методологически-проблемный критерий* (выделено мной - О.М.). Нюансы же политических воззрений той или иной группы историков мы учитывали, выделяя их в виде «школ» только в тех случаях, когда эти различия заметно сказывались на их исторических концепциях» (Гутнова Е.В., 1985, с.10).

Показательно, что выделение научных школ и направлений в отечественной историографии касалось дореволюционной и зарубежной исторической науки. Для советского времени был очевиден факт единства мировоззренческих позиций исследователей, отступление от которого не представлялось возможным. Классовый критерий размывал своеобразие познавательного процесса в науке (то же самое касается и археологии и в некоторой степени объясняет отсутствие специального интереса к феномену научных школ).

В целом для советской историографии Д.А.Гутнов отмечал присущее большинству классификаций трехуровневое деление предлагаемой структуры исторической науки. Основными подразделениями этой схемы стали школы, течения и направления (впрочем, последовательность последних двух дефиниций еще до конца

не определена, также как и остается многозначность в определении исторической школы) (Гутнов Д.А., 2002, с.67).

Попытка уйти от классового критерия как единственного в выделении научных школ была предпринята в постперестроечное время. Значимую роль в историографии в понимании феномена научных школ сыграло осмысление на рубеже 80-90-х гг. XX вв. деятельности школы «Анналов», уяснение через анализ ее деятельности специфики историографических явлений, в частности, уточнение содержания понятия «научная школа» и соотношения этого явления с другими формами социальной организации историков.

Ю.Л.Бессмертный, подводя итоги международного коллоквиума «Школа «Анналов» вчера и сегодня», выделял следующий ряд этих явлений. «Он включает, прежде всего, категорию «научная школа». Под ней обычно понимают совокупность историков, *объединенных общностью, как познавательных подходов, так и принципиальных оценок прошлого* (выделено мной – О.М.). Научное сообщество с меньшей внутренней интеграцией, каким является, например, научное течение (направление) отличается то, что круг общих подходов и оценок здесь гораздо уже, но они, тем не менее, охватывают принципиальные сферы. *Научные течения, различающиеся по основным подходам и оценкам, но совпадающие в отдельных аспектах, обозначают обычно понятием «движение»* (выделено мной - О.М.). Наконец, можно себе представить и вовсе аморфную научную общность, включающую, например, всех авторов и читателей какого-либо исторического журнала, лишь изредка спланивающих вокруг той или иной научной идеи. Ясно, что четыре названных вида историографических явлений, как и их определения, довольно условны. Безусловна лишь научная актуальность определения способов и критериев типологизации всего спектра историографических явлений, с которыми постоянно сталкиваются специалисты» (Бессмертный Ю.Л., 1990, с.127-128).

Среди перспективных подходов историографии в понимании феномена научных школ следует отметить мнение С.В.Чиркова, который полагал, что научные школы – это «различные типы научной культуры, следовательно, необходимо изучать типологию научной культуры, передача традиций которой является одной из важнейших функций научной школы» (Чирков С.В., 1990, с.23).

Принципиально новый науковедческий подход к изучению научных школ в исторической науке был предложен Г.П.Мягковым (Мягков Г.П., 1988). Эта новизна подхода, как, впрочем, и слож-

ность в его реализации, была отмечена Б.Г.Могильницким: «Приходится, однако, признать, что, несмотря на значительный рост науковедческих исследований в нашей стране, марксистское изучение закономерностей функционирования исторической науки находится в явно зачаточном состоянии. И это не удивительно – ведь в роли науковедов выступают главным образом представители естественных наук и философы, а предметную сферу их деятельности составляет естествознание. Между тем история обладает своей спецификой, делающей необходимым ее специальный науковедческий анализ, учитывающий своеобразие исторического знания как особой формы научного познания» (Могильницкий Б.Г., 1988, с.3-4).

Науковедческий подход, предпринятый Г.П.Мягковым, оказался весьма эффективным, хотя и показал, что современное историографическое познание научных школ - процесс весьма сложный. Автор попытался определить специфику научных школ в гуманитарном познании, и в историческом в частности. Его выводы принципиально важны для цели настоящего исследования, поэтому требуют более обстоятельного изложения.

Г.П.Мягков полагает, что школа в гуманитарной науке имеет такие ипостаси, о которых естествознание не знает и, по сути дела, знать не может: «Способно ли естествознание представить такую ситуацию, когда все оно объединилось в *одну* научную школу? Сама мысль о таком объединении покажется любому естествоиспытателю абсурдной. А гуманитарий, если несколько отвлечется от догм традиционных определений, в принципе способен представить себя и всех своих коллег по гуманитаристике причастными к *одной-единственной научной школе*. Речь идет о моноидеологической системе мышления в том или ином тоталитарном обществе» (Мягков Г.П., 2000, с.147-148).

Интересна в этом смысле мысль, высказанная Г.А.Антиповым: «Марксистская концепция исторического процесса, господствовавшая в гуманитаристике нашей страны, вполне соответствует понятию «научной исследовательской программы». На протяжении нескольких десятилетий советской эпохи данная исследовательская программа, благодаря чисто искусственным, запретительным мерам, не знала конкуренции и, *в значительной мере, была реализована в эмпирическом материале* (выделено мной - О.М.)» (Цит. по кн. Мягков Г.П., 2000, с.148).

Вслед за С.В.Чирковым Г.П.Мягков подчеркивает, что «гуманитарные науки подвержены значительно *более непосредствен-*

ному влиянию со стороны социально-политических структур общества (выделено мной – О.М.)» (Мягков Г.П., 2000, с.151). Потому, полагает автор, при изучении школ в гуманитарных науках необходим их анализ с точки зрения философско-методологических и политических установок, исследовательской конкретики и коммуникативной природы школы (Мягков Г.П., 2000, с.152).

Рассуждая о применимости иерархического подхода в изучении исторических школ, Г.П.Мягков приходит к выводу о том, что «в старом понимании (как соподчинение течения – направления - школы) мы его принять не можем. Основанием этого служит и опыт историографических исследований, и современные науковедческие установки. Но это не значит, что собственно никакая иерархия в схолярном поле невозможна. Однако она может быть лишь *иерархией школ*, т.е. соподчинением *школы* более высокого порядка и *школы* более низкого порядка. Для каждого из этих уровней должен быть определен полный набор признаков (включая и коммуникативные, и философско-методологические характеристики, и характеристики разрабатываемой тематики, подходы, приемы, стиль исследования). Иерархия между школами возможна лишь тогда, когда именно *по полному набору признаков одна школа выступает как нечто более частное по отношению к другой школе как к чему-то более общему*. Но в любом случае речь должна идти об аргументации, основанной на историографических источниках» (Мягков Г.П., 2000, с.155).

В целом, оценивая феномен научных школ в исторической науке, Г.П.Мягков пришел к важному выводу о том, что «школа в гуманитарных науках является фундирующим, базовым понятием, тогда как «направление», «течение» фиксируют не какие-либо особые уровни иерархии, а лишь *ориентации* самих школ в коммуникационной, политической, философской, тематической сферах» (Мягков Г.П., 2000, с.154).

Г.П.Мягков обратил внимание на необходимость рассмотрения такого феномена как «российский университет», ибо научные школы в XIX - начале XX вв. формировались на базе университетов, подчеркивая необходимость изучения закономерности такого соотношения как «университет» и «научная школа» (Мягков Г.П., 2000, с.104).

Отчасти эта проблема рассматривалась в монографии Е.С.Ляхович и А.С.Ревушкина «Университеты в культуре дореволюционной России» (1998), хотя феномен научных школ и не являлся предметом ее узкоспециального рассмотрения. Уникальность класси-

ческих университетов как научно-образовательных комплексов состоит в том, что профессора и доценты совмещают два вида деятельности: производство научных знаний и обучение студентов. Соединение преподавания и исследовательской деятельности - сущностное свойство университетского преподавателя» (Ляхович Е.С., Ревушкин А.С., 1998, с.335). Научные школы определяют своеобразие, индивидуальность, а иногда и судьбу университетов.

Наиболее эффективным путем формирования интеллектуальной культуры, в том числе знаний, умений, навыков и отмеченных личностных качеств, представляется путь вовлечения студенчества высшей школы уже на начальных этапах на первом - втором курсах в реальный научно-исследовательский процесс, обеспечивающий самостоятельность будущих специалистов.

Общение студентов в процессе исследовательской деятельности с талантливыми и увлеченными своим делом преподавателями учит точной и строгой аргументации, умению мыслить, порождает устойчивый интерес и доверие к научным методам и подходам. Тем самым в процессе обучения формируется действительно научное мировоззрение.

Важную роль в возникновении и существовании научных школ в рамках университетов играет учебный план, позволяющий проводить спецкурсы и спецсеминары. Можно говорить о том, что университет становится важным социальным фактором в развитии научной школы. Он превращает ее не только в образовательный, но и эффективно работающий как единое целое исследовательский организм. Университет позволяет в единстве решать образовательные, исследовательские, педагогические, организационные задачи, эффективность которых усиливается в связи с возникновением научных школ в рамках университетов. В этой связи общество не должно ставить препятствий такой самоорганизации ученых. Главная функция общества в управлении наукой в ситуациях сформировавшихся научных школ - в своевременной поддержке и материальном обеспечении новых, признанных научным сообществом перспективными разработок.

В историографической литературе предлагаются весьма интересные типологии научных школ, представляющие интерес для истории археологии. Так, А.Н.Шаханов при изучении истории русской исторической науки второй половины XIX – начала - XX вв. предложил выделять три типа школ в науке: образовательные, исследовательские, смешанные, сочетающие в себе черты первых

двух (Шаханов А.Н., 2003, с.394). Для первого типа, по его мнению, характерно то, что на первое место в них выступают задачи «приобщения учащегося к научной традиции данного учебного заведения путем неформального общения с преподавателем, выработки стиля научного мышления на основе обучения методологии и методике исследовательской работы, развития интереса к определенной проблеме. Исследовательские школы, в свою очередь, подразделяются на школы региональной истории, предметно-хронологические, концептуально-теоретические. Для этого типа школ характерны планирование и координация творческих усилий по реализации общей программы работ. Социальной предпосылкой возникновения исследовательских школ является дифференциация исторических знаний и специализации ученых, когда индивидуальные формы работы становятся не под силу или недостаточно эффективны для комплексного решения поставленных логикой развития науки задач» (Шаханов А.Н., 2003, с.394). Эта типология, адаптированная к историографическому процессу, весьма привлекательна и для археологического сообщества.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что эффективность использования методологического аппарата историографии состоит в возможностях уровневой организации историографического исследования с использованием методов, соответствующих познавательным-целевым установкам каждого уровня исследования. На современном этапе историографического изучения научных школ продуктивным является соединение науковедческих представлений с практикой употребления термина «научная школа». Собственно историографический подход в изучении научных школ ограничивается конкретно-исторической констатацией их существования, в то время как критерии выделения школ весьма размыты и многозначны (принадлежность к университетам, наличие общих познавательных подходов, классовые критерии, существование лидера школы и его учеников). Кроме того, не вполне ясным остается соотношение различных социальных группировок историков в рамках течения, направления, движения, проблемной области и собственно научной школы.

1.3. Науковедческий подход в изучении научных школ в археологии

Наиболее обстоятельная характеристика научных школ разработана в науковедении. Однако объектом науковедческих изыска-

ний стали, главным образом, школы в естественных науках. При этом вполне очевидна возможность их междисциплинарного изучения на основе синтеза науковедческого и историографического опыта.

Введение в историографию исторической науки науковедческого подхода существенно скорректировало исследовательскую практику. «Науковедческий подход позволил увидеть многообразие историографического процесса – его системность, изменчивость, относительность. Он обнаружил значимость специального изучения институциональных и организационных основ исторического знания для понимания способов выработки теорий, методов, установления проблемных полей» (Зверева Г.И., 2002, с.253-254).

Поскольку науковедческая концепция научной школы изложена мною в предыдущих исследованиях (Мельникова О.М., 2003а; 2003б), ограничусь указанием на важнейшие ее структурные элементы, на основе которых организовано все последующее изучение научной археологической школы в Удмуртском университете. В первую очередь, важно определить содержание понятия «научная школа» (что необходимо для определения объема понятия), выявить систему понятий, логически связанных с ней.

Инвариантные признаки понятия «научная школа» таковы:

1) научная школа - это коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению необязательна);

2) в рамках такого коллектива под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в четырех основных аспектах:

а) разработка конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы;

б) подготовка молодого поколения исследователей;

в) организация и координация общих усилий;

г) утверждение особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива (Никишенков А.А., 1982, с.56).

Научные школы благодаря этим характеристикам образуют динамические системы, которые обеспечивают преемственность научного знания и создают условия для его развития. Они являются таким социальным феноменом, который позволяет рассматривать с единой точки зрения предметные, гносеологические, социологические характеристики науки.

Длительность существования научной школы ограничена периодом реализации исследовательской программы - публикацией совокупной системы знаний, возникшей в результате решения науч-

ной проблемы, следствием чего и была исследовательская программа (Гасилов В.П., 1977, с.149). Считается, что научная школа включает в себя, по крайней мере, два поколения ученых, разрабатывающих новое направление (Штейнер Г., 1977, с.116). Минимальный цикл, на который можно фиксировать существование научной школы, составляет три поколения: учитель – ученики – учителя – ученики - и ограничивается периодом в два десятилетия (Мирский Э.М., 1978, с.80). Нередко школы трансформируются в самостоятельные научные направления, внутри которых возникают новые школы в процессе решения новых научных проблем.

Познавательным планом причастность к научной школе не ограничивается. Постоянно выступают два других вопроса: о взаимоотношениях людей, образующих этот своеобразный коллектив; и об индивидуально-личностных притязаниях его отдельных членов, каждый из которых рассчитывает на уникальность собственного вклада (Ярошевский М.Г., 1977, с.86). Этот вопрос вызвал наиболее острые замечания по поводу моих предшествующих работ. Он осознается и другими исследователями научного сообщества.

Весьма показателен в этом смысле взгляд специалиста по истории и социологии науки Д.А.Александрова на школы в науке как социальные сети. Подчеркивая важность эмоциональных связей внутри научной школы, автор приводит немало аргументов в пользу того, что они являются важной составляющей жизни научной школы: «Каждый ученый знает, какую реакцию вызывает уход ученика из одной лаборатории в другую или целой лаборатории в другой институт. Здесь эмоциональная сторона научной жизни обычно выплескивается наружу. «Верные ученики» перестают разговаривать с «предателем», он отлучается от «своего круга» и т.д. и т.п.» (Александров Д.А., 1998, с.13). Автор подчеркивает, что «борьба за истину и манипуляции, интриги и геройство – разные стороны одной и той же деятельности, которая называется научной» (Александров Д.А., 1998, с.170).

Исходя из этих наблюдений можно рассматривать научную школу как форму изоляции определенных групп научного сообщества от других коллективов. Поэтому задача, стоящая перед учеными, объединенными в научные школы, двойка. Во-первых, усилия ученых направлены на то, чтобы раскрыть и показать позитивную познавательную мощь принятой в качестве исследовательской программы научной идеи, что может быть сделано при решении проблемы. Во-вторых, приверженцы одной научной школы интенсивно борются за сохранение и распространение своей исследовательской

программы. При этом можно отметить, что введение в научный оборот результатов, полученных вследствие реализации исследовательской программы, может возвести «барьер непонимания» между членами научной школы и остальным научным сообществом, разделяющим устоявшиеся и конкурирующие системы категорий данной отрасли науки. Новые идеи имеют больше шансов быть усвоенными неопитами или членами сообществ других отраслей знаний, чем восприниматься высококвалифицированными коллегами по данной отрасли знания (Гасилов В.Б., 1977, с.132).

Таким образом, содержание понятия «научная школа» характеризуется набором необходимых и достаточных инвариантных признаков. Однако их проявление в содержательном смысле в каждом конкретном случае происходит по-разному. Это приводит к тому, что научные школы отличаются между собой не только своеобразием исследовательских программ, но и различной степенью влияния на научное сообщество и развитие науки в целом. Это зависит от масштабов научного вклада, определяемого концептуальными событиями, продуцируемыми научными школами (*выдвижение новой проблемы, создание новой теории или гипотезы, формирование нового понятия, развитие теории, открытие законов, правил, открытие новых явлений, создание новых методов исследования или усовершенствование существующих, накопление фактического материала*) (Родный Н.И., 1975, с.238-242). Содержание этих научных событий определяет и тип конкретной научной школы (авангардная, конкурирующая, автаркическая, эпигонская) (Гасилов В.Б., 1977, с.132).

Соединение в единой системе науковедческих признаков научных школ позволяет говорить о логической модели научной школы. Она предполагает выявление генетических связей научной школы, что неизбежно требует в качестве источниковедческой основы использование историографического подхода в исследовании. Далее следует анализ механизма управления деятельностью школы, характеристика субординационных связей, рассмотрение взаимозависимостей научных вкладов, выявление способов привлечения и обеспечения новых кадров, определения направления развития научной школы и ее типа, содержания и динамики развития программы.

Предложенная логическая модель научной школы с учетом познавательных возможностей различных дисциплин открывает возможность конкретно-исторического исследования коллективов в науке.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Развитие научных школ в Урало-Поволжском регионе, начиная с 1970-х гг., во многом связано с деятельностью учеников В.Ф.Генинга (Мельникова О.М., 2003б). Завершив обучение в УрГУ, часть из них была приглашена во вновь образовавшиеся в 70-е гг. XX в. университеты во многих областных городах Урало-Поволжья. На начальной стадии своей деятельности эти ученые образовывали «незримый колледж» - объединение группы ученых, работающих над сходными исследовательскими проблемами. В отличие от научных школ, колледж аморфен, деятельность его членов носит сугубо индивидуальный характер, его члены разделены географически, они добровольно входят в него, при этом высокой остается текучесть кадров (Крейн Д., 1975, с.183).

Ученики в научно-исследовательском в плане продолжали решать задачи, сформулированные школой В.Ф.Генинга (Мельникова О.М., 2003б). Для многих это было связано с необходимостью завершения кандидатских диссертаций, для другой части - археологическое изучение регионов вполне вписывалось в генинговскую систему исследования этнической истории на основе скрупулезного создания культурно-хронологических схем развития регионов в древности и средневековье.

Усвоив исследовательский, педагогический и организационный опыт своего учителя, часть ученых смогла эффективно его использовать. Многие ученики В.Ф.Генинга создали впоследствии продуктивно работающие научные коллективы, трансформировавшиеся по мере решения исследовательских задач, заложенных в программе научной школы В.Ф.Генинга, в самостоятельные научные школы. Один из таких коллективов сформировался в г.Ижевске в УдГУ под руководством Р.Д.Голдиной. В региональной литературе оценка его деятельности как научной школы стала появ-

ляться еще в 90-х гг. XX в. (Ковалева В.Т., 1999, с. 23), став с этого времени устойчивой историографической традицией (Атаманов М.Г., 2002; Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., 2002; Зеленева Ю.А., Кузьминых С.В., 2003).

Интеллектуальные, организационные и педагогические истоки научной школы Р.Д.Голдиной восходят к свердловской школе В.Ф.Генинга, генетически связаны с ней и – опосредованно – с пермской научной школой О.Н.Бадера. Однако исходные исторические обстоятельства развития археологии в Удмуртии несколько отличны от того, что наблюдалось в Перми и Свердловске. Поэтому важно представить исторический фон, на котором происходило формирование и развитие региональной археологии.

2.1. Дореволюционная археология на территории Удмуртии

Исследования по истории археологии в Удмуртии весьма лакунарны. Они, как правило, связаны с историей изучения конкретных научных проблем. Особенностью историографических обзоров является то, что они не всегда связаны только с административной территорией Удмуртии. Кроме того, в дореволюционный период ее территория не являлась самостоятельным массивом в административном отношении: она входила в состав Вятской губернии, при этом сохраняя прочные связи с Казанской и Пермской губерниями.

Поэтому специальные историографические работы, связанные с изучением собственно территории Удмуртии малочисленны. Естественно, что они появились лишь в советские годы, когда возник сам административный феномен Удмуртии в разных его вариантах. Это очерк в монографии В.Ф.Генинга «Археологические памятники Удмуртии» (Генинг В.Ф., 1958, с.21-26) и первое обстоятельное историографическое исследование В.А.Семенова «К истории археологических исследований в Удмуртии» (Семенов В.А., 1978, с.3-48). Первый весьма лаконичен, поскольку история археологии на территории Удмуртии не являлась специальным предметом исследования В.Ф.Генинга. В.А.Семенов сумел обобщить значительный объем историографической информации, завершив его серединой 70-х гг. XX в.

Часть сведений содержалась в исследовании О.Н.Бадера «Археологические памятники Прикамья», где археологическое изучение памятников на территории Удмуртии дается на общем фоне развития прикамской археологии (Бадер О.Н., 1950, с. 19-32). Ана-

логична информация в работе В.В.Ванчикова и Л.А.Сенниковой «Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период» (Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991, с.26-57). Заслуживает внимание монография Т.И.Оконниковой, посвященная изучению научных традиций в прикамской археологии, где в контексте обсуждаемой проблемы также имеются сведения об истории археологических исследований на территории Удмуртии (Оконникова Т.И., 2002). Историографическую ценность представляют отдельные статьи-персоналии в энциклопедическом издании «Удмуртская Республика» (Удмуртская Республика, 2000). Ряд сборников содержат специальные обзоры-очерки о деятельности трех современных научных коллективов, продуктивно работающих на территории Удмуртии по изучению ее археологических памятников – УдГУ, УдМНИИЯЛ УрО РАН, Национальный Музей УР им. К.Герда (Голдина Р.Д., 1996; 1996а; 2000, с.49-55; Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001, с. 156-173; Останина Т.И., 1991, с.14-45; 2000, с. 30-52).

Персональная деятельности выдающихся отечественных археологов, работавших на территории Удмуртии, освещена в ряде специальных статей, сборников, материалов научных конференций (Бердинских В.А., 1991, с.81-101; Бердинских В.А., 2003; Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы, 1991; Бердинских В.А., Макаров Л.Д., 2002, с.65-70; Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв., 2000; Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет, 2004 и др.).

Такой исследовательский опыт с привлечением архивных материалов позволяет воссоздать картину археологического изучения территории Удмуртии. Это важно для понимания характера и содержания исследовательских задач, вставших перед научной школой Р.Д.Голдиной, оценки ее организационной, научной и педагогической деятельности.

Традиционно все периодизации истории отечественной археологии выделяют **донаучный период** или период **предистории науки**. Не является исключением и история археологии на территории Удмуртии. Этот период связывается с изучением отношения к археологическим объектам населения, проживавшего в той или иной местности. Еще задолго до оформления археологии как науки, древние вещи не только обращали на себя внимания людей, но и занимали при этом немаловажное место в их жизни и мировоззрении. Вещественные древности, заброшенные и давно вышедшие из употребления, могли использоваться по их прямому назначению, нередко им придавался магический смысл.

На рубеже XIX-XX вв. было активно начато собирание и изучение легенд и преданий об археологических памятниках Прикамья. Поэтому особого внимания заслуживают исследователи, которые взяли на себя этот труд (П.В.Алабин, А.А.Спицын, Н.Г.Первухин, И.П.Селивановский, Г.В.Потанин, Л.А.Беркутов).

В исследованиях вятского периода жизни А.А.Спицына и вышедших позднее в годы его работы в ИАК исследования по археологии Приуралья, встречаются предания и легенды о «громовых» стрелах, великанах и богатырях. Так, по фольклорным сведениям, собранным ученым, богатыри, обитавшие на Кривоборском городище (близ устья р. Чепцы) бросали двухпудовые палицы на Подчуршинское городище, а подчуршинские богатыри – на городище в устье р. Чепцы (Спицын А.А., 1893, с. 181).

Н.Г.Первухин, проводя по программе МАО разведки и раскопки в Глазовском уезде Вятской губернии, обязательно записывал легенды и предания о том или ином археологическом памятнике. Очень много преданий посвящено богатырям, разбойникам икладам (Первухин Н.Г., 1896).

В фондах ЦГА УР хранятся материалы Л.А.Беркутова, отчасти опубликованные в «Известиях» Сарапульского музея. Собранные легенды, содержащиеся в черновиках, сами черновики весьма содержательны и хранят еще много информации, пока неостребованной археологами в полном объеме (Мельникова О.М., 2004, с.145-150). Подавляющее большинство сведений связано с преданиями, суевериями, легендами об этих памятниках, в содержательном смысле связывающих их с чудью, разбойниками икладами (ЦГА УР, Ф.349, оп.2, ед.хр.16).

Особый пласт всех этих сведений связан с чудью. Постепенно в XIX в. новые события стали затенять старые, курганы объявляются Пугачевскими и, что, якобы, в них Емельяном Пугачевым спрятаны клады (Ванчиков В.В., 1993, с.98).

В.В.Ванчиков, специальной занимавшийся исследованием этой темы, полагает, что можно выделить общую схему сюжетов преданий об археологических памятниках Вятской губернии: «Городища были насыпаны или «вытянуты» богатырями (разбойниками, реже - великанами), которые впоследствии там жили в одиночку или группой. Богатыри перебрасывались между собой тяжелыми палицами (железными гирями, бревнами), а также воевали или принимали друг друга в гости. Богатырь (разбойник), прежде, чем покинуть городище, зарывал богатый клад. Далее клад выступает как самостоятельный образ в предании. Он находится

в подземелье, в которое ведут железные двери. Клад довольно часто дает о себе знать: появляется точно в определенные дни (связь с церковными праздниками) в виде белого барана, белого старичка, всадника, одетого в белое, или мужика на белой лошади. Попытки населения добыть клад результатов не дают» (Ванчиков В.В., 1993, с.98).

В.В.Ванчиков видит в этом сюжете два хронологических пласта. Первый «богатырь - городище – перебрасывание», ранний сюжет, являющийся отголоском древних удмуртских легенд о предшественниках людей на земле. Сюжет перебрасывания загадочен, но, возможно отражает торговые, политические, родовые связи населения, оставившего памятники. Вторая структурная связь «разбойники – городище – клад» возникла позже в XVI - XVIII вв., когда разбойничество в России приобрело широкие масштабы (Ванчиков В.В., 1993, с.99).

Таким образом, исследуя научные труды, объектом которых выступают предания об археологических памятниках, следует сделать вывод о повсеместном характере легендарных сведений. Эти сведения касаются различных категорий вещественных древностей: отдельных категорий археологического материала, памятниках (но, главным образом, городищах и курганах), почитаемых местностях. В исследованиях подчеркивается особая роль легенд в формировании донаучных знаний людей об историческом прошлом, для которых характерным оказывается синкретизм мифологических представлений человека о мире и христианские догмы.

В значительной мере эти легендарные сведения донаучного периода в развитии археологии оказались востребованными в XVIII в., когда учеными путешествиями АН было положено начало формирования научной археологии в России.

Особенно оцененными оказались предания об археологических памятниках, собранные в XIX в., когда в России, в том числе и в Вятской губернии, стала активно оформляться местная археологическая традиция в археологическом изучении региона. Краеведы-энтузиасты, ученые, научные общества по существу собрали все возможные сведения о вещественных древностях (как указывает А.Г.Иванов, «в настоящее время уже вряд ли можно ожидать каких-либо крупных открытий в собирании эпоса» (Иванов А.Г., 1992, с.42)).

Становление научного отношения к археологическим памятникам в регионе восходит к так называемому периоду «ученых путешествий» в истории русской археологии. Непосредствен-

но археологические памятники на территории Удмуртии были описаны еще академической экспедицией Н.П.Рычкова (1746-1784 гг.), осмотревшего два городища в окрестностях села Глазово: «в 5 верстах от него, называемое Илкатар и около с. Балезино - городище «Курилка». По мнению удмуртского населения, оба эти городища «суть остатки их древнего жилища» (цит. по кн.: Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991, с.27). Эта информация была повторена в 1810 г. профессором географии, истории и статистики Санкт-Петербургского университета Е.Ф.Зябловским в монографии «Землеписание Российской империи».

Местная традиция археологического изучения Вятского края практически всегда была связана с деятельностью общественных организаций или государственных органов. В Вятской губернии таковыми были губернский статистический комитет (ВГСК), созданный еще в 1835 г., и ученая архивная комиссия (ВУАК), организованная в 1904 г.

ВГСК занимался сбором и научной обработкой исторических, географических, экономических сведений о крае. В 1837 г. для содействия сбору сведений о курганах России, предпринятому П.И.-Кеппенем, министр внутренних дел Д.Блудов направил вятскому губернатору просьбу об описании городищ, курганов, древних погребений и других древностей (Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991, с.28). Так среди прочих было получено первое описание археологического памятника на территории юго-восточной Удмуртии - Воткинского городища.

Всплеск интереса к древностям Вятской губернии произошел в середине 50-х гг. XIX в. в связи с открытием в Елабужском уезде Ананьинского могильника. Елабужский купец И.В.Шишкин, увлекавшийся историей, собрал у крестьян древние вещи, найденные у д.Ананьино. Для определения их значимости он направил их уроженцу Елабуги профессору Московского университета К.И.Невоструеву, который предложил провести на памятнике раскопки. Они были проведены в 1858 г. П.В.Алабиным, помощником управляющего Вятской удельной конторой. Строго говоря, эти раскопки не связаны с территорией Удмуртии, но они наложили важный отпечаток на формирование устойчивого интереса к древностям во всей Вятской губернии.

Кроме того, важен еще один замечательный факт, который связывает раскопки Ананьинского могильника с территорией Удмуртии. Благодаря изысканиям кировского краеведа В.С.Жаравина стало известно, что приглашение к раскопкам именно П.В.Алаби-

на было связано с тем, что могильник находился на землях удельного ведомства. С 1856 г. П.В.Алабин жил в Сарапуле, возглавлял Мостовинское отделение Вятской удельной конторы, объединявшее удельные земли в пределах Сарапульского и Елабужского уездов (Жаравин В.С., 2004, с.15). Крестьяне позволили провести раскопки, только лицу, представлявшему удельное ведомство: все просьбы И.В.Шишкина о проведении раскопок на их землях были отвергнуты и было принято решение, поручавшее эти раскопки П.В.Алабину.

Особая роль в исследовании археологических памятников на территории Удмуртии принадлежит Обществу археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), созданному 18 марта 1878 г. при Казанском Императорском университете под воздействием результатов IV археологического съезда, проведенного Московским археологическим обществом в 1877 г. в Казани. Перед обществом была поставлена цель: «Изучение прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилегающими к ней местностями» (Шпилевский С.М., 1884, с.5).

ОАИЭ сумело объединить в своих рядах крупных ученых-профессоров Казанского университета, представителей местной интеллигенции помещиков, купцов - свыше ста человек (Сидорова И.Б., 2005, с.7-22). Членом-сотрудником общества этнографом Г.Н.Потаниным в 1882 г. в ходе этнографического изучения вотяков Елабужского уезда обследован ряд городищ, расположенных в бассейнах рр.Тоймы и Ижа: Верхне-Утчанское, Кузебаевское I, Варзи-Ятчинское, Бобья-Учинское (Семенов В.А., 1978, с.5). В 1881 г. преподаватель истории и географии в Казанском Родионовском институте П.А.Пономарев провел небольшие раскопки на Воткинском городище.

Заинтересовавшись находками медных вещей в Сарапульском уезде, археологическая комиссия ОАИЭ командировала в Вятскую губернию профессора Казанского университета этнографа И.Н.Смирнова. В 1894 г. он исследовал несколько старых удмуртских кладбищ на территории Сарапульского и Глазовского уездов, а также Мазунинский могильник на р.Каме (Семенов В.А., 1978, с.5, 6). В эти же годы на могильнике Чем-Шай проводил небольшие раскопки И.А.Износков, директор народных училищ Казанской губернии (Генинг В.Ф., 1958, с.22).

В 1908 г. ОАИЭ задалось целью составления археологической карты Казанской губернии. Письма с просьбой о сборе сведений

об археологических объектах были разосланы во многие сопредельные с губернией уезды. Одно из них сохранилось в ЦГА УР в фондах Сарапульского земского музея. В письме, подписанном председателем археологической комиссии ОАИЭ П.И.Кротовым, говорилось: «Известно, что остатков древности чрезвычайно много в пределах Казанской губернии. Но далеко не о всех этих древностях имеются указания в различных сочинениях. Между тем одно составление такой карты требует подробных сведений о всех вообще находках древних предметов в Казанской губернии. Хотя ОАИЭ прилагает все усилия, чтобы самому, при посредстве своих членов, осмотреть такие остатки древности, но оно, очевидно, не может знать о существовании всех находок древних предметов, без благосклонного содействия ему в этом посторонних лиц. Оно рассчитывает на то, что все знающие о подобных находках лица не откажут сообщить ему все, что они знают о подобных находках. Вот почему ОАИЭ при Императорском Казанском университете обращается ко всем учреждениям и лицам с покорнейшей просьбой ответить на все вопросы (или часть их)» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.3, л.1).

Сбор информации предполагал получение сведений о находках каменных орудий, древних погребений, древних железных и медных предметов, городищах, курганах. В каждом из разделов был приведен детальный перечень вопросов с указанием месторасположения находок и памятников, их размеров, топографии, связи с преданиями, сведениях об информаторах (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.3, л.2).

Особая роль в изучении памятников на территории Удмуртии принадлежит А.А.Спицыну - учителю Вятской женской Мариинской гимназии, позднее сотруднику Императорской Археологической Комиссии в Петербурге. Еще будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета в 1880-1881 гг. он собрал и обобщил информацию обо всех известных древностях Вятской губернии. Его «Каталог древностей Вятского края» был опубликован в календаре Вятской губернии на 1881 г. и содержал хронологическую и территориальную (по уездам) систематизацию материалов по типам археологических памятников (Спицын А.А., 1881). Это сочинение в 1882 г. было представлено в качестве диссертации на получение звания кандидата Санкт-Петербургского университета (Тихонов И.Л., 2003, с.45).

В 1887 г. при поддержке МАО, ВГСК, вятского губернатора А.Н.Волкова А.А.Спицын провел разведки по Вятской губернии,

производя раскопки в наиболее интересных местах. Это было первое большое археологическое обследование Вятской губернии, проведенное по поручению МАО в преддверии VII археологического съезда в Ярославле (Тихонов И.Л., 2003, с.46). Составленный А.А.Спицыным «Отчет об экспедиции в Приуральский край в 1887 г.» по поручению МАО был прочитан на VII археологическом съезде в Ярославле Д.Н.Анучиным.

На территории Удмуртии А.А.Спицыным были проведены раскопки на Зуевском и Ныргындинском I и II могильниках, были исследованы ряд пьяноборских поселений, городища Идна-Кар, Сабанчи-Кар, Весья-Кар, Кушманское, Мало-Венижское и произведены раскопки на могильнике Чем-Шай, собран обширный разведочный материал (Семенов В.А., 1978, с.5).

В Глазовском уезде исследованием археологических памятников занимался инспектор народных училищ Н.Г.Первухин. Навыки краеведческой работы он получил еще будучи преподавателем истории Нижегородского Мариинского института, куда поступил на работу после окончания Московской духовной академии. Позднее он писал: «Оказавшись на службе в Глазове, я заинтересовался оригинальными особенностями быта того уезда, где пришлось служить, три инородческих племени которого: пермяки, бесермяне и особенно вотяки сохранили у себя до того времени не только предания и обычаи глубокой старины, но и памятники жизни древнейших обитателей этой страны - чуди и булгар. Пассивно относиться к предмету, меня интересующему, я не могу и поэтому скоро перешел к активным наблюдениям, расспросам и справкам... Я начал собирать древние вещи, которые во многих местностях Глазовского уезда были находимы крестьянами то при распашке полей, то при спаде весенней воды на берегах рек, то при копании случайных ям. Вместе с тем я начал собирать предания о том или другом месте находок. И, наконец, по поручению Московского археологического общества начал и нарочно разъезжать по уезду, лично осматривая и описывая урочища, на которых встречались находки, производил пробные раскопки и изыскания» (Бердинских В.А., Макаров Л.Д., 2002, с.65).

Кроме МАО, поддержку исследованиям Н.Г.Первухина оказывал ВГСК. К своим исследованиям Н.Г.Первухин активно привлекал учителей. Им самим было обследовано более 50 городищ, сделаны топографические планы, профили, описания рельефов и остатков укреплений. Собранная коллекция вещей была представлена на VII археологическом съезде в Ярославле, после оконча-

ния которого Н.Г. Первухин был выбран членом-корреспондентом МАО. Для VIII археологического съезда в Москве он раскопал 9 городищ и 23 могильника на Чепце и Каме. ВГСК избрал Н.Г.Первухина делегатом на этот съезд, но скоропостижная кончина исследователя не дала сбыться этим планам (Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991, с.42-43). МАО выпустило целый ряд работ Н.Г.Первухина, в том числе «Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии».

С 1904 г. к ВГСК и ОАИЭ свои усилия в археологическом изучении территории Удмуртии присоединила ВУАК. Она занималась выявлением и изучением исторических источников, обследованьем и охраной археологических памятников, обсуждала рефераты на краеведческие темы, ее представители участвовали в археологических съездах (Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991, с.50). Одним из ее активных членов был В.Д.Емельянов, выпускник Петербургской духовной Академии и Петербургского Археологического института. Он был учителем истории в Вятском женском епархиальном училище, наблюдателем епархиальных церковных школ. В 1905-1912 гг. редактировал «Труды ВУАК». В одном из выпусков «Трудов» в предисловии «От редакции» В.Д.Емельянов так формулировал задачи, стоящие перед комиссией: «ВУАК имеет своей прямой задачей облегчение трудности исследования истории края путем собирания документов, сосредоточения их в своем архиве для хранения и удобства пользования желающим заниматься изучением их. Она печатает сообщения по первобытной археологии: о местонахождении городищ, могильников, их систематических или случайных раскопках, о случайных находках предметов каменной, бронзовой и железных эпох. Тяжелое материальное положение ВУАК заставляет нас обратиться ко всем интересующимся историей и стариной края объединиться вокруг ВУАК для дружного изучения их, для собирания и хранения предметов старины, с просьбой к просвещенному обществу, городам и земствам придти на помощь материальными средствами для организации музея древностей и расширения деятельности ВУАК» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.3, л.268).

В 1906-1908 гг. вместе с П.Г.Тарасовым В.Д.Емельянов провел раскопки на Поломском I и II могильниках, I и II Поломских городищах, целом ряде селищ. В 1910 г. он опубликовал статью «О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении», где указывал, что «собирание и сохранение памятников местной истории есть дело общества, сознательно и с интере-

сом относящегося к жизни своих предков. О ранней истории Вятки почти нет письменных источников, поэтому велика необходимость археологических исследований и музея как хранилища источников материальных» (цит. по кн.: Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991. с.51). К сожалению, ВУАК попала под материальную зависимость от епархиального ведомства, и вместо историко-археологического музея был создан церковно-археологический музей (Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991. с.52). Полагаю, что это связано не только с этой причиной: повсеместно, даже включая деятельность МАО и археологических съездов, церковная археология на рубеже веков превращалась в России в одно из наиболее активно развиваемых направлений.

Роль ВГСК, ОАИЭ, ВУАК в развитии археологии в регионе была несомненна. Соединяя в себе местную традицию в лице всех интересовавшихся историей родного края и потребности центральных археологических и иных исследовательских учреждений, эти государственные и общественные организации способствовали формированию интереса в обществе к археологическому прошлому. Публикации археологических материалов, использование местной периодики, сбор информации об археологических памятниках, участие в подготовке археологических съездов способствовали просвещению общества в археологическом отношении.

Особую роль в этом процессе сыграли местные музеи. В частности, материалы из коллекций, собранных А.А.Спицыным на Воткинском и Ижевском городищах были переданы в Вятский музей, основанный П.В.Алабиным (Жаравин В.С., 2004).

Значимую и пока еще не в полной мере осмысленную и оцененную в научной литературе роль в археологическом исследовании территории Удмуртии сыграл созданный в 1909 г. музей Сарапульского земства, переданный в 1913 г. Обществу изучения Прикамского края. В решении о его создании указывалось: «Сарапульское земство, заслушав в очередную сессию 1909 г. доклад уездной управы об учреждении при Управе музея, постановило: признать желательным и уполномочить Управу на прием пожертвований вещами и деньгами для будущего музея. Устройство музея в Сарапуле, являющемся крупным центром Среднего Прикамья, будет иметь важное значение не только для Сарапула, но и для окрестных местностей. В этом музее предполагается организация отделов: по археологии, этнографии, нумизматике, естественным наукам и прикладным знаниям. Важно устроить библиотеку изданий, имеющих отношение к местному краю. В настоящее время разного рода ред-

кие предметы, имеющие ценность в смысле изучения местной жизни: археологические древности и другое, сосредотачиваются в частных руках, теряются безвозвратно, и чем дальше идет время, тем более теряется памятников старины и местного быта» (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.6, л.1).

Общество организовало 13 членов-учредителей во главе с председателем земской управы М.С.Тюниным: Ананьин Василий Гаврилович, наблюдатель церковно-приходских школ в Сарапуле; Беркутов Порфирий Павлович, преподаватель Сарапульского Алексеевского реального училища, живописец; Бодалев Иван Иванович купец второй гильдии, потомственный почетный гражданин; Круликовский Леонид Константинович, выпускник Казанского университета, энтомолог, акцизный надзиратель Западного Округа Вятской губернии; Яков Григорьевич Лукин, следователь по важнейшим делам; Георгий Филиппович Малявкин, коллежский секретарь; Мефодий (в миру Великанов Михаил Матвеевич), выпускник Московского университета и Духовной академии в Санкт-Петербурге, кандидат богословия, епископ Сарапульского викариатства; Сергей Николаевич Миловский; Николай Михайлович Мусерский, секретарь Сарапульской уездной земской управы; Василий Павлович Новиков, уездный врач, Николай Евгеньевич Ончуков, выпускник Петербургского археологического института, учредитель газеты «Прикамская жизнь»; Федор Васильевич Стрельцов, врач (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.6, л.111).

За первый год своего существования музей сделал немало для археологического изучения уезда. В «Кратком очерке деятельности за первый год существования» подчеркивалось, что уже летом 1909 г. музей приступил к собиранию коллекций по естественной истории и к розыску разных предметов доисторической археологии. В этом деятельное участие приняли Ф.В.Стрельцов, С.Н.Миловский, П.П. и Л.А.Беркутовы. Они пожертвовали музею много черепков древней утвари и доисторической археологии.

В июле 1909 г. при производстве работ по строительству водопровода в г.Сарапуле было найдено древнее кладбище с монетами времен Михаила Федоровича. По просьбе управы ОАИЭ командировало в Сарапул археолога-антрополога М.М.Хомякова. С этих раскопок в музей поступило несколько черепов, кости ребенка, положенные в бересту, несколько крестов и монет и несколько татарских пуговиц (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.6, л.105).

В апреле 1910 г. музей обратился в Императорскую Археологическую Комиссию с просьбой о выдаче Открытого листа на

проведение археологических раскопок летом 1910 г. на городищах, курганах и могильниках в Среднем Прикамье (уезды Осинский, Оханский, Бирский, Мензелинский, Сарапульский, Глазовский, Малмыжский и Елабужский) в целях изучения местной старины. В качестве автора предполагаемых раскопок было названо имя Л.А.Беркутова (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.111).

Имя Л.А.Беркутова упоминается во многих историографических обзорах. Указывается, что он был народным учителем (Генинг В.Ф., 1958, с.23), преподавателем реального училища (Федорченко-Шемякина Л.Н., 1993, с.78). В действительности же выбор музея диктовался тем, что Л.А.Беркутов, будучи в это время студентом Санкт-Петербургского политехнического института, одновременно закончил к 1910 г. курс в Петербургском археологическом институте (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.111). М.С.Тюнин вел переписку с Л.А.Беркутовым о его согласии на проведение раскопок. Такое согласие было получено (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.113).

Правда, еще в мае 1910 г. ИАК выражала сомнение в выдаче Л.А. Беркутову Открытого листа: «Не имея сведений о том, производил ли когда-либо археологические раскопки господин Беркутов и где помещены отчеты о его раскопках, Императорская Археологическая Комиссия имеет честь просить Управу уведомить ее, в какой местности и какие именно памятники господин Беркутов предполагал бы исследовать в первую очередь» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.129).

В ответ на это письмо Сарапульская земская управа так обосновывала свой выбор: «Сведений о том, производил ли господин Беркутов ранее археологические раскопки, управа не имеет. Управа предполагает и находит желательным обследование и раскопки городищ, имеющихся на берегу р.Камы в пределах Сарапульского уезда. Кроме того, управа имеет честь сообщить, что господин член археологической Комиссии А.А.Спицын по просьбе одного из учредителей Сарапульского земского музея любезно обещал сообщить господину Беркутову руководящие указания как теоретически, так и практически при археологических работах, предположенных текущей весной в Лужском уезде» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.130). В итоге лист был получен с напоминанием о необходимости в срок до января 1911 г. вернуть его с отчетом о произведенных раскопках (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.149).

Между прочим, о раскопках А.А.Спицына в Лужском уезде в мае 1910 г. в монографии «Археология в Санкт-Петербургском

университете» упоминает И.Л.Тихонов: «Первые раскопки археологический кабинет провел в мае 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ. Раскопки проводились следующим образом: каждый студент раскапывал по кургану под общим наблюдением Спицына. По окончании все студенты писали отчеты о «своих» курганах, и на их основании А.А.Спицын составил и опубликовал в изданиях Археологической комиссии общий отчет» (Тихонов И.Л., 2003, с.77).

Поскольку Археологический институт и университет в Петербурге связывала общность научных тем и читаемых курсов, многие преподаватели и слушатели института были профессорами и студентами института (Тихонов И.Л., 2003, с.131), можно предположить, что и в учебных раскопках студентов университета могли принимать участие и слушатели Археологического института, в т.ч. и Л.А.Беркутов.

А.А.Спицын был крайне строг и взыскателен к качественной стороне полевых археологических исследований. И.Л.Тихонов приводит воспоминания одного из его учеников по этому поводу: «Он постоянно был поглощен вопросом о технике производства раскопок и считал, что ошибочные заключения, сделанные на основании раскопок, проверены новой раскопкой быть не могут. Поэтому он требовал самого тщательного ведения дневника, постоянных обмеров, чертежей, рисунков и фотографий» (Тихонов И.Л., 2003, с.77). Такая школа у А.А.Спицына могла способствовать становлению Л.А.Беркутова как полевого исследователя.

В 1910 г. Л.А.Беркутов раскапывал Усть-Нечкинское и Чегандинское городища и Юшковские курганы, Чегандинский могильник. Работы осуществлялись крестьянами на условиях поденщины. Кроме самого Л.А.Беркутова в них принимал участие член ОАИЭ П.И.Кротов (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.182). Находки с этих памятников были описаны в описи, представленной в ИАК (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.13, л.16).

В следующем 1911 г. музей вновь обратился к Л.А.Беркутову с просьбой о проведении раскопок могильников в Сарапульском уезде с целью обогащения музея памятниками старины (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.6, л.260). В своем письме Л.А.Беркутов ответил отказом, мотивируя его тем, что «производить раскопки такие, как в прошлом году Чегандинского городища, не имеет смысла, т.к. они по своим малым размерам нового в науку дадут очень мало. Производить раскопки нужно в больших размерах, но на это нужны порядочные средства. Поэтому предлагаю летом 1911 г.

заняться одними разведками, а раскопки производить тогда, когда найдется что-либо особенно интересное и если на это будет какая-либо сумма» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.13, л.70). В результате управа выделила 20 руб. на производство разведок в окрестностях г.Сарапула. Кроме того, были обследованы многие памятники, упоминаемые А.А.Спицыным во время его поездки в уезд еще в 1887 г.

В 1913 г. Л.А.Беркутов произвел разведки в ряде волостей Сарапульского уезда. В это время он уже являлся членом-сотрудником Императорского Археологического Института в Санкт-Петербурге. В 1913 г. был получен еще один Открытый лист на его имя по просьбе созданного в этом году «Общества изучения Прикамского края» для проведения раскопок по линии строящейся железной дороги Казань-Екатеринбург (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.11, л.17). В 1914 г. Л.А.Беркутов продолжил разведочное обследование волостей Сарапульского уезда. На 30 рублей выделенных средств он обследовал Шарканскую волость, Воткинское и Перевознинское городища и Пислеговский «Кар-Гурезь» (ЦГА УР, ф. 349, оп.1, ед.хр.7, л.3).

Материалы раскопок Л.А.Беркутова опубликованы в «Известиях» Сарапульского земского музея. Структура описания работ весьма стандартна и отражает уровень методологии полевых исследований этого периода. Она включала описание географического местоположения памятника, его топографии, культурного слоя, находок. Все описание материала дано по квадратам. Весьма ценным является изложение собранных среди местного населения всевозможных легенд и преданий, связанных с этими местностями. (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.16, л.35). В фондах ЦГА УР хранятся оттиски статей Л.А.Беркутова, опубликованных в «Известиях» Сарапульского музея и весьма обширная подготовительная рукописная работа к ним. Собранные легенды, содержащиеся в черновиках, сами черновики весьма содержательны и хранят еще много информации, пока не востребовавшей археологами в полном объеме.

В своей работе Л.А.Беркутов поддерживал отношения с А.А.Спицыным, работавшим тогда в Петербурге в Археологической Комиссии. В одном из сохранившихся писем к М.С.Тюнину 12 января 1911 г. он упоминал о том, что был у А.А.Спицына. Следствием этой встречи стала постановка задачи сбора материала для предстоящего археологического съезда (XV археологического съезда, состоявшегося в Новгороде в 1911 г. - О.М.), где пред-

полагалось обсуждение материалов Прикамья (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.16, л.105).

Показательно, что все свои исследования в Сарапульском уезде Л.А.Беркутов проводил бесплатно, расходуя деньги только на оплату рабочих (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.10, л.9). Музей и «Общество изучения Прикамского края» высоко ценило это подвижничество. В протоколе одного из их совместных заседаний указывалось, что они «выражают благодарность члену Археологической комиссии А.А.Спицыну за его содействие музею и Л.А.Беркутову за безвозмездные труды на пользу музея» (ЦГА УР, ф. 349, оп.2, ед.хр.3, л.6). И тот, и другой вместе с П.И.Кротовым в 1912 г. получили почетное звание члена-сотрудника музея (ЦГА УР, ф. 349, оп.1, ед.хр.5, л.28).

Не имея возможности материально вознаградить Л.А.Беркутова, тем не менее, музей разрешил выдачу ему бесплатного билета на бесплатные разъезды летом на производство раскопок городищ и могильников в пределах уезда (ЦГА УР, ф. 349, оп.1, ед.хр.3, л.11). Только с созданием «Общества изучения Прикамского края» возникли некоторые средства, которые складывались из членских взносов (ЦГА УР, ф. 349, оп.1, ед.хр.3, л.17).

Интерес вызывает археологическая деятельность «Общества изучения Прикамского края», созданного в 1913 г. Его учредителями были практически те же самые лица, основавшие Сарапульский музей. Учитывая общность целей музея и Общества в 1913 г. управа приняла решение о передаче музея этому Обществу. Так сохранялась преемственность в его деятельности. Общество не только связывало свою археологическую работу с деятельностью Л.А.-Беркутова, но и само проводило археологические экскурсии (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.16, л.12).

Общество проделало колоссальную работу по сбору информации об археологических памятниках в пределах Сарапульского уезда. В 1913-1916 гг. оно разослало анкеты опроса старожилов по волостям. Она включала в себя большей частью вопросы по археологии региона. Корреспондентам следовало ответить на вопрос: «Встречаются ли в Вашей местности остатки старины?». В ответах требовалось указать точное место, где найдены остатки старины, кто из местных жителей может их показать, видел ли автор информации сам то или иное место или может указать того, кто ему сообщил эти сведения. В этом разделе требовалось информировать о городищах, курганах, пещерах, могильниках, старинных кладбищах, местности, где попадаются или вы-

пахиваются черепки посуды, кости животных, а также старинные строения, церкви, дома, остатки каких-либо сооружений. Вторым вопросом предлагалось дать информацию о находках вещей в конкретной местности. В ответах следовало указать, какая вещь и дать ее подробное описание, где и у кого она сохранилась, видел ли информатор сам эту вещь или слышал от кого-либо. Среди таких вещей следовало указать металлические (железные, бронзовые, медные, серебряные, золотые), костяные, каменные, глиняные. Любопытно, что среди информаторов было немало женщин-учительниц местных школ (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.16 л.106-161; ед.хр.14).

Кроме того, Общество издало библиографический «Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских Епархиальных ведомостях» по август 1915 г.», составленный священником И.Шестаковым (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.8, л.1).

Стараниями музея за первые пять лет его существования, археологическая коллекция стала весьма внушительной. Отдел доисторической археологии был систематизирован трудами Л.А.Беркутова и Ф.В.Стрельцова (ЦГА УР, ф.349, оп.1, ед.хр.3, л.18).

Созданием музея в Сарапуле были разграничены сферы деятельности существовавших в Вятской губернии музеев - «Вятский музей будет обслуживать северную часть губернии, Кукарский - юго-западную часть, Сарапульский - восточную и вообще Среднее Прикамье» (ЦГА УР, ф.349, оп.2, ед.хр.3, л.107).

Естественно, что интерес к археологии не носил массового характера. Но научное изучение памятников, большая популяризаторская работа способствовали формированию в провинциальном обществе интереса к археологии и сделали ее одной из значимых и наиболее развитых в контексте регионального развития науки.

2.2. Археологические исследования в Удмуртии в 20-30-е гг. XX в.

События первой мировой и гражданской войны на время приостановили изучение археологии на территории Удмуртии. В первое десятилетие после этих потрясений археологическое изучение края было связано с возобновлением деятельности научных обществ. В 20-е гг. археологические исследования велись, главным образом, на любительском уровне.

Вновь оживилась деятельность ОАИЭ. М.Г.Худяков, член этого общества, заведующий историко-археологическим отделом Ка-

занского губернского Центрального музея, преподаватель Северо-Восточного археологического и этнографического института по кафедре археологии, проявил интерес к памятникам на территории Удмуртии (Кузьминых С.В., 2004, с.33-35). Еще в 1917 г. он предложил ВУАК работу «Древности Малмыжского уезда» - полный археологических памятников, фактически первая археологическая карта региона, вплоть до 1950-х гг. остававшаяся единственным источником об археологических памятниках этого региона (Кузьминых С.В., 2004, с.27). В 1920 г. он написал работу «Вотские родовые деления», посвященную ранней истории удмуртского народа. В 1927 г. М.Г. Худяков провел раскопки на ряде могильников III-V в. н.э. (Семенов В.А., 1978, с.15).

В Сарапуле продолжал свои изыскания врач Ф.В.Стрельцов. Им была предпринята попытка составления археологической карты Удмуртии (Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001, с.156). К сожалению, послереволюционная судьба наиболее опытного сарапульского археолога Л.А.Беркутова неизвестна. По устной информации археолога Музея истории Среднего Прикамья Н.Л.Решетникова есть сведения о том, что он ушел на восток вместе с армией Колчака. По другой информации его видели в Сарапуле и после войны. Деятельность «Общества изучения Прикамского края» была прекращена в 1929 г. в связи с изменением отношения в стране к краеведческому движению.

В 1925 г. в Ижевске было создано Научное общество по изучению Вотского края (НОИВК) для изучения культуры и быта удмуртов и других национальностей. К сожалению, оно не располагало профессиональными кадрами в области истории. Поэтому общество установило связи с научными и краеведческими организациями Вятки, Казани и Москвы. В 1926 г. по просьбе НОИВК в Удмуртии работала археологическая экспедиция во главе с ученым секретарем археологического подотдела Главнауки С.Г.Матвеевым. В организации экспедиции принимали участие ГАИМК, ГИМ, РАНИОН, НОИВК, Глазовский музей (Археологические экспедиции..., 1962, С. 1962, с.37). С 1927 г. экспедицию возглавил аспирант отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН А.П.Смирнов, участвовавший и в предыдущей экспедиции. Экспедиция проработала до 1928 г., затем с перерывами в 1932, 1936 гг. При содействии местного населения учеными были обследованы и частично раскопаны древние и средневековые памятники V-XVIII вв. в ряде районов Удмуртии (Археологические экспедиции..., 1962, с.37).

Материалы исследований на территории Удмуртии были опубликованы в «Трудах» НОИВК, «Ученых записках НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР» (1931), «Советской археологии» (1937) и «Археологических исследованиях в РСФСР в 1934-1936 гг.» (1941). Эти исследования во многом предопределили научный интерес А.П.Смирнова, ставшего впоследствии крупнейшим специалистом по археологии Прикамья (Останина Т.И., 1991, с.14-45).

В 1931 г. было образовано первое научное учреждение на территории Удмуртской республики – научно-исследовательский институт. Перед ним была поставлена задача «изучения истории, языка и литературы удмуртского народа, популяризация знаний среди широких масс трудящихся» (ЦГА УР. Ф.1345, оп.1, ед.хр. 77, л.14). В 1936 г. институтом была организована рекогносцировочная экспедиция для обследования некоторых южных и юго-западных районов республики во главе с А.П.Смирновым, бывшим в эти годы сотрудником ИИМК. Была проведена большая разведочная работа и небольшие раскопки на Верхне-Утчанском городище (Смирнов А.П., 1937).

В целом археологическое изучение Удмуртии не носило постоянного целенаправленного характера. Централизация научных изысканий не всегда была эффективна: научные интересы столичных исследователей не всегда носили планомерный характер. Кроме того, в связи с централизацией советской науки, в провинции не было кадров профессиональных исследователей древностей.

2.3. Актуальность подготовки археологических кадров для Удмуртии (50-60 гг. XX в.)

В годы Великой Отечественной войны на территории Удмуртии исследований не велось. Но работа значительно активизировалась сразу же после войны, в особенности под воздействием активной деятельности КАЭ Пермского университета во главе с доцентом кафедры всеобщей истории О.Н.Бадером. Совместными разведками КАЭ и УдНИИ (А.Ф.Трефилов и В.А.Оборин) были исследованы верховья Камы (Бадер О.Н., 1953, с.30). Материалы этих разведок были переданы Удмуртскому республиканскому музею (Бадер О.Н., 1953, с.10).

В Удмуртии к этому времени уже определились два учреждения, заинтересованные в проведении археологических исследований в крае: УдНИИ и республиканский краеведческий музей. Но

археологов-профессионалов в республике не было: отсутствовали учебные заведения, подготовившие такие кадры, да и собственные научные силы были невелики. Так, в 1951 г. в штатном расписании УдНИИ по сектору истории значилось 4 единицы - зав. сектором - кандидат исторических наук - 1, научные сотрудники без степени - 3 (ЦГА УР, ф.1345, оп.1, ед.хр.82, л.3). При этом никто из этих сотрудников не имел специальной археологической подготовки.

Особенно остро кадровый вопрос встал при работе над изданием «Очерков по истории Удмуртской АССР». Научная общественность, Совет Министров УАССР не раз обращались в различные академические институты с просьбой об оказании помощи научно-исследовательским учреждениям республики. В результате в январе 1952 г. Президиум АН СССР издал распоряжение за подписью президента АН академика А.Н.Несмеянова следующего содержания: «...2. Предложить Институту истории и Институту истории материальной культуры АН СССР оказать содействие УдНИИ в рецензировании, обсуждении и редактировании курса истории народов Удмуртской АССР... 5. Рассмотреть в течение января 1952 г. упомянутым выше научным учреждениям АН СССР планы научно-исследовательской работы УдНИИ и внести предложения по их исправлению и улучшению... 6. Прикрепить научных сотрудников УдНИИ к соответствующим институтам АН СССР для сдачи кандминимума. 7. Организовать прием в аспирантуру АН СССР в текущем году, направляемых из УАССР молодых специалистов по истории и археологии...» (ЦГА УР, ф.1345, оп.1, ед.хр.77, л.11).

Работа над «Очерками истории Удмуртской АССР» во многом стимулировала интерес к археологическому изучению территории Удмуртии. Несмотря на сложившуюся традицию изучения памятников в Удмуртском Прикамье и на Чепце, информации для целостной картины археологического прошлого всего региона было явно недостаточно. Проспект «Очерков по истории Удмуртской АССР», датируемый 1947-1948 гг., содержание главы «Первобытнообщинный строй на территории Прикамья и Удмуртии» предлагал датировать II тыс. до н.э. - XIV в. н.э. (**Приложение 1**).

Исследованием проблемы «Происхождение удмуртского народа» в УдНИИ в эти годы занимался А.Ф.Трефилов (Институт: история и современность, 2001, с.354). Именно ему при подготовке «Очерков по истории Удмуртской АССР» был поручен раздел по ранней истории населения на территории Удмуртии. Выпускник Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена, он

вел активную переписку с О.Н.Бадером. В 1951 г. вместе с директором УдНИИ И.Ф.Кутявиным он участвовал во Всесоюзном этнографическом совещании, где выступил с докладом «К вопросу о происхождении удмуртского народа», получившем одобрительные отзывы специалистов (ЦГА УР, ф.1345, оп.1, ед. хр.79, л.14).

После выхода в свет первого тома «Очерков» на заседании Ученого Совета УдНИИ в марте 1959 г. М.А.Садаков так обозначил кадровую проблему: «Настала необходимость создания многотомной истории Удмуртии. «Очерки...»- еще не история, а только конспект этой большой истории. Мы до сих пор забываем о древней истории Удмуртии. Забыта археология, забыта и этнография, а без них не создашь истории народа. Мне кажется, что это большое упущение нашего института. Археологией Удмуртии время от времени занимаются специалисты других научных учреждений. Этнографов и археологов нам нужно иметь своих. В нашем Институте и республике заботы о национальных кадрах нет. Да вообще молодые кадры у нас забыты» (ЦГА УР, ф.1345, оп. 1, ед.хр.102, л.17). Это выступление было поддержано Н.П.Павловым и В.Г.Гусевым, предложивших учредить в Институте должность археолога и этнографа, которые бы постоянно занимались изучением культуры и быта удмуртского народа (ЦГА УР, ф.1345, оп. 1, д.102, л.17-18).

В 1954 г. с созданием Удмуртской археологической экспедиции возникли благоприятные возможности для планомерного археологического изучения территории Удмуртии. Во главе УАЭ встал выпускник Пермского университета, ученик О.Н.Бадера, имевший опыт работы в КАЭ ПГУ В.Ф. Генинг (Удмуртской археологической экспедиции - 50 лет, 2005). Летом 1954 г. он по приглашению УдНИИ организовал УАЭ, а осенью 1954 г. перешел на работу в Удмуртский республиканский музей заместителем директора по научной работе (Генинг В.Ф., 2003, с.147).

Исследования предвоенного времени были явно недостаточны для решения проблем, связанных с древней и средневековой историей местных народов, поставленных перед УАЭ. В «Книге учета исторических и археологических памятников по Удмуртской АССР за 1952 г.», которая велась Удмуртским республиканским краеведческим музеем, называлось всего 46 известных археологических памятника, расположенных в 15 административных районах республики из 30 (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.50, л.1-44). (Для сравнения: в вышедшей в 1958 г. книге В.Ф.Генинга в материалах к археологической карте Удмуртии приводится перечень из 361 памятника (Генинг В.Ф., 1958, с.140-186)).

В 1952 г. вышла большая сводная работа И.А.Талицкой «Материалы к археологической карте бассейна р.Камы», где автор дала краткое систематическое справочное описание более 1,5 тыс. памятников, в том числе всех ранее известных памятников Удмуртии. Карта позволила выявить слабо исследованные районы Удмуртии и показала недостаточность фактического материала (Останина Т.И., 2000, с.30-31).

Выход из печати «Очерков по истории Удмуртской АССР» показал, что «история удмуртских племен, вошедших в состав удмуртского народа, до сих пор изучена весьма слабо. При характеристике эпохи первобытности авторы были вынуждены ограничиться, в основном, наброском общеисторической схемы, чрезвычайно слабо иллюстрированной конкретными археологическими материалами, относящимися к Удмуртии. Почти совершенно не освещен вопрос о сложении удмуртского народа, о том, какие этнические группы населения вошли в его состав» (Генинг В.Ф., 1958а, с.2).

Поэтому перед УАЭ была поставлена цель - на основе изучения памятников материальной культуры исследование ранней истории и этногенеза удмуртского народа. В «Пояснительной записке к плану полевых работ Удмуртской археологической экспедиции на 1954 г.» указывалось, что УАЭ ставит перед собой задачу «начать систематическое изучение археологических памятников прикамской Удмуртии. С этой целью в 1954 г. будут проведены разведочные работы по выявлению и учету археологических памятников для составления археологической карты юго-восточных районов Удмуртии. В 1954 г. будут проведены раскопки археологических памятников I тыс. н.э. Этот период представляет наиболее существенный пробел в изучении истории удмуртского общества эпохи железа. По памятникам II в. до н.э. - V в. н.э. (пьяноборская культура) имеются материалы до-революционных раскопок, но они крайне скудны, материал опубликован плохо и сейчас, находясь в других музеях, частично утрачен и мало доступен. Поэтому необходимо произвести археологические раскопки одного из древних мест поселения и древнего могильника, чтобы получить более полный перечень вещественного материала этого периода, а также характеристику захоронений этого времени. По памятникам VI-IX вв. экспедиция начинает широкие археологические раскопки, поскольку памятники этого периода не изучены. Из памятников VI-IX вв. будут произведены раскопки древнего городища, чтобы хотя бы предварительно составить характеристику этого периода.

Изучение истории и этногенеза удмуртского народа не сможет ограничиваться как этим узким районом, так и памятниками указанных периодов. Поэтому работа должна быть продолжена в будущем. В частности, особое внимание следует обратить на выявление на территории Удмуртии памятников ранних периодов бронзы, неолита, палеолита. Необходимо также изучение памятников X-XV вв. в южной Удмуртии, где памятники этого периода и не выявлены, и не изучены» (ЦГА УР, ф.р-1550, оп.2, ед.хр.1979, л.66-67).

В качестве научного персонала экспедиции В.Ф.Генингом были привлечены однокурсники и коллеги по ПГУ (М.А.Ланько, Э.М.-Медникова, Б.Х.Кадиков, Г.И.Матвеева), а также студенты-археологи МГУ С.Ошибкина, М.Бухтеева, Г.Карпова, И.Голунова и В.Забелина, имевшие стаж работы в экспедициях ИИМК (ЦГА УР, ф.р-551, оп.2, д.1980, л.65).

В результате за первый год работы УАЭ были проведены все намеченные разведки, в ходе которых было обследовано около 100 археологических памятников и проведены раскопки на 7, был собран большой материал по истории местного населения. Количество собранного материала исчислялось по коллекционным описям в 11 тыс. номеров (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.1, ед.хр.54, л.53-54). В 8 разведывательных маршрутах были обследованы почти все ранее известные в этом регионе памятники и 31 выявлен вновь (Останина Т.И., 2000, с.40-45).

Полученные материалы позволили В.Ф.Генингу создать первую в Удмуртии научную музейную экспозицию по древней и средневековой истории региона. Она была выдержана в хронологической последовательности. В ней были отражены темы «Происхождение человека», «Палеолит», «Мезолит», «Эпоха бронзы», «Эпоха железа». Причем, наиболее полно была развернута тема «Эпоха железа». Незавершенными остались темы «Эпоха VI-IX вв.» и «Эпоха X-XV вв.» в силу отсутствия достаточного источниковедческого материала. Сам В.Ф.Генинг проводил тематические экскурсии «Ранняя история Удмуртии», читал лекции перед населением на тему «Первоначальное заселение территории Удмуртии» (ЦГА УР, ф.р-1107, оп.11, ед.хр.56, л.3).

Археология в УГПИ. Острота кадровой проблемы для археологического изучения Удмуртии в эти годы состояла в том, что созданный в 1931 г. в Ижевске УГПИ не мог готовить специалистов-археологов. Ни довоенные, ни послевоенные учебные планы пединститутов до 1954 г. даже не предполагали изучение курса «Основ археологии» и, соответственно, проведения археологичес-

кой практики. (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.1, л.42). «Программа лекций по истории СССР», утвержденная для пединститутов, не предусматривала изучение археологического прошлого страны, и рекомендовала начинать изучение истории СССР с процессов формирования феодальных отношений (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.11, л.64). Устав УГПИ, принятый в марте 1961 г., среди прочего подчеркивал, что целью деятельности исторического факультета пединститута является подготовка учителей истории, русского языка и литературы и аспирантов по кафедре истории СССР (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.1, л.3).

С 1954 г. в учебный план подготовки учителей истории в пединститутах страны был введен курс «Основы археологии». В УГПИ этот курс был включен в этом же году по кафедре всеобщей истории. В.Ф.Генингу последовало предложение прочитать этот курс для студентов историко-филологического факультета. В письме к В.А.Оборину в январе 1955 г. он писал: «В пединституте с 8 числа читаю вновь археологию и спецкурс по истории Удмуртии» (Мельникова О.М., 2003б, с.77).

К сожалению, в пединституте было сложно организовать масштабные археологические исследования. Исторический факультет в эти годы был переименован в историко-филологический. Отсутствие археологической практики в учебных планах факультета не позволяло организовывать массовую работу студентов в экспедиции (ЦГА УР, ф.р-1282, оп.2, ед.хр.217, л.21). Однако многие студенты УГПИ работали в УАЭ в летние месяцы в качестве младших научных сотрудников и вспомогательного персонала.

Осенью 1955 г. Владимир Федорович поступил в аспирантуру и уехал в Казань. С начала 60-х гг. (однозначно точно в 1965 г.) ассистентом по кафедре всеобщей истории была избрана Г.Т.Кондратьева, которой и было поручено чтение курса археологии. Она начала сотрудничать с В.Ф.Генингом в УАЭ с 1959 г. еще будучи студенткой УГПИ. Став после окончания института заведующей фондами республиканского краеведческого музея, в 1960-1963 гг. она проводила самостоятельные раскопки и разведки на Чепце, в которых принимали участие студенты УГПИ. Некоторые из них избирали для научных докладов и курсовых работ археологические темы. Так, в программе научной конференции студентов УГПИ за 1965 г. на заседании секции истории был представлен доклад студентки Э.Русских «Древнеудмуртский костюм (опыт реконструкции на материалах археологии)», выполненный при научном руководстве Г.Т.Кондратьевой (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.422, л.77).

В 1966 - 1968 гг. по рекомендации кафедры всеобщей истории Г.Т.Кондратьева обучалась в аспирантуре по археологии в Московском государственном педагогическом институте, продолжая руководить археологической практикой студентов УГПИ. Так, в 1967 г. она возглавляла археологическую экспедицию исторического факультета в бассейне р.Чепцы. Обработываемые материалы публиковались ею в научных и местных периодических изданиях (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.540, л.40). После окончания аспирантуры Г.Т.Кондратьева осталась в Москве, защитив в 1971 г. диссертацию «История северных удмуртов в IX-XV вв. по данным археологии, этнографии и топонимики». Читением курса археологии после ее отъезда занимались преподаватели кафедры всеобщей истории, не имевшие специальной археологической подготовки - Н.С.Талашова, Г.Я.Баженов, Н.Г.Шишкина.

Большую роль в развитии археологии как учебного предмета в УГПИ-УдГУ сыграл заведующий кафедрой всеобщей истории В.Е.Майер. Имя В.Е.Майера традиционно связано с исследованиями в области средневековой европейской истории. Однако личности масштаба В.Е.Майера редко ограничиваются исследованиями в узкой предметной сфере. Их талант находит свое выражение в педагогической, исследовательской, организационной деятельности и в силу этого такие ученые обладают авторитетом, далеко выходящим за пределы одной отдельной науки. Благодаря В.Е.Маеиру, в УГПИ-УдГУ сложилась не только оригинальная школа германистики, но и были заложены основы развития многих научных дисциплин. Одна из них – археология.

В.Е.Майер был ученым, интересовавшимся профессионально многими разделами исторической науки, остро чувствовавшим актуальные научные проблемы, способным к созданию эффективных организационных форм научной и учебной деятельности. При нем была организована археологическая практика студентов исторического факультета, проводившаяся при содействии УдНИИ на севере Удмуртии и УрГУ в зоне затопления Нижнекамского водохранилища на юге Удмуртии. Ученый живо интересовался ее результатами, поддерживал студентов в их интересе к археологическому прошлому края (Мельникова О.М., 2003, с.13-20).

Протоколы заседания кафедры всеобщей истории свидетельствуют о намерении серьезного отношения к этой учебной дисциплине. Для ознакомления студентов с археологией Удмуртии приглашался В.А.Семенов, первый заведующий сектором археологии и этнографии, организованного в УдНИИ в 1969 г. Дополни-

тельно к учебному плану кафедры им читался курс по полевой археологии Удмуртии (ф. Р-1282, оп.2, ед.хр.714, л.8). Он закончил исторический факультет УГПИ. Будучи студентом, сотрудничал с В.Ф.Генингом, получив в процессе совместной полевой работы хорошее археологическое образование. Он же руководил и археологической практикой студентов УГПИ на севере Удмуртии.

Студенты проходили археологическую практику также в пределах удмуртского Прикамья, где работала Нижнекамская экспедиция ИА АН СССР во главе с О.Н.Бадером. Удмуртский отряд этой экспедиции в 1968-1972 гг. возглавлял В.Ф.Генинг. В этом же отряде работала аспирантка Владимира Федоровича Р.Д.Голдина, большой круг его свердловских учеников - Л.И.Ашихмина, В.В.Одинцов, М.Н.Чистякова, Н.А.Алексащенко, В.М.Морозов, В.Т.Петрин, В.А.Кананин, А.В.Прокопов, а также студенты УГПИ Л.А.Наговицин, К.И.Корепанов и Т.И.Останина (Останина Т.И., 2000, с.38).

В.Е.Майер очень внимательно относился к подготовке и результатам археологической практики студентов. Так, в одном из протоколов заседаний кафедры в марте 1970 г., указывалось, что на него были приглашены все студенты первого курса. В.А.Семенов знакомил студентов с задачами практики: «В северных районах будет работать Удмуртская археологическая экспедиция. Практикой будет руководить научный сотрудник УдНИИ, в южных - Р.Д.Голдина (первое упоминание имени Р.Д.Голдиной в документах УГПИ-УдГУ - О.М.). Наша задача – научиться искать археологические памятники, с тем, чтобы в будущем возглавить поисковые отряды археологов. По методике работы археологической практики для вас будет прочитана лекция перед практикой. Нужно, чтобы все студенты научились вести дневник, рисовать, чертить. Для этого необходимо взять с собой общие тетради и миллиметровую бумагу. Каждый из вас должен взять в экспедицию теплую куртку, одеяло, купальник, резиновые сапоги, плащ, кружку, ложку, полотенце, лейкопластырь, жидкость от комаров. Курс будет разбит на три группы. 1 группа - 12 студентов поедет со мной на раскопки городища V-VI вв. в верховья р.Чепцы, вторая и третья группы – 18 студентов поедут на юг Удмуртии в Нырғынду Каракулинского района под руководством Р.Д.Голдиной и с преподавателем кафедры Г.Я.Баженовым» (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.705, л.27).

Осенью того же года результаты этой практики заслушивались на заседании кафедры с приглашением студентов. В.А.Семенов

так прокомментировал ее итоги: «Работа северной группы проходила в районе р.Чепцы. Раскапывались ряд памятников полемской культуры. Цель работы состояла в нахождении и вскрытии памятников III в. до н.э. - II в. н.э., т.к. по теории Генинга заселение Чепцы началось в III в. до н.э. Разведывательный отряд в составе Л.Наговицына, К.Корепанова, О.Перевозчиковой обнаружил 9 памятников. Студенты в разведке работали хорошо, усвоили методике оформления документации. Эта работа требует много времени, не все были к ней подготовлены. Возможно, в будущем нужно заранее научить студентов вести документацию. Я считаю, что в процессе подготовки археологической практики нужно выделить группу студентов, которые будут изучать археологию по более обширной программе (выделено мной - О.М.)» (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.725, л.8).

Г.Я.Баженов в своем отчете о практике указал на следующее: «В южной группе были студенты УГПИ и УрГУ. Последние работали в должности начальников раскопов. Некоторые студенты ходили в разведку, но никто не занимался съемкой планов и оформлением документации. Практика была бы проведена хорошо, если бы руководители археологической практики уделили часть времени студентам по правилам проведения раскопок. У нас есть 6 часов музейной практики. Эту музейную практику нужно использовать так, чтобы у студентов было представление о той культуре, которую будут раскапывать студенты. *Общий курс читаемой археологии не дает возможности полностью познакомиться с археологической практикой, т.к. мало часов* (выделено мной - О.М.)» (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.725, л.9).

Интересно мнение студентов о своей работе в экспедиции. Так К.Корепанов (впоследствии доктор исторических наук по специальности «археология»), студент второго курса, отмечал: «Практика научила производить раскопки, снимать планы. Лекции дали нам много, а полевая практика дала нам больше возможности увидеть все своими глазами. Наша следующая задача - обработка археологического материала вместе с В.А.Семеновым». Л.Наговицин (впоследствии кандидат исторических наук по специальности «археология»), студент второго курса, подчеркивал: «В разведке было очень интересно. В.А.Семенов учил нас, как снимать планы, вести поиски памятников. Это была чистейшая практика по тому, что мы прошли по теории археологии. У меня есть пожелание: читать вкратце лекции по теории раскопок на первом курсе, а после археологической практики

продолжить чтение лекций по археологии. Это даст большую пользу». Мнение студентки О.Перевозчиковой: «Курс археологии нужно читать специалисту. Кондратьева нам читала курс археологии очень хорошо. Она на лекции приносила нам некоторые вещи из раскопок, т.к. сама руководила экспедицией. Курс археологии лучше читать до археологической практики и на лекции приносить больше археологического материала. В прошлом году к нам на практику приезжал В.Ф.Генинг. Он рассказывал о методике раскопок. Конечно, когда перед раскопками объяснят что к чему, тогда их вести интереснее» (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.725, л.10-11).

В.Е.Майер так резюмировал обсуждение: «Мы вскрыли наши недостатки и наметили наши планы на будущее. Прежде всего, о специалистах. *Археологами не рождаются, а они развиваются в ходе нашей практики* (курсив мой - О.М.). Лекционный материал по археологии у нас читается шире, чем вы встречаете на практике. В лекционном материале вы изучаете археологические памятники не только Удмуртии, но и СССР, и зарубежных стран. В этом плане институт сделал много, т.к. уделил основное внимание археологии Удмуртии. В отношении *спецгруппы* (курсив мой – О.М.) я хотел бы предложить В.А.Семенову, чтобы он накануне археологической практики пришел к нам и заранее подготовил студентов для более успешной разведки и раскопок археологических памятников. Для этого эта *спецгруппа должна хорошо знать археологию Удмуртии*» (курсив мой - О.М.) (ЦГА УР, ф.1282, оп.2, ед.хр.725, л.11-12).

Таким образом, на протяжении столетия формировался интерес к археологическому прошлому на территории Удмуртии. В ряде случаев он инициировался столичными энтузиастами археологии и государственными органами, но немаловажную роль в этом процессе сыграла местная традиция - земства, научные общества, музеи, в которых проявилась выдающаяся роль интеллигенции, купечества, духовенства.

К сожалению, советская власть не смогла создать условия для достойной преемственности по поддержанию и развитию этой тенденции. Местные краеведческие организации в большинстве своем подверглись разгрому или закрытию уже к концу 20-х гг. XX в. Государственная научная политика привела к тому, что инициатива в изучении археологических памятников Удмуртии на долгие годы перешла к столичным академическим учреждениям, которые не могли осуществлять постоянное широкомасштабное изучение археологии региона в силу тех специфических задач, кото-

рые перед ними стояли. Хотя, бесспорно, они сыграли важную роль в расширении географии, масштабов археологических работ, улучшении методики полевых исследований, общей методологии археологических работ, создании концепций исторического развития региона на основе археологических источников.

Благодаря О.Н.Бадеру началась подготовка профессиональных кадров археологов для работы на территории Прикамья. Его научная школа заложила прочные основы преемственности в проблематике, организационных формах, педагогической деятельности его учеников (Мельникова О.М., 2003а).

Один из них - В.Ф.Генинг - способствовал подъему археологических исследований в Удмуртии в середине и конце 50-х гг. Привлекая в качестве сотрудников УАЭ студентов УГПИ, он содействовал формированию интереса к археологии как учебной дисциплине через преподавание этого предмета в вузе. Этому же способствовала его работа в краеведческом музее, где впервые под его руководством была создана научная археологическая экспозиция.

Десятилетие 60-х гг. XX в. опосредованно связано с личностью В.Ф.Генинга, сохранившего научный интерес к памятникам Удмуртии и способствовавшего воспитанию археологов из числа студентов УГПИ в своих экспедициях. Именно они стали работать в области археологии в трех научных и учебных центрах Удмуртии - УдНИИ, краеведческом музее и УГПИ. Однако, в штате научно-исследовательского института до 1969 г. не было должности специалиста-археолога и отдела, способного планомерно и постоянно вести археологические раскопки в Удмуртии. В УГПИ археология как учебный предмет не компенсировала всех потребностей в развитии профессиональной археологии в регионе для изучения многообразных памятников на территории Удмуртии.

Дальновидная политика В.Е.Майера, заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ, по учебным планам которой и читался курс «Основы археологии», привела к тому, что студенты стали активно привлекаться к археологической практике, а ее руководством занимались профессионалы, в первую очередь, ученики В.Ф.Генинга. Участие В.Е.Майера в организации археологической практики и оценка им роли этого предмета в учебном процессе во многом повлияла на судьбу одного из руководителей археологической практики студентов УГПИ Р.Д.Голдиной, в то время аспирантки, а затем и старшего преподавателя УрГУ.

Работа на протяжении четырех лет со студентами УГПИ привела к знакомству Р.Д.Голдиной с руководством исторического

факультета: профессорами и доцентами В.Е.Майером, А.А.Тро-
ниным, Н.И.Санниковым, М.М.Мартыновой. И когда в 1972 г. по
решению Совета Министров СССР пединститут был преобразо-
ван в университет, В.Е.Майер пригласил Р.Д.Голдину к участию в
конкурсе на должность старшего преподавателя кафедры всеоб-
щей истории для чтения курса «Основы археологии» (Голдина Р.Д.,
1996, с.36-37; 2002, с.38). Конкурс был выдержан, и университет
получил нового преподавателя, сыгравшего важную роль в науч-
ном археологическом изучении Удмуртии и сопредельных терри-
торий и в деле подготовки высококвалифицированных кадров ме-
стных археологов.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В УДМУРТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

3.1. Классический университет как условие возникновения региональной археологической научной школы

Важнейшим организационным шагом в создании научной археологической школы в Удмуртии стало преобразование в 1972 г. УГПИ в университет. Это было следствием политического курса руководства страны, направленного на расширение сети университетов за счет реорганизации педвузов в столицах автономий и ряде областных центров. Предполагалось, что такой весомый шаг сыграет важную роль в выравнивании уровней социально-экономического, политического и культурного развития народов СССР. «Создание национальных университетов должно было значительно повысить уровень образования и науки на местах, что влекло за собой позитивные сдвиги практически во всех сферах общественной жизни, способствовало дальнейшему улучшению социально-психологического климата и гармонизации национальных отношений в стране» (Пузанов В.В., Верижникова И.В., 2001, с.87).

В марте 1971 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «Об организации Удмуртского государственного университета». В нем, в частности, предлагалось Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР принять меры к укомплектованию университета преподавательскими кадрами, имеющими ученые степени и звания» (Пузанов В.В., Верижникова И.В., 2001, с.88).

Кадровая проблема и связанные с ней возможности проведения широкомасштабных научных исследований на базе университета и эффективной организации учебного процесса осознавалась руководством вуза. В течение годичного переходного периода,

связанного с введением новых учебных университетских планов и формированием профессорско-преподавательских кадров, остро ставились вопросы о будущей деятельности университета. В отчете УГПИ за 1971 г., представленном проректором по научной работе А.Н.Вахрушевым, указывалось, что «принят ряд мер, направленных на улучшение научно-педагогических кадров. Однако, несмотря на некоторые успехи, все еще низким остается процент дипломированных специалистов по ряду кафедр. В нашем институте на отдельных кафедрах до сих пор не сформировались научные направления. В результате этого проблематика научно-исследовательских работ часто складывается стихийно, содержит в себе мелкие, дробные, иногда малорезультатные темы. *На многих кафедрах нет главы, нет школы, нет основных направлений. Не на каждой кафедре имеются опытные руководители, способные идейно и организационно сплачивать коллективы, создавать свои научные школы. Однако все время нужно стремиться к этому* (курсив мой - О.М.). Почему нельзя, например, объединить усилия историков по проблеме создания многотомной истории Удмуртии? В университете предполагается широкое развитие хоздоговорных исследований. *У нас в этой части нет опыта. Поэтому зав. кафедрами следует воспользоваться опытом тех вузов, где хоздоговорная работа получила развитие* (выделено мной – О.М.). Преимущества хоздоговорных работ очевидны: они сближают ученых с практикой, создают более благоприятные условия для внедрения результатов исследований, способствуют широкому приобщению студентов к ним» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.5, л.109,118,124).

Для решения поставленных задач по формированию квалифицированных кадров преподавателей УдГУ только за первые три года его деятельности было приглашено 48 кандидатов наук, 25 выпускников аспирантур ведущих научных центров страны, 20 выпускников крупнейших советских университетов (Пузанов В.В., Верижникова И.В., 2001, с.102). В числе этих специалистов и оказалась Р.Д.Голдина, работавшая до этого старшим преподавателем на кафедре истории СССР УрГУ, в 1971 г., защитившая в Ленинградском Отделении Института Археологии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье».

Оказавшись в Ижевске, Р.Д.Голдина встала перед вопросом организации археологической работы в новом университете. Организационный путь развития крупных университетских археологи-

ческих коллективов, проделанный до этого О.Н.Бадером в Перми и успешно повторенный В.Ф.Генингом в Свердловске, подсказывал наиболее эффективный способ такой работы. Важно было определить содержание исследовательской деятельности, создать коллектив для ее осуществления, для чего продуктивно использовать учебный процесс в вузе. Следовало извлечь все возможности, вытекающие из системы классического университетского образования, позволяющей сочетать учебный и исследовательский процесс в единой системе подготовки квалифицированных научных кадров.

Руководство исторического факультета поддерживало молодого специалиста. Особая роль здесь принадлежала профессору В.Е.Майеру, бывшему в это время проректором по научной работе УдГУ. Он помогал Р.Д.Голдиной во всем: в создании экспедиции, покупке оборудования, организации и проведении студенческой научной конференции, создании кабинета археологии и библиотеки при нем, музея археологии на историческом факультете (Голдина Р.Д., 2002, с.38).

3.2. Создание кабинета археологии и археологической экспедиции в УдГУ

Первым шагом в организации археологической работы в УдГУ стало создание кабинета археологии как учебно-методического и научного археологического центра университета. Его создание предполагалось на кафедре истории СССР. Это было связано с тем, что в учебные планы кафедры истории СССР с 1972 г. было передано ведение курса «Основы археологии» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.32, л.7).

Завершить оборудование кабинета археологии планировалось к декабрю 1973 г., что и было в целом сделано (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.8, л.24). В нем были собраны наглядные пособия, вещевой материал, полученный в результате работы археологической экспедиции. В отчете о работе кафедры истории СССР за 1973-1974 уч. г. указывалось, что «кабинет располагает самым необходимым материальным оборудованием для проведения археологической экспедиции и археологической практики студентов. Однако комплект этого оборудования нуждается в пополнении» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.112, л.12).

Для эффективной археологической работы, бесспорно, важна была организация археологической экспедиции. План работы ис-

торического факультета предусматривал ее создание для организации учебно-производственной практики студентов к июлю 1973 г. (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.8, л.25). Организация экспедиционных работ требовала решения нескольких проблем: «Как будет называться будущая археологическая экспедиция Удмуртского университета? На какой территории она будет работать? Чем она будет заниматься, какие памятники будет изучать в первую очередь?» (Голдина Р.Д., 1996, с.70). Ответы на эти вопросы были весьма дальновидными: именно они заложили основы будущего исследовательского коллектива. Р.Д.Голдина напишет впоследствии: «Поскольку меня продолжали интересовать памятники на территории Пермской области, я хотела, чтобы экспедиция работала и в Верхнем Прикамье (Пермская область). Это должна быть и Удмуртия, поскольку университет Удмуртский. Очевидно, надо работать на Вятке - одном из крупнейших притоков Камы. Таким образом, обозначилась территория - Камско-Вятское междуречье. Раз это будет Камско-Вятское междуречье, то, очевидно, и название экспедиции уже есть - Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета.

Что касается того, какие памятники будет изучать наша экспедиция, то здесь особых раздумий не было. Мне хотелось выяснить историю этого края, начиная с эпохи бронзы до позднего средневековья XVI-XVII вв., и, таким образом, предстояло изучать памятники всех эпох. Я была уверена, что памятников каменного века - мезолита и неолита - на территории Удмуртии нет. Об этом писал еще в 1961 г. В.Ф.Генинг, который знал Удмуртию лучше всех специалистов-археологов. Его мнению я доверяла и на памятники эпохи камня не рассчитывала» (Голдина Р.Д., 1996, с.70-71). (В.Ф.Генинг в совместном докладе со В.Е.-Стойновым в 1961 г. на втором Уральском археологическом совещании в Свердловске резюмировали: «Особенностью территории Удмуртии в археологическом отношении можно считать отсутствие памятников ранних эпох. До сих пор здесь не обнаружены памятники эпохи неолита и развитой бронзы, не говоря уже о более ранних» (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, с.79).

Основные задачи экспедиции состояли в сплошном обследовании Камско-Вятского междуречья (Центральной и Южной Удмуртии, Пермской и Кировской областей, северо-востока Татарии, северо-запада Башкирии), выявлении новых археологических памятников. Предполагалось проведение стационарных исследований памятников всех эпох – от каменного века до XVII в. для вос-

создания древней и средневековой истории обитавших в крае разных народов: удмуртов, коми-пермяков, марийцев, татар, башкир, славян, древних угров.

В составе экспедиции ежегодно работало до 15 различных отрядов. Только за три первых года работы КВАЭ было обследовано около 300 новых археологических памятников и исследовано стационарными раскопками 20 различных памятников широкого хронологического диапазона, позволяющими с уверенностью говорить о плотной заселенности этого края, начиная с эпохи мезолита (Голдина Р.Д., 1977, с.43-44).

С 1973 по 2005 гг. экспедицией было организовано более 200 разведочных маршрутов, которыми было обследовано более 3000 археологических памятников разного времени от мезолита до XIX в., из которых более 80% открыто вновь (Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе). Особенно многочисленны среди вновь открытых были поселения эпохи камня и железа. Значительные успехи достигнуты в изучении памятников эпохи камня. Впервые в Камско-Вятском междуречье были открыты и исследованы памятники эпохи мезолита и неолита (Голдина Р.Д., 2002а, с.7-8). Благодаря работам КВАЭ исследованы памятники переходного периода от неолита к энеолиту, эпохи бронзы. Особый интерес вызывают исследования эпохи раннего железного века, эпохи великого переселения народов, раннего и позднего средневековья.

Как у О.Н.Бадера и В.Ф.Генинга, руководство разведочными группами осуществлялось студентами-археологами. Они же составляли костяк квалифицированных кадров во время стационарных исследований.

Продуктивный характер исследований КВАЭ обеспечивался широким научным сотрудничеством. Значительную помощь экспедиции оказывали своими консультациями д.и.н. В.Ф.Генинг (Институт археологии АН УССР), д.и.н. Л.Я.Крижевская (ЛО ИА АН СССР), д.и.н. Ю.Л.Щапова (МГУ), д.и.н. В.В.Седов (ИА АН СССР). Междисциплинарный характер исследованиям КВАЭ придавали совместные работы с антропологами Москвы (Г.В.Рыкушина (Институт этнографии АН СССР) и Казани (Р.Ф.Фаттахов), остеологами Казани – А.Г.Петренко и О.Г.Богаткиной, биологами УдГУ В.В.Туганаевым и Т.П.Ефимовой. Сотрудничество с Государственным Эрмитажем, учеными Казани и Москвы позволило определить принадлежность и датировку монет. Металлографические анализы железных изделий осуществлялись В.И.Завьяло-

вым (ИА АН СССР). Радиоуглеродные даты были получены в лаборатории ЛОИА АН СССР, петрографический анализ каменного сырья выполнялся в УдГУ (Голдина Р.Д., 2002а, с.7-8).

Полученные КВАЭ полевые материалы активно вводятся в научный оборот. Незначительное финансирование российской науки с начала 90-х гг. XX в. стало причиной активного участия археологов УдГУ в конкурсах различных научных фондов и учреждений. За все годы деятельности коллективом было защищено 29 грантов на сумму 3264268 руб. (Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе). Так, за последние 5 лет были получены гранты «Исторический опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья в древности и современности», «Исследование материалов Тарасовского могильника на Средней Каме – крупнейшего финно-угорского некрополя раннего средневековья Евразии», «Особенности материальной культуры полиэтничного населения Камско-Вятского междуречья во II тыс. н.э. (по археологическим источникам)», «Исследование материалов по древней и средневековой истории народов Прикамья и подготовка к публикации иллюстративно-тематического издания «Наследие народов Прикамья»», «Исследования материалов Верх-Саинского городища и могильника», «Буйское городище – уникальный памятник железного века лесной зоны Восточной Европы», «Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье», «Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье», «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов».

Опыт, полученный экспедицией, позволил ей принимать участие в раскопках археологических памятников далеко за пределами Камско-Вятского региона – в Тверской и Калининградской областях.

3.3. Создание специализации по археологии

Организация экспедиции только как формы проведения учебной практики была явно недостаточна: важно, чтобы она имела постоянно действующие квалифицированные кадры, способные руководить вспомогательным персоналом, роль которого выполняли студенты-практиканты. Вместе с Р.Д.Голдиной в Ижевск из Свердловска приехали В.А.Кананин и Т.М.Гусенцова, освоившие

исследовательскую программу В.Ф.Генинга. Но для организации широкомасштабных работ на территории нескольких административных образований, заявленных при создании экспедиции, этих специалистов было явно мало. Поэтому естественно встал вопрос об организации специализации по археологии.

Еще в переходном учебном плане УГПИ-УдГУ среди дисциплин, вводимых в связи с особенностями Удмуртии, значился спецкурс «Археология Удмуртии» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.32, л.7). С приходом в УдГУ Р.Д.Голдиной встал вопрос об организации систематических углубленных занятий для студентов по различным разделам археологии. Окончательно он был решен в 1974-1975 учебном году, когда в учебный план исторического факультета были введены чередующиеся через год специализации по археологии и этнографии (или обучение студентов по этим специализациям по индивидуальным планам).

Такая идея попеременного, через год, набора студентов на специализации по археологии и этнографии была предложена Р.Д.Голдиной. Аналогично набирал студентов в Свердловске В.Ф.Генинг на первых этапах становления специализации, что было связано с необходимостью приглашения специалистов из крупных научных центров для чтения лекций и другими организационными проблемами.

В Ижевске студенты также специализировались через год в рамках специализации «археология» или обучались по индивидуальным планам (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.8, л.31). Этнография входила в учебные планы по кафедре всеобщей истории. Преподавание данного курса было поручено выпускнику МГУ к.и.н. В.Е.Владыкину. В силу сложности создания специализации по этнографии с точки зрения привлечения специалистов из других научных учреждений, она постепенно стала затухать и стала составной частью специализации по всеобщей истории. Лишь позднее она была возобновлена в самостоятельном виде.

В 1974 г. Министерством высшего и среднего специального образования СССР был утвержден учебный план по специальности «История». В плане общей профессиональной подготовки студентов-историков 70 часов отводилось на изучение основ археологии на первом курсе и предполагалась трехнедельная археологическая или этнографическая практика во втором семестре. В примерном перечне дисциплин специализации «археология» были рекомендованы следующие предметы: «1. История материальной культуры. 2. Методы полевых археологических

исследований. 3. Археология республики или отдельных регионов. 4. Нумизматика (отдельные вопросы). 5. Новейшие методы археологических исследований. 6. Древний язык» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед. хр. 149, л. 10). Рекомендовались и другие спецкурсы.

Для выполнения этой учебной программы следовало разработать спецкурсы и спецсеминары. Первыми спецкурсами, читавшимися Р.Д.Голдиной для студентов специализации, стали «Методика камеральных исследований» (1974 г.) и «Методика полевых исследований» (1975). В 1976 г. появились спецкурсы «Археология Урала» и «Каменный век».

Для качественной подготовки студентов-археологов Р.Д.Голдиной был использован опыт О.Н.Бадера и В.Ф.Генинга, связанный с привлечением для чтения лекций и проведения спецсеминаров высококвалифицированных специалистов СССР в области археологии. Активное участие Р.Д.Голдиной в научных конференциях разного уровня позволило ей ближе познакомиться с некоторыми из них. Следствием такого знакомства стал приезд в 1976 г. в Ижевск Ю.Л.Щаповой, в то время старшего научного сотрудника, профессора МГУ, со спецкурсом «Естественнонаучные методы в археологии». Решение об этом принималось на заседании Ученого Совета исторического факультета: «В связи с невозможностью приезда д.и.н. С.А.Токарева (командировка в ПНР) заменить на IV курсе (специализация «археология») спецкурс «История религий» спецкурсом с.н.с. МГУ Щаповой Ю.Л. «Естественнонаучные методы в археологии»» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед. хр. 375, л. 2).

Этот опыт оказался удачным, и уже на следующий год для чтения спецкурса «Основные проблемы славяно-русской археологии» из ИА АН СССР был приглашен д.и.н., профессор В.В.Седов. «Курс был не только насыщен новейшей информацией, которую мы в то время не могли иметь оперативно, но и был безупречен по исполнению: структура, логика, аргументация концепций, все было исполнено по высшему классу. Это был пример того, как можно из такого скучного занудного предмета как археология, избилующего фактическим материалом и фамилиями исследователей, сделать яркое, образное зрелищное действие, способное перенести слушателя в то далекое прошлое, которое и привлекает ныне живущих своей неизвестностью» (Голдина Р.Д., 2002, с. 44). И Ю.Л.Щапова, и В.В.Седов позднее не раз приезжали в Ижевск для чтения спецкурсов, охотно консультировали ижевских археологов в Москве, а позднее для некоторых стали и научными руководителями во время обучения в аспирантуре МГУ и ИА АН СССР.

Постепенно вырисовался контур читаемых спецкурсов и спецсеминаров. Так, в учебном плане истфака на 1978 г. значились следующие спецкурсы: 1. Основные проблемы славяно-русской археологии (В.В.Седов). 2. Естественнонаучные методы в археологии (Ю.Л.Щапова). 3. Методика полевых исследований (Л.Д.Макаров). 4. Основные проблемы бронзового века (Т.М.Гусенцова). 5. Основные проблемы каменного века (Т.М.Гусенцова) (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.541, л.20).

Высокий уровень проведения лекций и семинаров со студентами в последующие годы активно поддерживали приезжавшие для этого в Ижевск профессор, д.и.н. В.Ф.Генинг (Институт археологии АН УССР), д.и.н. Л.Я.Крижевская (ЛОИА АН СССР), д.и.н., профессор А.Х.Халиков (КФАН СССР), к.и.н. Т.А.Хлебникова (Казанский филиал АН СССР), д.и.н., профессор В.А.Оборин (ПГУ), д.и.н. В.А.Шнирельман (Институт этнографии АН СССР) и др. Разнообразные научные интересы этих ученых, широкий спектр рассматриваемых ими научных проблем – проблемы каменного века, методические приемы изучения различных категорий археологического материала, теоретические и методологические проблемы археологии, вопросы этногенеза, колонизации Урала и т.п. – раскрывали перед студентами все многообразие и сложность предмета археологии и способствовали их будущему профессиональному становлению.

Установление личных контактов с такими крупными учеными позволило студентам в будущем активно общаться с ними, а маститые ученые имели представление о своих будущих аспирантах, формулируя перед ними такие исследовательские задачи еще в студенческие годы, которые станут предметом их интереса на долгие годы.

К началу 80-х гг. XX. постепенно выкристаллизовался круг спецкурсов, актуальных как для становления молодых исследователей, так и для археологического изучения Камско-Вятского региона. «Программа специальных курсов и семинаров для студентов, специализирующихся на археологии СССР», выпущенная в УдГУ в 1981 г., включала уже 9 дисциплин, часть из которых читалась учениками Р.Д.Голдиной: 1. Основные проблемы каменного века на территории СССР (Т.М.Гусенцова). 2. Основные проблемы бронзового века на территории СССР (Т.М.Гусенцова). 3. Железный век (Р.Д.Голдина). 4. Основные проблемы славяно-русской археологии (В.В.Седов). 5. Археология Урала (Р.Д.Голдина, Т.М.Гусенцова). 6. История археологических знаний (Т.И.Остани-

на, Л.Д.Макаров). 7. Методика полевых и камеральных исследований (Л.Д.Макаров, В.А.Кананин). 8. Естественнонаучные методы в археологии (Ю.Л.Щапова). 9. Музееведение и археология в школе (Т.И.Останина) (Программы специальных курсов..., 1981).

Изучение спецкурса по археологии Урала было связано с необходимостью введения национально-регионального компонента в процесс обучения. Р.Д.Голдина так характеризовала содержание этого спецкурса: ««Археология Урала» включает несколько периодов, применительно к которым рассматриваются вопросы хозяйства, общественных отношений. Археологические материалы рассматриваются с неолита до позднего средневековья». Характеризуя спецкурс «История археологических знаний» исследователь подчеркивала, что он связан с историей археологии с древнейших времен до современности, включая материалы по истории археологии в СССР и Западной Европе. Впервые включен материал по истории археологии на Кавказе. Заканчивается чтение курса разделом о развитии металлургии и земледелия на территории СССР. Спецкурс «Железный век» предполагает изучение эволюции техники и дифференциации металлургического и кузнечного производства. «Спецкурс «Музееведение и археология в школе» знакомит студентов с краеведением, историей музейного дела в СССР, с принципами отбора материала, с техник экспонирования, комплектования, учета и хранения памятников, с принципами научной обработки экспонатов и их паспортизации» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед.хр.541, л.25,26).

Современная тематика спецкурсов, сохраняя преемственность в образовательном процессе, включает новые дисциплины, исходя из актуальных исследовательских задач, стоящих перед коллективом. Так, действующий учебный план кафедры археологии включает при подготовке археологов следующие спецкурсы и спецсеминары: «Проблема формирования раннеклассовых обществ» (к.и.н. В.А.Кананин), «Методика полевых исследований» (к.и.н. И.Ю.Пастушенко), «Методика камеральных исследований» (к.и.н. О.А.Казанцева), «Историческая экология» (специалист-эколог Н.П.Слободина), «Историография археологии» (д.и.н. О.М.Мельникова), «Ранний железный век» (к.и.н. И.Г.Шапран), «Археология Урала» (к.и.н. Е.М.Черных), «Средневековая археология» (к.и.н. Н.А.Лещинская), «Теоретические и методологические проблемы современной археологии» (д.и.н. О.М.Мельникова), «Историческая демография» (к.и.н. Г.Н.Журавлева), «Славяно-русская археология» (к.и.н. Е.М.Черных) (Рабочие программы..., 2002).

Изучая памятники в пределах Камско-Вятского междуречья, студенты получали представления о разных археологических эпохах – от камня до позднего средневековья. Однако Р.Д.Голдина видела необходимость постоянного расширения знаний студентов-археологов и за счет знакомства с памятниками других эпох и регионов. С этой целью стали активно использоваться возможности учебной музейно-экскурсионной практики. Студенты-историки обычно выезжали для ее прохождения в признанные музейные центры СССР - Москву и Ленинград. По инициативе Р.Д.Голдиной студенты-археологи стали проходить такую практику в Крыму, в сентябре, когда уже завершался полевой сезон КВАЭ. Во время практики студенты знакомились с историческими памятниками Крымского полуострова. В Херсонесском музее-заповеднике студенты работали в фондах, изучали принципы построения музейной экспозиции, методические особенности раскопок античных и средневековых памятников (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.631, л.32). Один полевой сезон география поездок студентов-археологов расширилась: они побывали в Средней Азии в Пенджикенте.

Археологическая практика историков была организована таким образом, что студенты работали на разных видах археологических памятников, осваивали методику их полевых исследований. С ними проводились теоретические занятия, разъяснялась специфика исследований тех или иных памятников, особенности камеральной работы (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.631, л.35). В поле приглашались специалисты-антропологи.

Для привлечения студентов на специализацию по археологии активно использовалась такая форма работы со студентами как СНО, УИРС и НИРС. Университетская система образования позволяла реализовывать несколько этапов научно-исследовательской работы студентов. На первом курсе осуществлялось вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу, знакомство их с основными научными проблемами кафедры. На втором этапе студенты овладевали методикой научных исследований, участвовали в научных мероприятиях кафедры. На старших курсах студенты наиболее полно раскрывали свои творческие способности, формировался круг их научных интересов (Положение о научно-исследовательской работе студентов, 1985, с.3-4).

Руководство вуза уделяло большое внимание научно-исследовательской работе студентов. Оно диктовалось и потребностями страны в квалифицированных педагогах и научных работниках для общеобразовательных школ, вузов и научно-исследовательских

институтов, и идеологическими задачами, решаемыми КПСС в эти годы. В частности, вузам следовало реализовывать постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране», принятому в июле 1972 г., ставившему задачи развития исследовательской работы студентов как эффективной формы подготовки кадров (О мерах по дальнейшему..., 1986, с.255-261).

В свою очередь, Министерство высшего и среднего специального образования ставило перед вузами задачи активного развития науки. В одном из выступлений министр высшего и среднего специального образования в 1976 г. В.Е.Елютин подчеркивал: «В 10-й пятилетке роль высшей школы в развитии советской науки должна значительно повыситься. Вузы, располагая значительным потенциалом, все больше будут превращаться в крупные научно-учебные центры, расширять научные исследования, особенно в области фундаментальной науки» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.281а, л.109).

3.4. Работа кружка «Археология Урала»

С целью привлечения студентов к занятиям археологией уже в 1972-1973 уч. г. был создан кружок «Археология Урала». Он стал сразу очень популярным среди студентов. Его заседания проходили один раз в месяц. В первый год его работы Р.Д.Голдина сообщала студентам необходимые навыки, связанные с предстоящей археологической экспедицией. Студентами проводилась обработка археологического материала с применением вычислительной техники. Помощь в этом оказывал вычислительный центр УдГУ. Позднее на его заседаниях студенты рассматривали итоги полевых и камеральных исследований (**Приложение 2**). С самого первого года своей работы на заседаниях кружка обсуждались студенческие доклады – вначале для университетской научной студенческой конференции, а затем и для региональных и всесоюзных.

Значительный пласт работы студентов-кружковцев был связан с пропагандой археологических знаний среди школьников и взрослого населения города Ижевска, других городов и районов республики. Это создавало благоприятную возможность привлечения заинтересовавшихся школьников для работы в КВАЭ в качестве младшего научного персонала. Такой процесс расширения неопитов позднее приводил часть из них и на студенческую скамью, где они могли изучать археологию в рамках специализации.

Новизна и привлекательность археологического знания для молодежи способствовала к тому, что при кружке «Археология Урала» в 1974 г. была организована «Школа юного археолога», где в качестве преподавателей выступали и студенты-археологи, и их старшие коллеги (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.103, л.48). Ее основу составляли ученики 8-10 классов г.Ижевска. Впоследствии ШЮА вошла в состав научного общества учащихся г.Ижевска. Ее выпускники зачастую становились студентами исторического факультета, затем продолжали работу в качестве профессиональных археологов.

Кружковцы пропагандировали археологические знания и среди молодежи Удмуртии (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.631, л.12). Регулярно, во время археологической практики студенты-археологи выступали с лекциями перед местным населением, проводили экскурсии на археологические памятники, излагая не только древнюю историю края, но и призывая местное население к бережному отношению к памятникам археологии (Голдина Р.Д., 1996, с.198-199). Такое сочетание учебного процесса с самостоятельной научно-исследовательской деятельностью студентов способствовало быстрому становлению их как исследователей.

3.5. Система подготовки археологов в университете

С годами оформилась многокомпонентная система обучения археологов. Она включала в себя следующие элементы. Пропаганда научных идей начиналась еще со школьной скамьи, в рамках ШЮА. Студенты кафедры, преподаватели активно вели популяризаторскую работу среди школьников, учащихся ПТУ, привлекая их для работы в КВАЭ в качестве младшего научного персонала. В этих целях успешно использовался музей древней истории Камско-Вятского междуречья, созданный в 1980 г. В последнем случае нередко сами студенты выступали в качестве популяризаторов исследовательской программы. Происходит своеобразная передача «эстафеты нарастающих знаний». Ученики (школьники, студенты, аспиранты) воспринимают от лидера и других членов научной школы, в первую очередь ее интеллектуального ядра, качественно разные по составу и по функциям виды знания.

В итоге, через научный коллектив археологов проходит большое количество людей. Статистика выполненных студентами исследований по археологии в виде курсовых работ показывает,

что с 1973 по 2005 гг. интерес к археологии проявило 338 студентов I-IV курсов. Реально, очевидно, значительно больше, так как в силу различных внутриуниверситетских реорганизаций не сохранились курсовые работы за 1976, 1990 г. и, видимо, отчасти и за другие годы тоже (Архив кафедры археологии и истории первобытного общества. Ф. I. Курсовые и дипломные работы).

Более точна статистика дипломных работ по специализации «археология». За 1973-2005 гг. их было защищено 229 (Архив кафедры археологии и истории первобытного общества. Ф. I. Курсовые и дипломные работы). Это означает, что более 2/3 студентов (68%), проявивших интерес к археологии, затем продолжили обучение на специализации «археология». 22 из них впоследствии защитили кандидатские и 3 - докторские диссертации по специальности «археология». Фактически это означает, что устойчивый интерес к предмету сохранило 2/3 студентов младших курсов, выполнявших курсовые работы по археологии, и практически каждый десятый выпускник получил ученую степень кандидата исторических наук по специальности «археология» (Мельникова О.М., Пастушенко И.Ю., 2002, с.278-285).

При этом можно увидеть и некоторую статистическую закономерность становления научной школы: на ранних этапах - 1970-е гг. наблюдается своеобразный романтический этап. Научеведы связывают его с некоторым преувеличением перспектив нового научного направления (Мирский Э.М., 1978, с.78). Более 130 студентов в 70-е гг. выполняли курсовые работы по археологии. Затем следует «догматический» этап, когда происходит уточнение исследовательской программы, формируется сплоченная группа исследователей, осознанно решающих реализовывать программу учителя, - число приверженцев археологии несколько уменьшается - до 110. Наконец, наступает фаза «академическая», когда формируется достаточно сплоченная группа людей, которые в состоянии возглавлять самостоятельные группы внутри научной школы, решать отдельные разделы программы. Бывшие участники сплоченной группы возглавляют эти направления (Мирский Э.М., 1978, с.78).

Не все выпускники кафедры становятся археологами. Часть, освоив исследовательскую программу, меняет круг научных интересов (например, один выпускник кафедры получил ученую степень доктора философских наук, два выпускника кафедры получили ученую степень кандидата философских наук, по одному - кандидата педагогических и экономических наук).

Процесс обучения исследовательской программе многоэтапен. Он оказывается весьма продуктивным благодаря университетской системе образования. Реально этот путь таков:

1. Во-первых, необходима передача общекультурного фонда знаний от учителя к ученику. Передача знаний такого типа приняла массовый репродуктивный характер и формы реализации. Этому служат курсы «Основы археологии», «История Удмуртии», «История Урала», «История первобытного общества», «Историческое краеведение».

2. Обучение, ставящее своей задачей освоение исследовательского «вооружения». Как правило, оно происходит во время археологической практики, когда старшие студенты и преподаватели передают студентам сведения о методике полевых исследований. Принципы и приемы камеральной работы студенты осваивают в кружке «Археология Урала» (ныне – археологического клуба), долгое время существующего в рамках студенческого научного общества.

3. Обучение, связанное с освоением «концептуальной техники» исследования. Этот тип обучения ведется в рамках существующей специализации по археологии и истории первобытного общества. Причем, программные разработки спецкурсов и спецсеминаров испытывают на себе влияние разных стадий в реализации исследовательской программы.

Первоначально в рамках специализации «археология» изучались, главным образом, общие проблемы археологии СССР. Современная тематика спецкурсов, сохраняя преемственность в образовательном процессе, включает новые проблемы как составные части решаемой исследовательской программы. Следует отметить, что среди специалистов, читающих спецкурсы, не только археологи, но и экологи, антропологи, этнографы.

Особого разговора требует анализ феномена УПАСК, сохранившихся до настоящего времени, и ВАСК, просуществовавших до 1986 года. Признанием качества студенческих научных работ и научного влияния в уральской археологии научной школы археологов УдГУ стало то, что дважды - в 1974 и 2001 гг. - УПАСКи проводились в г.Ижевске. Студенческие конференции являются важным звеном в передаче неформального знания, освоения исследовательского опыта, установления научных коммуникаций, сохраняющих свою актуальность в будущей профессиональной деятельности археологов. Кроме того, в последние годы все материалы УПАСК публикуются. Многие студенты-археологи ста-

новятся авторами опубликованных работ, создавая определенный задел для последующей учебы в аспирантуре.

Этот тип обучения завершается созданием дипломного сочинения, либо продолжается обучением в аспирантуре и докторантуре.

4. Наконец, передача «личного» знания от учителя к ученику. Молодые члены научной школы разрабатывают различные фрагменты общей исследовательской программы. При этом концепция обогащается новыми результатами, и перед лидером ставятся новые вопросы, побуждающие Р.Д.Голдину развивать концепцию. Молодые коллеги, внося собственный вклад в реализацию исследовательской программы вместе со старшими коллегами, способствуют ее трансформации. Иными словами, развитие линии «учитель-ученик» оказывается актуальным не только в плане передачи исследовательских традиций, но и важным для существования коллектива как научной школы.

Новые научные материалы, которые были получены КВАЭ, студенты вместе со своим руководителем стремятся сразу же вводить в научный оборот. Наиболее эффективной формой в этом процессе стали студенческие научные конференции. Уже весной 1973 г. студенты-первокурсники выступили с докладами на секции истории СССР на университетской студенческой конференции. Их доклады были посвящены совершенно новой проблематике не только для исторического факультета, но и актуальной для всей советской археологии того времени. Л.Макаров выступил с докладом «Применение вычислительных методов при характеристике погребального обряда (по материалам Агафоновского I могильника)», Г.Анонова «Погребальный обряд пьяноборской культуры (с применением ЭВМ)», С.Киселева «Хронология Агафоновского могильника».

Вновь создаваемый коллектив не порывал уже сложившихся связей вуза с УдНИИ и краеведческим музеем. В качестве научного руководителя студенческих работ неоднократно привлекался В.А.Семенов. Его студент К.И.Корепанов выступил с докладом «Погребальный обряд Варнинского могильника» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.136, л.24). Старший научный сотрудник УдНИИ, в те годы к.и.н., впоследствии д.и.н., М.Г.Иванова, специалист по средневековой археологии, также руководила студенческими работами. Часть студентов сотрудничала с к.и.н., позднее д.и.н., Т.И.Останиной, возглавившей археологическую деятельность республиканского краеведческого музея.

Такая активность студентов во главе с их научным руководителем была отмечена в отчете кафедры истории СССР за 1972-1973 уч. г.: «Можно констатировать, что археология в текущем году впервые заняла в работе кафедры видное место» (ЦГА УР, ф.1550, опр.1, ед.хр.112, л.3).

Активная научная работа студентов позволила им уже в 1973 г. участвовать в региональной пятой УПАСК в Кургане. УПАСКи в 70-х гг. XX в. стали совершенно новой формой научной коммуникации археологов, причем, не только студентов, но и профессионалов. И, хотя они были студенческими по своему названию, реально они стали выполнять функции формирования новых археологических кадров в обширном Урало-Поволжском регионе. Интерес к археологии в разных вузах региона был велик, но не везде его удавалось облечь в эффективные организационные формы. УПАСКи стали собирать талантливую молодежь. В качестве научных консультантов, руководителей секций привлекались археологи-профессионалы - преподаватели вузов, сотрудники академических учреждений. Так начал работать механизм преемственности поколений, завязывались научные связи, формироваться «незримые колледжи», закладывалось своеобразие будущих научных школ, научное сообщество оперативно информировалось о новых достижениях в сфере археологии. Сегодня в региональной археологии, пожалуй, нет ни одного профессионально работающего археолога, кто бы в студенчестве не принимал участие в УПАСКах.

На пятом УПАСКе в Кургане с докладами впервые выступили студенты УдГУ - первокурсники Л.Макаров, Г.Анонова, С.Киселева, Р.Кабилов. Все их выступления были отмечены дипломами, что свидетельствовало о признании научным сообществом успехов нового археологического центра на Урале. В работе этой конференции принимал участие О.Н.Бадер. Позднее Р.Д.Голдина напишет: «О.Н.Бадеру был уже 71 год, но он был очень энергичен, присутствовал на всех заседаниях, выступал с доброжелательной оценкой студенческих докладов. На меня огромное впечатление произвело его выступление на заключительном заседании конференции о перспективах уральской археологии. Он говорил очень вдохновенно и красиво. Студенты были все им очарованы. О.Н.Бадер помог мне в решении вопроса о проведении следующей Урало-Поволжской студенческой конференции. В Кургане было решено провести ее в 1974 г. в Ижевске, в Удмуртском университете. Эта конференция в значительной мере способствовала формированию научной школы археологов в Удмуртии» (Голдина Р.Д., 2002, с.19-20).

3.6. Научные конференции как фактор институционализации научной школы

У каждой научной школы на начальном этапе их становления были свои эпохальные научные конференции, сформировавшие последующие исследовательские программы этих коллективов (первое Уральское археологическое совещание в Перми в 1947 г. было значимо в становлении пермской археологической школы; второе Уральское археологическое совещание в Свердловске в 1961 г. – для свердловской археологической школы). Для Ижевска таким стал VI УПАСК. Именно на нем были сформулированы и озвучены исследовательские задачи археологов УдГУ, решение которых позволило первоначально овладеть исследовательской программой В.Ф.Генинга в рамках «незримого колледжа», а позднее приступить к решению собственной исследовательской программы.

Важность проводившегося в УдГУ УПАСКа осознавалась и руководством вуза. Его ход освещался в вузовской газете «Удмуртский университет». Она писала: «26 февраля 1974 г. в нашем университете состоялось открытие VI УПАСКа. С приветствием к студентам обратился проректор по научной работе В.Е.Майер. С докладом «Основные итоги и проблемы древней истории Удмуртии» выступила Р.Д.Голдина. В этот же день в работе конференции принял участие И.Б.Васильев, представитель Куйбышевского государственного пединститута, с докладом «Итоги пяти Уральских археологических конференций». В.Елагин, студент пединститута из Новосибирска, поделился опытом работы археологического кружка. С приветственными словами к студентам обратились доцент Сыктывкарского университета Э.А.Савельева; преподаватель Курганского пединститута Т.М.Потемкина зачитала приветствие д.и.н., зав. сектором эпохи камня и бронзы Института Археологии АН СССР О.Н.Бадера» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.281а, л.7).

Всего в УПАСКе приняли участие студенты 21 вуза РСФСР и Казахстана. Из 78 докладов 18 было представлено студентами УдГУ. Важным признанием студенческих исследований по археологии стало издание университетом тезисов докладов - это в то время, когда и «взрослым» исследователям было достаточно сложно публиковать свои работы! (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.272, л.23).

Итоги конференции были подведены в статье студента-археолога Р.Кабирова в вузовской газете. В ней отмечалось, что на VI УПАСКе «было представлено большое число делегатов с разно-

образными докладами - от палеолита до позднего средневековья. Для участия в работе конференции были приглашены известные археологи – д.и.н. А.Х.Халиков, к.и.н. Л.Я.Крижевская, к.и.н. Г.И.-Матвеева, к.и.н. Э.А.Савельева. Они и руководили работой секций камня, бронзы, железного века и средневековья. Научный уровень представленных работ был очень высоким. После выступлений велись оживленные дискуссии. Раньше говорили: «Археология - это история, вооруженная лопатой». Сегодня говорят: «И ЭВМ». Доклады, основанные на применении ЭВМ, были прочитаны студентами нашего университета Л.Макаровым «Погребальный обряд Агафоновского могильника», Г.Аноновой «Характеристика пьяноборского погребального обряда», С.Киселевой «Хронология погребальных комплексов Агафоновского могильника», Знаменательно и то, что расширился круг вопросов, поднимаемых на региональных конференциях - были доклады по остеологии, антропологии, нумизматике. 40 докладов было рекомендовано для участия во Всесоюзной Археологической студенческой конференции в Москве, в т.ч. 8 докладов студентов УдГУ» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.281а, л.9).

В последующие годы постоянно росло число студентов, выступавших с докладами на ежегодной студенческой конференции УдГУ, других вузов страны. Так, в отчете Р.Д.Голдиной о работе за 1979 г. указывалось, что 40 студентов выступили с докладами на различных студенческих конференциях (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.631, л.51). География студенческих докладов археологов была обширна - Москва, Волгоград, Куйбышев, Горький, Казань, Сыктывкар, Астрахань, Уфа, Новосибирск, Пермь... В том же 1979 г. в отчете СНО УдГУ указывалось, что из 90 студентов, участвовавших в конференциях других вузов СССР – 32 были студенты-археологи, из них 20 получили грамоты и дипломы организаторов конференций (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.781, л.1,2). Организаторами студенческих конференций неоднократно подчеркивалось, что «доклады студентов-археологов из Ижевска всегда подготовлены на высоком уровне. Докладчиков отличает высокое знание предмета. Подача материала оформлена методически правильно. Изложение эмоциональное, яркое» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.18, л.6).

С приходом в УдГУ Р.Д.Голдиной резко повысился статус археологии как учебной дисциплины: она превратилась в одно из ведущих направлений деятельности факультета и университета. В отчете о научно-исследовательской работе УдГУ за 1974 г. указывалось, что «следует особо отметить НИРС по археологии. Студенты под руководством Р.Д.Голдиной ведут большую поисковую ра-

боту. В воскресные дни и летнее время они выезжают на раскопки и поиск новых памятников. В 1974 г. были открыты древние поселения в черте г. Ижевска, стоянки мезолита и неолита на р. Кильмезь в Увинском и Вавожском районах, взяты на учет и паспортизированы археологические памятники в Сюмсинском, Селтинском, Старозятцинском районах. Отчеты студентов К. Корепанова и Л. Наговицына приняты к публикации. Их же материалы за прошлый год ныне опубликованы. Студенты активно участвуют в хозяйственных работах» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед. хр. 272, л. 24).

В отчете исторического факультета за 1975-1976 уч. г. подчеркивалось, что «вокруг ряда преподавателей, в том числе и Р. Д. Голдиной, объединились многочисленные группы студентов, пытливых, ищущих, систематически работающих с источниками, в библиотеках, выступающих с лекциями и докладами. *Надо сделать так, чтобы каждый преподаватель независимо от степени, опыта и возраста вел за собой группу увлеченных наукой студентов* (выделено мной – О. М.)» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед. хр. 304, л. 33).

В отчете по научно-исследовательской работе УдГУ за тот же год отмечалось, что «в организации НИРС в низовых звеньях новым было то, что с сентября 1975 г. наряду с кружками формируются научно-исследовательские группы студентов, объединяющие студентов с разных курсов по исследуемой теме. Активное участие в руководстве такими группами принимали десятки преподавателей – энтузиастов своего дела, среди них Р. Д. Голдина» (ЦГА УР, ф. 1550, оп. 1, ед. хр. 339, л. 43, 44).

Важным содержательным и организационным результатом признания работы ученых-археологов стало проведение в Ижевске 1-5 апреля 1980 г. VII Уральского археологического совещания. В нем приняли участие более ста ученых из 24 городов СССР. На пленарных заседаниях, секциях камня и бронзы, раннего железного века, средневековья было заслушано 100 докладов. Основное внимание совещание уделило проблемам этнических процессов на Урале и в Сибири, хронологии археологических культур Урала и новейшим открытиям археологов Урала. Как указывалось в постановлении совещания «на секции средневековья большой интерес вызвали разработки по хронологии погребальных комплексов, выполненные удмуртскими археологами. Применение корреляционного метода позволило внести стройность и аргументированность в результаты научного анализа. Совещание рекомендовало обратить особое внимание на разработку социально-экономической истории населения Урала, новых ме-

тодов и методологии археологических исследований» (Постановление..., 1983, с.116,117).

Эти конференции явились знаковыми для археологов УдГУ. На сегодняшний день – они – постоянные участники научных мероприятий разного уровня. За время существования коллектива его научные достижения были апробированы более чем на 300 конференциях, из них 12 конференций разного формата организованы и проведены коллективом археологов на базе УдГУ (Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе).

3.7. Музей «Древняя история Камско-Вятского междуречья» как форма деятельности научной школы

Важным элементом структурной организации археологии в УдГУ стал музей древней истории Прикамья. Идея его создания была озвучена еще в 1977 г. Ее воплощение в жизнь заняло три года. К моменту открытия музея за восемь лет работы КВАЭ было изучено или вновь открыто более 900 археологических памятников, накоплен огромный материал по древней истории населения Приуралья. В 1980 г. VII Уральское археологическое совещание одобрило работу УдГУ по созданию музея археологии (Постановление..., 1983, с.117).

Педагогически верным шагом в создании музея было активное привлечение студентов к этому процессу, и не только как участников раскопок. Среди студентов был объявлен своеобразный конкурс на лучшую идею тематико-экспозиционного плана музея. В итоге студентами был изготовлено 11 витрин, посвященных различным этапам развития населения Приуралья. В экспозиции отчетливо прослеживалась преемственность последовательно развивающихся культурных общностей, их взаимосвязь и взаимовлияние, угадываются истоки этнообразования пермской группы угро-финских народов - удмуртов и коми.

Претворяли идеи в жизнь ассистент кафедры истории СССР, выпускник специализации «археология» В.М.Королев, художник ЛАИ А.И.Лыков, фотографии были сделаны Л.Д.Макаровым. Студенты помогали монтировать витрины, отбирая наиболее показательные вещи из огромного количества материала, поскольку в экспозиции представлены оригинальные вещи, а не их копии (Бернц В.А., 2002, с.96).

Открытие музея стало значимым событием в жизни университета. Оно состоялось 23 февраля 1980 г. На нем присутствовали

студенты истфака, преподаватели, все те, кто имел отношение и к деятельности КВАЭ, и к созданию музея.

Витрины музея органично вписались в коридоры исторического факультета и стали составной частью эмоционального и содержательного восприятия истфака.

Уникальность музея состоит в том, что в республиканском краеведческом музее долгое время отсутствовала постоянная экспозиция эпохи камня - древнейшей из известных на территории Удмуртии. Только в 2005 г. в Национальном музее Удмуртской Республики им.К.Герда была создана археологическая экспозиция. Поэтому университетский музей долгие годы являлся единственным в г.Ижевске и республике музеем, дававшим целостное представление об археологическом прошлом края. Материалы музея используются как наглядные пособия в ходе освоения студентами курса основ археологии, истории Урала и истории Удмуртии, спецкурсов по археологии.

Важнейшая составная часть работы музея - популяризация археологических знаний среди населения, особенно среди школьников. В качестве экскурсоводов выступают не только квалифицированные специалисты, но эту роль осваивают и студенты, тем самым в новой для себя форме получая навыки профессиональной работы. В среднем ежегодно проводится свыше 150 экскурсий для школьников Удмуртии.

Музей поддерживает тесные связи с музеями Камско-Вятского региона. Часть коллекций передана в различные музеи. В 2005 г. была проведена крупная выставка в с.Барда Пермской области «Сокровища земли Бардымской». Материалы музея демонстрировались за рубежом (Бернц В.А., 2002, с.96-97): в 1996 г. в венгерском г.Татабалья экспонировалась выставка материалов, полученных КВАЭ.

Полноценная деятельность музея нуждается в постоянном пополнении и изменении его экспозиции, сохранении материалов фонда. Поэтому значимой оказывается грантовая поддержка деятельности музея Министерством образования и науки РФ. В 2005 г. по его программе «Развитие инфраструктуры научно-технической и инновационной деятельности высшей школы и ее кадрового потенциала» был получен грант «Развитие музея археологии, древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья – уникального многофункционального центра сохранения и популяризации многонациональной культуры народов Приуралья».

3.8. Создание новых форм организации археологической деятельности в структуре классического университета

С развитием практики разработки хоздоговорных тем перед коллективом археологов УдГУ встали задачи, требовавшие создания новых организационных форм деятельности. Кроме того в 1977 г., первые ученики Р.Д.Голдиной завершали обучение по специализации «археология», поэтому важно было дать возможность реализоваться им в дальнейшей профессиональной практике, развивать археологию в университете, не ограничиваясь только студенческой наукой. Из их числа ассистентом на кафедре истории СССР был оставлен Л.Д.Макаров, Г.Н.Анонова, будучи студенткой, работала лаборантом научно-исследовательского сектора УдГУ, Н.И.Шутова стала работать лаборантом НИСа, Л.А.Сеникова вернулась в Киров в Областной краеведческий музей.

Выход в этой ситуации был подсказан В.Ф.Генингом еще в 1967 г., когда на определенной стадии развития коллектива им была создана первая в стране хоздоговорная научно-исследовательская лаборатория - своеобразное научное академическое учреждение внутри учебного заведения (Мельникова О.М., 2003б). Использование этого опыта позволило внести в планы кафедры истории СССР на 1975-76 уч. г. создание на базе кабинета археологии лаборатории археологических исследований (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.32, л.49). Ученый Совет истфака в январе 1976 г. отмечал: «Представляется необходимым открытие проблемной историко-археолого-этнографической лаборатории. Факультет располагает для этого и кадрами, и, в какой-то мере, материальной базой. Открытие такой лаборатории значительно усилит научный потенциал факультета, расширит научно-преподавательский состав» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.304, л.36-37).

Решение такого вопроса было непростым. Ученый Совет исторического факультета неоднократно возвращался к этой теме. Выступая с обсуждением задач исторического факультета на 1977 г., Р.Д.Голдина следующим образом аргументировала необходимость создания такой лаборатории в Ижевске: «Я хотела бы остановиться на двух взаимосвязанных вопросах: 1) перспектив развития археологической науки на историческом факультете и 2) состоянии издательского дела на историческом факультете. За последние четыре года в области археологии сделано немало – создана экспедиция с приличной материальной базой, создан небольшой, но перспективный научный коллектив, получен уникальный, очень важ-

ный в научном отношении, материал. За четыре года экспедицией обследовано более 500 памятников, из них 450 открыто вновь! Но это лишь минимум, начало, так как экспедиции имеют практически все университеты. Следующий шаг, который мы должны сделать – создание лаборатории, которая должна быть создана на хоздоговорных началах, а ректорат искусственно тормозит заключение хоздоговоров. Плохо обстоит дело с публикациями в университете. За четыре года существования университета на историческом факультете не издано ни одного сборника статей!» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.375, л.18).

Активно в поддержку решения о создании ЛАИ высказался на этом заседании В.Е.Майер. В своем решении Совет факультета просил ректорат ускорить создание ЛАИ и музея по археологии и этнографии (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.375, л.21). Кроме того, еще VII Уральское археологическое совещание в 1980 г. в своем «Постановлении» обращало внимание на то, что «в связи с широкими масштабами археологических работ, осуществляемых Удмуртским госуниверситетом, и наличием там квалифицированных кадров, совещание считает целесообразным просить ректорат Удмуртского университета создать при университете проблемную лабораторию по археологии Приуралья и Камско-Вятского междуречья» (Постановление..., 1983, с.118).

В конечном итоге ЛАИ была открыта. Первоначально она была создана как хоздоговорная лаборатория предназначена для изучения разрушающихся археологических памятников (Голдина Р.Д., 1996а, с.86). Финансирование археологических исследований производственными объединениями «Дирекция Нижнекамской ГЭС», «Удмуртнефть», «Кировводстрой», «Кировмелиорация», «Дирекция строящихся газопроводов», Институтом Археологии АН СССР (РАН), Министерством культуры Удмуртской Республики и другими организациями позволило провести широкие полевые исследования на территории Камско-Вятского междуречья. Эти работы помогли сохранить археологический коллектив и существенно увеличить источниковый потенциал региона (Голдина Р.Д., 2002а, с.17; Широбокова Н.Ф., 2002, с.102-141).

Результаты работы ЛАИ стали весьма ощутимы. Ученый Совет истфака одобрил ее деятельность по изучению разрушающихся археологических памятников в зонах новостроек на хоздоговорных условиях и просил ректорат для более эффективной работы увеличить число штатных единиц лаборатории (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.1084, л.42).

В 1989 г. при активной поддержке ректора УдГУ В.А.Журавлева ЛАИ была преобразована в Проблемную лабораторию истории и культуры народов Приуралья с бюджетным финансированием (Голдина Р.Д., 1996а, с.86). А 28 декабря 1993 г. произошла ее важная трансформация в Институт истории и культуры народов Приуралья как структурной единицы УдГУ. «Создание Института (как и ряда других в УдГУ) с одной стороны было продолжением политики руководства университета по превращению вуза в исследовательский федеральный холдинг – центр образования, науки и культуры, а с другой – это было логическим завершением усилий научного коллектива, возглавляемого профессором Р.Д.Голдиной по поиску наиболее эффективных организационных форм научной деятельности» (Лещинская Н.А., 2002, с.85).

За 1973-2005 гг. археологами было заключено 78 хоздоговоров со строительными, проектными, нефтяными, газовыми, муниципальными объединениями. Все они направлены на реализацию общегосударственной программы по охране и сохранению историко-культурного наследия Удмуртии и России (Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе).

В содержательном смысле Институт не ограничивался только получением знаний об археологическом прошлом края: он включил в себя отдел археологии народов Приуралья, отдел древней и современной культуры народов Приуралья, отдел истории народов Приуралья, отдел «Студия индо-уралика» и археологический музей (Лещинская Н.А., 2002, с.85-95).

Таким образом, хоздоговорная лаборатория стала ядром будущей исследовательской бюджетной организации, создание которой позволило эффективно проводить научные изыскания и динамично вводить их результаты в учебный процесс в вузе. «Это дает возможность наиболее результативно распорядиться археологической практикой, успешно отбирать способных к археологической науке студентов, планомерно воспитывать их, а, кроме того, постоянно подпитывать молодыми кадрами кафедру археологии университета» (Голдина Р.Д., 2002а, с.12).

Возникновение исследовательского института в рамках университета способствовало укреплению междисциплинарных связей в решении проблем ранней истории Приуралья путем привлечения к исследованиям специалистов разного профиля (лингвистов, биологов, физиков, химиков, математиков и др.), что привело к продуктивному использованию научного потенциала классического

университета для решения задач исследовательской программы в сфере археологии. Системное изучение истории и культуры народов Приуралья, истории Удмуртии в эпоху феодализма, историко-краеведческих проблем, современных межнациональных отношений стало важным шагом в развитии регионального историографического процесса (Лещинская Н.А., 2002, с.85-95).

Многогранная работа коллектива археологов УдГУ способствовала превращению археологии в важное учебное и научное направление на историческом факультете и университете. Его значимость привела к созданию в структуре исторического факультета в 1991 г. кафедры археологии и истории первобытного общества (Голдина Р.Д., 1996а). Она полностью укомплектована учениками Р.Д.Голдиной.

Весь их предшествующий педагогический и исследовательский опыт способствовал совершенствованию процесса подготовки специалистов-археологов в УдГУ. Наиболее подготовленные выпускники обучались в аспирантуре крупных научных центров страны и подтвердили свою научную квалификацию защитой кандидатских диссертаций. В.А.Кананин учился у профессора В.В.Седова в Москве в аспирантуре ИА АН СССР, в ЛОИА АН СССР подготовили кандидатские диссертации Т.М.Гусенцова (руководитель профессор Л.Я.Крижевская) и Л.Д.Макаров (руководитель – профессор А.Н.Кирпичников), в Киеве в Институте Археологии АН Украины у профессора В.Ф.Генинга учились О.М.Мельникова и Г.Н.Журавлева. В МГУ под руководством профессора Ю.Л.Щаповой подготовлена диссертация Е.В.Голдиной, под руководством профессора Г.А.Федорова-Давыдова – работы Н.А.Лещинской, Т.К.Ютиной, Е.М.Черных. В результате вернувшиеся из аспирантуры археологи не только выросли качественно, но и привнесли в свой коллектив лучшие традиции различных научных коллективов СССР. Этот опыт позволил в 2004 г. О.М.Мельниковой защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по археологии **(Приложение 3)**.

Организационное объединение ведущих специалистов-археологов УдГУ в рамках кафедры значительно повысило возможности их профессионального общения, способствовало их творческому росту. Достигнутый научный потенциал способствовал тому, что в 1990 г. на историческом факультете была открыта аспирантура по археологии, в след за ней в 1992 г. - один из первых на Урале Диссертационный Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в который, помимо архе-

ологов и этнографов Удмуртии, вошли самые авторитетные специалисты Урала в области археологии и этнографии. Главой Совета стала Р.Д.Голдина. В совете защищены кандидатские диссертации по археологии учеными Ижевска, Йошкар-Олы, Уфы, Самары, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Казани, Саранска, Пензы, Челябинска, Ульяновска, Сыктывкара, Сургута. С 1991 г. в аспирантуре кафедры археологии и истории первобытного общества прошли обучение более 40 аспирантов.

Высокий статус диссертационных работ, защищенных учеными из многих городов Урала и Поволжья, привел к тому, что в 2001 г. Совету было доверено проведение защиты докторских диссертаций по археологии, этнографии и отечественной истории. На кафедре археологии была открыта докторантура.

Таким образом, коллектив археологов УдГУ способствует не только формированию кадров археологов для Удмуртии, но и превратился в признанный центр подготовки научно-педагогических кадров для Урало-Поволжского региона.

Этому во многом благоприятствовали изменившиеся социальные обстоятельства: постперестроечное время стимулировало возвращение археологии страны в лоно мировой науки. Научный авторитет Р.Д.Голдиной и ее многочисленных учеников привел к многогранному сотрудничеству с зарубежными археологами и освоению их опыта в изучении археологических памятников. Только в начале 90-х гг. XX в. для студентов-археологов читались лекции по проблемам археологии средневековой Европы директором Венгерского Национального Музея И.Фодором, директором Института археологии АН Венгрии Ч.Балинтом, доцентом Сегедского университета Б.Кюрти, профессором Венского университета Ф.Даймом, зав. Отделом Музея истории и природы г.Вены П.Штадлером (Черных Е.М., 1992а, с.27). Учебный процесс университета позволял привлекать к зарубежным научным стажировкам не только преподавателей кафедры археологии, но и аспирантов и студентов (Венгрия, Австрия). Постоянной стала практика участия археологов УдГУ в международных конференциях, проводимых как в стране, так и за рубежом. Участие в международных грантах, полученных учеными УдГУ, позволило специалистам кафедры изучать опыт преподавания и изучения археологии в Великобритании (Мельникова О.М., Голдина Е.В., Шапран И.Г.), Финляндии (Лещинская Н.А., Волков С.Р.), Италии (Цыгвинцева Т.А.), Германии (Мельникова О.М., Шапран И.Г.). Зарубежные коллеги становятся постоянными участниками всех крупных научных мероприятий, проводимых ка-

федрой и Институтом. Такое общение во многом способствовало быстрому становлению молодых специалистов, раскрытию творческого потенциала более опытных коллег.

Складывание трех научных археологических центров в Ижевске - УдНИИ, УдГУ, краеведческий музей - неизбежно требовало консолидации их научных усилий по археологическому изучению региона. Этот процесс был достаточно сложным, требовал разграничения сфер полевого изучения и решаемых научных проблем. Со временем многие проблемы были улажены, сглажены или разрешены. УдНИИ сосредоточил свои усилия по изучению памятников эпохи энеолита, средневековых археологических памятников на севере Удмуртской Республики. Важным объектом его усилий стало исследование городища Идна-Кар, где решены и решаются многие важные конкретно-исторические аспекты средневековой истории удмуртского народа, в содружестве с физиками формируется новая методология полевых и камеральных исследований, предпринимаются активные усилия по охране памятников и возрождению народных промыслов (Куликов К.И., Иванова М.Г., 2001, С.156-171). НМУР усилиями Т.И.Останиной исследует памятники эпохи раннего железного века, прилагает усилия по сохранению археологических коллекций, популяризирует археологические знания среди населения.

С момента создания УдГУ были найдены продуктивные формы научных коммуникаций коллективов археологов Удмуртии. В частности, в 70-е гг. XX в. это выразилось в подписании договоров о сотрудничестве. Они предполагали проведение совместных научных конференций. Коллеги из УдНИИ и НМУР участвовали и участвуют в ежегодных итоговых научных конференциях преподавателей УдГУ. Инициированные этими научными организациями научные мероприятия всегда находят отклик коллег. Силами ученых этих учреждений подготавливались издания сборников научных работ. Осуществлялось научное руководство сотрудниками УдНИИ и краеведческого музея курсовыми и дипломными работами студентов УдГУ. (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.541, л.46,47). Студенты, специализировавшиеся по археологии, работали в экспедициях УдНИИ и краеведческого музея. Позднее это позволило части из них после окончания вуза работать в этих научных учреждениях в качестве профессиональных археологов. Коллеги из УдНИИ и НМУР являются членами диссертационного совета УдГУ.

Важным элементом научной деятельности археологов УдГУ стала активная работа по публикации материалов, полученных в ходе археологического изучения Камско-Вятского междуречья.

Активная работа Р.Д.Голдиной и ее коллег по развитию издательской деятельности принесла свои плоды. С 1977 г. стали издаваться сборники научных трудов археологов УдГУ. Первым из них стал сборник «Памятники железного века Камско-Вятского междуречья». Большой частью издания носили тематический характер, связанный с проблемами хронологии, классификации, интерпретации археологического материала, решением социально-исторических и этногенетических вопросов. Ряд изданий носили учебно-методический характер, связанный с изданием программ по специальным курсам и спецсеминарам по археологии (Мельникова О.М., Оконникова Т.И., 1995; Лещинская Н.А., Широбокова Н.Ф., 2003). Научно-методическая и учебно-методическая работа археологов позволяет динамично вводить в учебный процесс научные достижения коллектива.

За три первых года существования коллектива результаты работ были опубликованы в различных изданиях в виде 19 небольших сообщений и заметок (Голдина Р.Д., 1977, с.11). Всего за годы существования коллектива археологов в УдГУ было опубликовано 19 сборников научных и учебно-методических трудов, 18 монографий, а количество индивидуальных статей приблизилось к 1500. Весьма показательна в этом отношении дореволюционная статистика работ по археологическим памятникам, изученным на современной территории Удмуртии. В издании «Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900-1917 гг.» упомянуто 58 публикаций, главным образом связанных с публикацией отдельных находок или информацией о раскопанных памятниках. Их авторство принадлежит 20 исследователям (Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900-1917 гг., 2004).

Причем следует подчеркнуть, что студенты получили возможность своих первых публикаций в столичных академических изданиях – в ежегоднике «Археологические открытия». Первые такие публикации состоялись в ежегоднике за 1973-1974 гг. (Мельникова О.М., Оконникова Т.И., 1995; Лещинская Н.А., Широбокова Н.Ф., 2003). В последние годы студенты получают возможность публикации своих первых научных работ как в тематических студенческих сборниках, посвященных работе УПАСК, так и во «взрослых» изданиях УдГУ.

Колоссальная работа по выработке гибких организационных форм развития археологии в вузе принесла свои плоды. За три десятилетия УдГУ превратился в признанный научным сообществом археологический центр.

3.9. Проблемы межличностных отношений в научной школе

Научная школа является исследовательским коллективом, который объединяет ученых, различающихся по своему возрасту, компетентности, степени профессионализма. На вершине иерархии оказывается лидер научной школы и интеллектуальное ядро, развивающие исследовательскую программу. Глава научного объединения археологов Удмуртского университета выделяется с самого начала существования коллектива.

Реализуя на первых порах в Ижевске исследовательскую программу В.Ф.Генинга, при ее решении Р.Д.Голдина смогла сформировать коллектив единомышленников, усвоивших эту программу, а позднее ставших соавторами собственных исследовательских идей. Этому во многом способствовали личные качества организатора археологической науки в УдГУ Р.Д.Голдиной. Долгий и непростой путь исследовательницы в археологию сформировал в ней важные черты, позволившие стать лидером научного коллектива (Кананин В.А., 2002, с.11-16; Мельникова О.М., Грызлов А.Н., 2002, с.7-11; Голдина Р.Д., 2002, с.16-55).

Р.Д.Голдиной удалось сформулировать собственную исследовательскую программу археологического изучения Камско-Вятского и шире – Приуральяского региона. Эта программа, отвечающая потребностям развития археологии и социальным запросам в сфере изучения древней истории региона, была поставлена как познавательная задача перед созданным ею исследовательским коллективом. В процессе решения исследовательской программы Р.Д.Голдина проявила важные педагогические свойства как воспитатель нового поколения исследователей. Бесспорен ее организационный талант, позволивший одновременно не только создавать и руководить археологическими подразделениями вуза, но и быть в течение десятилетия деканом исторического факультета УдГУ.

Обладая развитым критическим талантом, лидер археологов предоставляет ученикам возможность самостоятельно формировать собственную научную позицию, а в случае необходимости, пересматривать ее. Ученики становятся интеллектуальными и социальными партнером учителя. Наличие научной интуиции, сильный характер, организационные способности, контактность, умение видеть и формулировать научную проблему, способность к сотворчеству, к совместной работе с коллегами и учениками, обсуждению, развитию, критическому осмыслению идей, методов, результа-

тов – свойства лидера, способствовавшие трансформации археологического коллектива в научную школу.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, потому что обучение и преподавание - это иной, чем исследование, вид деятельности. Они редко сочетаются в одном лице. Обучение у такого ученого дает нечто большее, чем только знания. Еще в 1976 г. газета «Удмуртский университет» писала: «Своими лекциями Р.Д.Голдина привораживает «глупых» еще первокурсников, постепенно влюбляя их в археологию. После археологической практики эти уже неглупые второкурсники влюбляются в археологию по уши. Римма Дмитриевна - человек до фанатизма преданный науке. Рядом с ней стыдно расслабляться, хочется, как и она, углубиться в науку. Римма Дмитриевна при этом очень тактичный и внимательный человек. Но она тверда и принципиальна в вопросах, касающихся работы, настойчива в желании «объять необъятное». Она приучает своих учеников каждодневно ритмично работать, накапливая знания. Ее преданность работе передается ученикам. Но если даже ты не станешь археологом, то обязательно рядом с ней научишься любить свое дело так, как она любит свое» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр. 281а, л.94). Сама исследовательница писала по этому поводу: «Легко решить стать археологом, но очень нелегко им быть. Именно поэтому не все, приходящие в археологию, остаются в ней. Но для тех, кто остался, нет другой жизни, как в этой науке» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр. 281а, л.64).

Лидер коллектива является ярко выраженной фигурой в творческом процессе: его функции достаточно многообразны. Это программные функции, направленные на постановку перед коллегами исследовательских задач; организаторские, связанные с налаживанием исследовательской деятельности; наконец, педагогические, вытекающие из необходимости подготовки молодого поколения исследователей.

Рабочий стиль и методы деятельности коллектива во многом определяются Р.Д.Голдиной. Воспитание членов коллектива творчески самостоятельными исследователями приводит к позитивным научным результатам. Последние, в свою очередь, оказываются таковыми и в силу гибкой организационной структуры научного объединения. Она обеспечивает необходимую коммуникацию между членами научной школы, создает максимально удовлетворительные условия для индивидуальной деятельности специалистов, делает возможным благожелательное восприятие представленных школой идей со стороны научной и широкой общественности.

В развитии исследовательского коллектива археологов мы наблюдаем эволюцию его внутренней структуры, которая отражает этапы становления исследовательской программы и самой научной школы, выявленные при анализе генетических связей.

Естественно, кроме эволюции содержательной стороны исследовательской программы, трансформации организационных форм археологической деятельности происходят изменения и во взаимоотношениях внутри исследовательского коллектива. Пожалуй, это наиболее сложная и деликатная составляющая характеристики научных школ. Внутренняя рефлексия автора может в этом смысле быть исключительно субъективной.

Психология межличностных отношений внутри научной школы – весьма тонкая материя. В условиях, когда речь идет о действующем научном коллективе, рассуждать на эту тему очень сложно. Существует проблема историографического источника для исследований на эту тему. Традиционный корпус историко-научных источников, к сожалению, пока не отложился. Очевидно, следует идти по пути формирования нового типа источников, основанных на методологии устной истории, активно используя социологическую методологию в их изучении. Думается, что более точные наблюдения на эту тему возможны на пути кооперации историков науки с психологами: в этом вернейший путь к познанию человеческой стороны научной деятельности.

Можно констатировать, что не всегда гладко и безоблачно складываются отношения по линии «учитель» - «ученик» как в отношении взаимоотношений лидера и его учеников, так и в следующем поколении учеников. Как правило, в процессе выполнения исследовательской программы происходит овладение определенными социальными ролями. Внутри школы формируются определенные стереотипы восприятия места и роли каждого члена коллектива в процессе выполнения исследовательской программы.

Освоение элементов этой программы формирует профессионализм исследователя. Поэтому на определенном этапе он начинает претендовать на изменение своего статуса внутри школы и изменение той роли, которую он выполнял в процессе решения исследовательских задач. Личные притязания учеников могут приводить к конфликтным ситуациям и разрыву с коллективом (однако, чаще всего, формальному – интеллектуальные связи с трудом поддаются разрыву ввиду того, что они касаются существа методологии археологического исследования, освоенного в рамках школы). Эти притязания могут носить объективный характер: ученик вырос

в интеллектуальном и социальном смысле и претендует на более значимую роль в формировании и развитии исследовательской программы (от выполнения рутинных операций - к генерированию новых идей). Это влечет за собой претензии на более высокий социальный статус внутри служебной лестницы: лаборант претендует на преподавание; вспомогательный персонал – на более значимый и творческий для исследовательской программы элемент научной деятельности; преподаватель более низкого разряда - на более высокий.

Формальные ограничения, связанные со структурой коллектива, приводят к определенной конкуренции членов школы одного социального статуса в их претензии на более значимую роль внутри коллектива и за его пределами. В таких ситуациях эмоциональная сторона научной жизни выплескивается наружу, а отношения к таким событиям носят предельно личный и эмоционально окрашенный характер, научные достижения коллег в таких ситуациях уходят на второй план. «Предательство», отлучение от «своего круга» - весьма болезненное состояние научной школы. Пожалуй, внутри научной школы подобные ситуации переживаются особенно остро и ярко, нежели в обычном научном коллективе. Близки к этому ситуации научного поведения, которые можно описать через категории «любви», «страсти», «ревности», хорошо знакомые всем, кто причастен к научным школам.

Д.А.Александров обратил внимание еще на один аспект субъективных отношений внутри школы, который присутствует и в жизни археологов УдГУ: «Интрига, внутринаучная и внеаучная борьба оказываются важнейшим элементом научных школ» (Александров Д.А., 1998, с.14). Думаю, что с этим утверждением следует согласиться. В преодолении этих проблем важнейшую роль играет лидер научной школы. Именно его организационный и педагогический талант в конечном итоге приводит конфликтные ситуации в русло нормального развития научного коллектива.

В подобной ситуации весьма полезным является еще наблюдение Д.А.Александрова, трактующего школы в науке как социальные сети. Пространная цитата из его работы снимает с меня необходимость персонифицировать это явление: «Вокруг «большого человека» складывается плотная сеть тесных связей. Он что-то дает своим клиентам, они же прибавляют ему авторитета и могут быть мобилизованы на какие-либо действия. Примеры из жизни научных школ хорошо иллюстрируют то, что такое отношения патрон-клиент в традиционных патерналистских клиентеллах. Покровитель

заботится о своем клиенте, клиент отвечает ему поддержкой. Если клиент отказывает в поддержке патрону, он рассматривается как предатель» (Александров Д.А., 1998, с.15).

Любопытно, что в таких своих формах научная школа выступает с еще одной неожиданной стороны - как своеобразная форма изоляции научного коллектива от других исследовательских групп. Эта определенная замкнутость тоже имеет свой смысл. С одной стороны, обособленность от других групп позволяет интенсивно бороться за сохранение и распространение своей исследовательской программы, с другой стороны, принадлежность к научной школе осознается членами «внешнего» научного сообщества.

Субъективный статус моих наблюдений выявляет еще одну закономерность, связанную с отношениями внутри коллектива: узкая «специализация» и компетентность в ней членов научной школы в процессе решения исследовательской программы безоговорочно признается независимо от личных притязаний. В процессе обсуждения научных тем, авторитетные мнения специалистов важны для всего коллектива. Эта значимость базируется на доверии, причем как научном, так и эмоциональном. В процессе совместной работы, пройдя общий путь полевой археологии, решая сообща проблемы древней и средневековой истории населения Приуралья, на протяжении более 30 лет, археологи научились понимать друг друга, оказывая в процессе работы социальную и психологическую поддержку.

Повторюсь, что я пытаюсь сформулировать собственные обобщения, основанные на участии в жизни научной школы. Но эта тема нуждается в подробном изучении, которое правомерно проводить и в отношении школ, ушедших в историю. Мир исследователя состоит из самых разнообразных составляющих, степень понимания этих научных и вненаучных факторов в жизни научных школ определяет глубину нашего познания жизни научного сообщества.

Итак, становление коллектива археологов в Удмуртском университете происходило под воздействием различных социальных факторов. Важнейшим из них стало наличие классического университета, способствовавшего гибко изменять организационные формы, в которых существует наука в вузе в соответствии с изменившимися обстоятельствами времени и общественными потребностями. Однако эти изменения во многом инициировались самим коллективом и, в первую очередь, его лидером в немалой степени под воздействием исследовательских задач и содержания исследовательской программы.

ГЛАВА 4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА НАУЧНОЙ ШКОЛЫ АРХЕОЛОГОВ В УДГУ

4.1. Периодизация исследовательской программы научной школы

Рассмотрение исследовательской программы научной школы археологов в УдГУ вполне укладывается в принятую мной и рассмотренной в других исследованиях (Мельникова О.М., 2003а; 2003б) периодизацию развития исследовательских программ (Карцев В.А., 1982). В соответствии с выделяемыми стадиями в ее развитии и будет рассмотрено конкретное содержание этого феномена.

Исследовательская программа, усвоенная учениками В.Ф.Геннинга в УрГУ, была достаточно эффективной, особенно при широкомасштабном археологическом изучении новых или малоизученных территорий. Но в процессе ее реализации обнаружились затруднения. Они выразились в том, что при кажущемся «перепроизводстве» археологических источников, конкретные регионы Урала археологически оказались не столь детально изучены, как требовалось, исходя из задач исследовательской программы В.Ф.Геннинга.

Создание в УдГУ кабинета археологии, кружка «Археология Урала», КВАЭ, ставшей одной из крупнейших на Урале, специализации по археологии, ЛАИ, Института истории и культуры народов Приуралья, кафедры археологии и истории первобытного общества, аспирантуры и докторантуры по археологии, кандидатского и докторского Советов по защитах диссертаций по археологии, стали организационными формами, отражавшими характер изменяющихся исследовательских задач в деятельности коллектива. Следует подчеркнуть, что это привело к динамичному развитию коллектива и его скорой трансформации в научную школу. Многие стадии в развитии исследовательской программы динамично сменяли друг друга.

Стадия готовности (предпрограммная) связана с начальным периодом в становлении научной школы. Ее организационными индикаторами стало создание в 1972 г. в УдГУ кабинета археологии, кружка «Археология Урала», в 1973 г. - КВАЭ и завершилось открытием специализации по археологии на историческом факультете. Участие в полевой и камеральной работе под руководством Р.Д.Голдиной привлекло в археологию наиболее целеустремленных молодых исследователей, составивших впоследствии интеллектуальное ядро научной школы. Освоение ими исследовательского опыта учителя (а, соответственно, и исследовательской программы В.Ф.Генинга), непосредственное обучение различным вопросам археологии у приглашенных в УдГУ для чтения спецкурсов известных специалистов по археологии СССР, способствовало не только приращению знаний и формированию нового поколения исследователей, но и формировало основы будущих научных коммуникаций. Значимой вехой в предпрограммной стадии стало проведение в Ижевске в 1974 г. УПАСКа.

Существенным моментом в развитии исследовательской программы стали личные качества Р.Д.Голдиной, сумевшей привлечь в науку значительное число студентов, избравших впоследствии археологию в качестве своей профессии. Очевидно и то, что студенты, пришедшие в науку, были искренне готовы к изучению совершенно неизвестных проблем, сила их познавательного интереса была столь велика, что по статистике каталога курсовых работ кафедры археологии видно, что в 70-е гг. курсовые работы по археологии выполняло более 130 студентов.

Это позволило, в конечном итоге, остаться на специализации по археологии наиболее последовательным сторонникам научных идей, выдвигаемых Р.Д.Голдиной. Неслучайно, именно первый выпуск специализации по археологии в последующем дал наибольшее число высококвалифицированных специалистов: все они стали профессиональными историками, археологами, музейными работниками - 5 из 6 получили ученую степень кандидата наук, а Н.И.Леконцева - доктора исторических наук по археологии (Мельникова О.М., Пастушенко И.Ю., 2002, с.282).

На *стадии овладения категориальным и методическим аппаратом археологии* - за первые три года существования КВАЭ - было обследовано значительное количество археологических памятников, большинство из которых открыто вновь. В рамках «незримого колледжа» на начальном этапе развития коллектива исследовательская программа во многом вытекала из

опыта свердловской школы В.Ф.Генинга. Как известно, она, на первом этапе была связана с созданием прочной источниковедческой базы для разработки культурно-исторической периодизации изучаемых регионов. Уже затем ее развитие было направлено на реализацию задач изучения социально-экономического развития древних обществ.

Перед археологами УдГУ на этапе формирования научного коллектива стояли сходные исследовательские задачи. Позднее Р.Д.Голдина так определит их содержание: «Постановка и решение следующих вопросов исторического характера: выяснение специфики памятников Камско-Вятского междуречья в конкретные исторические эпохи; создание на прочной источниковедческой основе древней истории населения Камско-Вятского края; в перспективе - решение некоторых вопросов этногенеза пермской группы, прежде всего - удмуртов и коми-пермяков» (Голдина Р.Д., 1988, с.3).

Конкретно на самых первых этапах формирования исследовательского коллектива задача сводилась к «сплошному разведочному обследованию бассейна р.Кильмези и Верхней Камы для последующего изучения древней истории населения Прикамья от эпохи камня до позднего средневековья, в том числе для изучения проблемы происхождения и ранней истории удмуртского народа» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.281а, л.64). При этом первоначальные задачи не ограничивались только сплошным разведочным обследованием, но и предполагалось стационарное изучение памятников всех эпох от мезолита до позднего средневековья (Голдина Р.Д., 1981, с.10). Итогом этих работ должна была стать археологическая карта изучаемых областей (Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1984, с.54). Поэтому реализация исследовательской программы в рамках незримого колледжа дала многозначное название самой общей теме исследования – «Древняя история Камско-Вятского междуречья» (ЦГА УР, ф.1550, оп.1, ед.хр.339, л.31).

Задачи сбора материалов для составления археологической карты Камско-Вятского междуречья с последующим решением исторических проблем позволяют констатировать факт: коллектив археологов УдГУ начинает свою деятельность в рамках «незримого колледжа» на стадии реализации исследовательской программы В.Ф.Генинга. Иначе и не могло быть, поскольку решение социально-исторических задач требует предварительной культурно-хронологической периодизации археологического материала.

Район исследования был выбран неслучайно, так как территория Камско-Вятского междуречья до 1973 г. была в целом либо

плохо обследована, либо совсем не изучена, хотя северные районы Удмуртии уже имели традицию археологического изучения, а Прикамская Удмуртия целенаправленно исследовалась В.Ф.Генингом.

Однако значимость памятников средней части междуречья рр.Вятки и Камы в выяснении проблем древней истории финно-угорских народов Приуралья была весьма велика. «Изучение памятников Верхнего Прикамья представляет большой интерес не только с точки зрения выяснения специфических особенностей здешних памятников, но и с точки зрения определения времени и характера разделения финно-пермского массива на отдельные группы» (Голдина Р.Д., 1977, с.10).

Кроме того, обращение на начальной стадии исследования к изучению территории Верхней Камы и бассейна р.Кильмези было связано и с личными исследовательскими интересами Р.Д.Голдиной – еще в Свердловске она изучала памятники эпохи раннего средневековья, а ее кандидатская диссертация была посвящена памятникам ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье (Голдина Р.Д., 1971). Предполагалось найти памятники этого времени и на р.Кильмези. Об этом были свидетельства, приводимые В.Ф.Генингом в работе «Археологические памятники Удмуртии»: «Вблизи д.Новый Мултан Увинского района еще М.Г.Худяков указывает два кургана» (Генинг В.Ф., 1958, с.142).

Полевые работы стали основой для перехода к следующей стадии в развитии исследовательской программы - *стадии выбора проблемы* (выявления несоответствия данных теории и эксперимента, постановки задач). Исследовательская программа осознанно или неосознанно выступает в своей самой первоначальной форме. (Карцев В.А., 1982, с.52).

Первый шаг в выявлении несоответствия данных опыта и существовавших концептуальных идей в объяснении археологических памятников Камско-Вятского междуречья был сделан уже в самый первый сезон работы КВАЭ. Экспедиция начала работу 1 мая 1973 г., а уже 2 мая была открыта самая древняя тогда на территории Удмуртии неолитическая стоянка - Новомултанская (Голдина Р.Д., 1998, с.45). Именно этой находкой была опровергнута идея В.Ф.Генинга и В.Е.Стойнова, высказанная на втором Уральском археологическом совещании об отсутствии памятников каменного века как особенности данной территории (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, с.12).

Стало ясно, что разработанная В.Ф.Генингом еще в 1950-е гг. и дополненная в 1960-70-е гг. концепция культурно-хронологичес-

кого развития территории Удмуртии не отражает всех исторических реальностей, но и нуждается в дальнейшем развитии. Необходимость широкомасштабных исследований в регионе - действительно важная исследовательская задача как основа для создания археологической карты и новой схемы культурно-хронологического развития региона.

Работы, последовавшие за первым открытием памятников каменного века, подтвердили необходимость проведения как широких разведочных, так и стационарных исследований. За три первых года работы КВАЭ было вновь открыто 448 памятников, к 1980 г. - 606, к 1985 г. - еще 230 памятников. Особое место среди них занимало выявление новых районов обитания населения в каменном веке - на р.Нылге, притоке Кильмези, в вернем течении р.Валы, на левобережье Кильмези, а так же на р.Пижме - левом притоке р.Вятки. Разведочные работы этих лет убедили еще раз, в том, что Камско-Вятское междуречье было заселено во все исторические эпохи (Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1986, с.56).

Все это требовало более детальной *разработки программы*, обсуждения и решения исследовательских задач. Программа зримо предстала перед ее разработчиками в виде системы конкретных задач, нуждающихся в методах решения. Эти задачи являлись ее фрагментами. Особую роль в этом сыграла разработка методологии исследования. Если полевая методика изучения археологических памятников Прикамья была в целом разработана в предшествующие годы в рамках других исследовательских программ, то важно было искать новые способы изучения самого археологического источника. В первую очередь это касалось разработки способов систематизации и обобщения массового материала, позволяющих в рамках единой программы изучать материалы разных памятников и территорий в пределах изучаемого региона. Поэтому одной из частных задач экспедиции стала «разработка на новом материале с максимальным использованием старых деталей хронологии приуральских могильников, начиная от пъяноборского времени до XV в.» (Голдина Р.Д., 1981, с.10).

Памятники эпохи камня и бронзового века изучались Т.М.Гусенцовой на основе методических приемов, усвоенных еще в Свердловске, во время учебы у В.Ф.Генинга, и дополненные во многом благодаря сотрудничеству с ленинградским исследователем д.и.н. Л.Я.Крижевской. За основу методологии исследования материалов раннего железного века и средневековья были

взяты изыскания Р.Д.Голдиной, изложенные в ее кандидатской диссертации (Голдина Р.Д., 1971).

Они предполагали разработку хронологической шкалы, первоначально раннесредневековых погребальных комплексов Верхнего Прикамья с последующей их адаптацией к материалам других регионов работы КВАЭ. В основе решения задач хронологии и периодизации лежал формально-типологический метод. При классификации материала было принято деление по следующим ступеням: категории выделялись по материалу и технике изготовления, отделы, типы и подтипы – по форме и отдельным деталям. В некоторых случаях членение на отделы производилось по технике изготовления или по способу крепления предмета. В тех случаях, когда категории немногочисленны и однообразны, классификация по группам и отделам опускалась (Голдина Р.Д., 1970, с.68).

Участие в дискуссии об общих проблемах хронологии древностей Восточной Европы на страницах журнала «Советская археология» (Голдина Р.Д., 1979, с.79-90) подтвердило обоснованность предлагаемой методологии (Лещинская Н.А., 2002, с.87).

Четкие процедурные методики (дробная типология, математическая статистика, корреляция комплексов и выявление групп встречаемых типов) были во многом пионерскими, поскольку формализованно-статистические методы в эти годы в стране стали только внедряться в археологию. Их методология и познавательные возможности применительно к изучению массового материала были еще не до конца определены. Не случайно и первые студенческие работы по археологии, как это следует из материалов СНО, также были связаны с рассмотрением вещевого комплекса целого ряда памятников на основе разрабатываемых статистических методов исследования. Такого рода поисковые работы проводились параллельно в разных научных центрах страны. Одним из них стал Ижевск. Этому во многом способствовало создание хозяйственной лаборатории для изучения разрушающихся объектов, где могли приложить свои усилия в работе над археологическими проблемами выпускники специализации «Археология».

Разработка собственной программы и стадия ее реализации практически совпадают во времени - они идут параллельно друг с другом, корректируясь за счет нового археологического материала. Исследователями было открыто и изучено большое количество археологических памятников. Широкие разведочные работы (более 200 маршрутов) дали возможность обследовать

свыше 3000 памятников, из которых 80% выявлено вновь. Результаты разведок послужили хорошей основой для стационарных раскопок, которые были проведены более чем на 200 разновременных объектах (Голдина Р.Д., 1998, с.45; Голдина Р.Д., 2002а, с.8).

С конца 1970-х гг. можно зафиксировать переход на *стадию обеспечения социально-значимого результата деятельности*. Полевые исследования, камеральная работа и публикация материалов идут с этого времени параллельно. В эти годы ежегодно публиковалось в среднем по 10 работ, причем среди их авторов публикаций были и студенты. (Для сравнения: за десятилетие 1980-х гг. - в среднем число ежегодных публикаций увеличивается более чем в 2 раза - примерно 24 работы в год, за первое пятилетие 1990-х гг. - примерно 25 работ в год (Мельникова О.М., Оконникова Т.И., 1995), за 1995-2002 – свыше 30 работ ежегодно (Лещинская Н.А., Широбокова Н.Ф., 2003)).

Научная значимость этих исследований достаточно велика и общепризнанна научным сообществом. Социальное признание нашло поддержку в том числе и в присуждении Р.Д.Голдиной Государственной премии Удмуртской Республики за монографию «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999).

Важную роль в поддержке формирующейся научной школы на всех этапах ее становления и развития оказывал ректорат Удмуртского университета. Управление образованием и наукой своевременно отвечало на потребности развивающейся научной школы: это выразилось в своевременной поддержке и материальном обеспечении признанных научным сообществом перспективных разработок в сфере археологии и во многом катализировало процесс перехода археологов к собственной исследовательской программе (Архив УдГУ, ф.1550. Протокол № 11 заседания Ученого Совета Удмуртского университета от 25 декабря 1990 г., с.125).

Таким образом, гибкая организационная структура научной школы совпадает с эволюцией исследовательской программы и на каждом этапе создает благоприятные условия для решения познавательных задач.

4.2. Содержательные и методологические характеристики исследовательской программы

Благодаря реализации исследовательской программы специалистами УдГУ был уточнен ряд моментов, связанных с выделением, определением территориальных рамок, стадий развития и

локальных вариантов археологических культур, соотносимых с этническими группами пермской общности на разных этапах ее развития.

Удалось обобщить материалы эпохи камня, показать своеобразие Камско-Вятского междуречья в эту эпоху, разработать их периодизацию, определить место в системе приуральских культур. Выявлены и изучены памятники эпохи энеолита и бронзы, обозначен их довольно сложный состав, выявлены ведущие компоненты генезиса последующей ананьинской общности (Голдина Р.Д., 2002а, с.10). Подробно исследовались памятники эпохи раннего железного века, великого переселения народов, раннего и позднего средневековья. Были разработаны новые системы хронологии и общие принципы классификации некоторых категорий археологического материала (например, Голдина Р.Д., 1979, с.40-72; Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983, с.39-61; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990). Впоследствии они были дополнены исследованиями отдельных категорий материальной культуры на широком хронологическом и территориальном фоне: вооружения (Волков С.Р., 1995), бус (Голдина Е.В., 1998), жилища (Черных Е.М., 1992), керамики (Казанцева О.А., 1996; Салангин Д.А., 1999), железных изделий (Перевошиков С.Е., 2000). Аналогичным образом были проведены исследования для памятников Южной Удмуртии (Ютина Т.К., 1994), памятников бассейна р.Вятки (Лещинская Н.А., 1995), верхнекамских материалов (Кананин В.А., 1985), бассейна р.Сылвы (Пастушенко И.Ю., 1995), удмуртских и марийских могильников в бассейне Камы и Вятки (Шапран И.Г., 1995), древнерусских памятников (Макаров Л.Д., 1985).

Первоначальная идея изучения археологических памятников всех эпох на территории Камско-Вятского междуречья оказалась весьма перспективной. Только при таком широком территориальном и хронологическом охвате памятников оказалось возможным получить значимый научный результат. Им стала разработанная к середине 1980-х гг. и дополненная позднее коллективом археологов целостная концепция этнической истории населения Прикамья в эпоху раннего железного века и раннего средневековья (Голдина Р.Д., 1987, с.6-36), получившая логическую взаимосвязь с разрабатываемыми вопросами эпохи камня и бронзы, а также с эпохой позднего средневековья.

Содержание этой работы было принципиально отличным от этногенетических представлений, нашедших воплощение в исследованиях В.Ф.Генинга. Ее целостное видение впервые было изло-

жено Р.Д.Голдиной на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1986 г. (Голдина Р.Д., 1989, с.24-26) и позднее опубликовано в статье «Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа» (Голдина Р.Д., 1987, с.6-36).

Автор, основываясь на многочисленных археологических источниках, полученных КВАЭ, обращала внимание на то, что «в этнической истории удмуртского народа можно выделить несколько локальных вариантов, каждый из которых имел свою историческую судьбу, свои особенности этногенеза. Общим для всех территорий является одна основа – пьяноборская этническая общность. Далеко не во всех районах удмуртское население сохранилось до настоящего времени, исторические судьбы разных групп оказались неодинаковы. Наиболее архаичной представляется южноудмуртская группа, занимающая южную часть Камско-Вятского междуречья. Возможно, столь же древней была и группа вотско-сивинских удмуртов, изученная археологически пока недостаточно. Праудмуртская группа, обитавшая в низовьях р.Белой, была ассимилирована на рубеже I и II тыс. н.э. древними уграми и башкирами. Рано консолидировавшейся группой являются арские удмурты. Они располагались на юго-западной периферии некогда крупного этнического массива древнеудмуртских племен, занимающего Вятско-Ветлужское междуречье, бассейн средней и нижней Вятки. В конце I–начале II тыс. н.э. этот этнический массив испытывает сильнейшее давление со стороны марийских и болгарских групп, постепенно отступает из междуреченских районов и сосредотачивается на Нижней и Средней Вятке, переходя и на ее левобережье. На Средней и Вятке и в низовьях Чепцы располагался следующий исконно удмуртский регион, занятый племенным объединением Ватка. В результате контактов с довольно многочисленным на Средней Вятке русским населением удмурты племени Ватка стали переселяться в среднее и верхнее течение р.Чепцы, где (преимущественно на левобережье) в это время жили удмурты племени Калмез и потомки пермского населения, появившегося здесь в полемское время. Среднее и верхнее течение р.Чепцы - район, заселенный удмуртами позднее, где ассимилятивные процессы шли активно сравнительно еще в недавнее время. Этническая консолидация удмуртов началась в XVI-XVII вв. в рамках Русского государства» (Голдина Р.Д., 1987, с.32).

Эти выводы базировались на выделении новых археологических культур и критике ряда АК, предложенных в свое время В.Ф.Генингом. Для V-IX вв. на территории южной Удмуртии была выде-

лена верхнеутчанская АК. Памятники V-IX вв. бассейнов нижней и средней Вятки, Пижмы, низовьев р.Чепцы, Кильмези, возможно, левобережной Ветлуги были выделены в еманаевскую АК (Голдина Р.Д., 1987, с.21-22). В X-XV вв. на ее основе сложилась кочергинская АК, а на юге на основе верхнеутчанской – чумойтлинская АК (Голдина Р.Д., 1987, с.29-30).

Позднее в продолжение этих изысканий для III в. до н.э.-V в. н.э. было обосновано выделение на Вятке особой худяковской культуры (Лещинская Н.А., 1995).

В работе Р.Д.Голдиной подверглись критике положения В.Ф.Генинга о запустении территории Средней Вятки и Пижмы в пьятиборское время. Указывалось, что материалы свидетельствуют об обитании здесь населения, сложившегося на местной ананьинской основе. Обоснована ошибочность его воззрений о смещении в III в. н.э. значительной части населения из Удмуртского Прикамья в бассейн р.Вятки и оформлении здесь на этой основе азелинской культуры (Голдина Р.Д., 1987, с.130).

Намеченные контуры культурно-исторического и этногенетического процессов в Камско-Вятском междуречье уточнялись, детализировались в целой серии публикаций и диссертационных исследований учеников Р.Д.Голдиной на протяжении конца 80-начала 90-гг. XX в.

Персональный вклад исследователей в реализацию исследовательской программы и процесс приращения знаний об археологии Приуральского региона достаточно четко обозначен в признании научным сообществом результатов их изысканий и им присвоении ученых степеней. Монографически он отражен в диссертациях и представлен в многочисленных публикациях.

Так, в исследованиях Т.М.Гусенцовой впервые выполнены обобщения работ КВАЭ по эпохе камня и бронзы (Гусенцова Т.М., 1993). Первым опытом монографического исследования истории Вятского края в эпоху развитого и позднего средневековья, основанном на комплексном изучении материалов археологии, письменных источников, фольклора, лингвистики, топонимики, этнографии стали работы Л.Д.Макарова (Макаров Л.Д., 1985; 2001). В.А.Кананиным введен в научный оборот обширный комплекс верхнекамских археологических материалов КВАЭ, позволившим реконструировать средневековую историю населения верховьев Камы и внести вклад в разработку вопросов этногенеза народов Прикамья (Кананин В.А., 1985; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989).

Н.А.Лещинской удалось впервые обобщить археологические материалы I-начала II тыс. н.э. в Вятском бассейне, создать единую хронологическую шкалу древностей, выявить стадии в развитии археологического материала, проследить динамику формирования погребальной обрядности и поселенческого материала, обосновать тезис о формировании в бассейне р.Вятки западных групп древнеудмуртского этноса (Лещинская Н.А., 1995; 2000; 2000а).

В исследованиях Т.К.Ютиной археологических памятников Южной Удмуртии VI – XIV вв. систематизированы ранее почти неизученные памятники этой территории, разработана классификация бронзовых украшений и керамического комплекса, показана динамика развития населения пермской группы, проживавшего в крае (Ютина Т.К., 1994; 1998; 2002).

В работах И.Ю.Пастушенко впервые систематизированы археологические материалы бассейна р.Сылвы, датируемые первой половиной II тыс. н.э. Использование наряду с археологическими сведениями письменных источников позволило решить ряд проблем этноисторического и этнокультурного плана, рассмотреть динамику процессов, происходивших в регионе (Пастушенко И.Ю., 1995; 2000; 2002).

И.Г.Шапран исследованы материалы удмуртских и марийских могильников в бассейнах Камы и Вятки. Целостный анализ погребальных комплексов марийцев и удмуртов в сравнительном аспекте позволил детально представить этногенетические процессы в контактном регионе (Вятском бассейне) (Шапран И.Г., 1995; 2000; 2002).

Значительный круг исследований обеспечил приращение знаний о древней истории населения Приуралья через исследование отдельных категорий археологического материала. Так, Е.М.Черных в качестве объекта исследования впервые рассматривалось жилище племен Прикамья в I тыс. до н.э.- первой половины II тыс. н.э. На основе системного подхода и программы нормативного описания объектов решены вопросы об эволюции финно-угорского домостроения, уточнены аспекты этнической истории региона (Черных Е.М., 1992).

Первым опытом изучения вооружения населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. как единого комплекса стали исследования С.Р.Волкова. Автором на основе статистической методологии удалось выявить многие характеристики военного дела в регионе: подробно рассмотреть динамику формирования

комплекса вооружений, общие направления развития вооружения, определить общие направления развития вооружения и территориально-хронологические особенности отдельных комплексов. Важным моментом в исследованиях стало выделение факторов, влияющих на формирование комплексов вооружения: природная среда, экономико-географическое положение, политическая обстановка в регионе (Волков С.Р., 1995; 1998).

Впервые такая категория как бусы Верхнего Прикамья IV-IX вв. были подробно проанализированы в исследованиях Е.В.Голдиной. Морфо-технологический анализ позволил выявить характерные черты этой категории археологического материала, их эволюцию во времени, разработать хронологию бус, обозначить истоки происхождения отдельных типов бус, особенности их поступления в Прикамье, обозначить роль в системе торговли средневекового населения Прикамья (Голдина Е.В., 1998; 2002).

Исследованиям керамики посвящены работы О.А.Казанцевой. Изучая гончарную технологию населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. по данным некрополей, исследовательница смогла рассмотреть керамику на основе технико-технологического анализа как исторический источник. Эти результаты имеют важное значение для выяснения вопросов историко-культурных процессов в Прикамском регионе (Казанцева О.А., 1996; 2000; 2002; 2002а).

Впервые круговая неполированная посуда Вятского края XII-XVIII вв. по археологическим источникам рассматривалась Д.А.Салангиным. Автору удалось построить хронологическую и эволюционную шкалу глиняных круговых сосудов Вятского края, выявить этническую специфику в керамическом производстве различных этносов, что существенно дополнило информацию письменных источников (Салангин Д.А., 1999; 2001; 2002).

Специфической категории археологического материала – копоушкам - как историческому источнику посвящены исследования СВ.Салангиной. Ею выполнен обобщающий анализ копоушек Восточной Европы VIII в. до н.э.- XV в. н.э. Рассмотрены особенности бытования изделий в различных культурно-исторических областях региона, их место в погребальном обряде, создана этнокультурная классификация копоушек, реконструированы особенности, пути и механизмы распространения в Восточной Европе в течение широкого хронологического периода (Салангина С.В., 2002; 2004).

Технологические аспекты изучения железодельного производства населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья исследуются С.Е.Перевощиковым. Ему удалось выя-

вить эволюцию и уровень развития железообрабатывающего производства у населения региона, проследить истоки местной металлургии железа, дать обобщенную историко-технологическую характеристику в Прикамье (Перевошиков С.Е., 2000; 2002).

Если подобные исследования в значительной мере предполагали введение в научный оборот обширного археологического материала, полученного КВАЭ и его археолого-исторического осмысление, что естественно развивало первоначальную исследовательскую программу Р.Д.Голдиной, то постепенно ряд исследований стал вносить новые идеи и расставлять иные акценты в принятом коллективном научном подходе в изучении источника.

Так Г.Н.Журавлевой была предпринята удачная попытка палеодемографического моделирования применительно к пьяноборской эпохе. Создание оригинальной методики на основе изучения письменных источников позволило разработать модель реконструкции половозрастного и численного состава реальных общественных структур древности и продемонстрировать ее применение к погребальным памятникам раннего железного века (Журавлева Г.Н., 1995; 2000; 2002; 2002а; 2002б).

С.П.Ковтун предпринята первая попытка реконструкции общественной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. по материалам могильников неволинской культуры. На основе формализованно-статистической методологии и моделирования социальных процессов исследовательнице удалось выявить несколько социальных групп древнего населения, выяснить степень их различия, определить уровень ее поляризации, удельный вес в структуре общества, эволюцию, способы «кодирования» социальных признаков в вещевом материале могильников (Ковтун С.П., 1998; 2000).

Решение проблем исторических реконструкций на археологических материалах Прикамья логически обусловило обращение не только к методологическим подходам в их изучении, но и стимулировало естественный интерес к археологической историографии. Это нашло удачное отражение в работах Т.И.Оконниковой (1999; 2000; 2002). Исследовательницей разработана концепция «научной традиции» применительно к формированию исследовательских традиций в археологии Прикамья. Ею выявлены и подробно изучены внутринаучные и социальные факторы развития археологии в Прикамье в XIX – первой половине XX вв.

Наконец весьма показательным моментом в творческом развитии научного коллектива стала рефлексия по поводу его места в

структуре научного археологического сообщества. Это произошло в переломный для отечественной археологии период 90-х гг. XX в., когда возникла острая необходимость в осмыслении путей в дальнейшем развитии российской науки. Объектом историко-научного исследования О.М.Мельниковой стало археологическое научное сообщество. Был выявлен значимый элемент в социальной истории науки – феномен научной школы. Монографически исследовались проблемы междисциплинарной методологии их изучения. Реализация методологии синтеза историографического и науковедческого подходов была осуществлена в процессе изучения пермской научной археологической школы О.Н.Бадера (2003а) и свердловской археологической школы В.Ф.Генинга (2003б). Изучение эволюции организационных структур исследовательского коллектива археологов УдГУ, генезиса научных идей, лежащих в основе его деятельности, позволило в ряде статей и диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «Научные школы в археологии» дать его обстоятельный анализ (Мельникова О.М., 2003в)

Все эти процессы стали индикатором распада «незримого колледжа», возникшего на основе научной школы В.Ф.Генинга: научные силы созрели для выдвижения и решения собственной исследовательской программы.

Распад «незримого колледжа» имел объективную основу во внутреннем динамизме самой исследовательской программы. Некоторые ее задачи были решены, другие необходимо было корректировать в силу накопления новых археологических источников. Однако это последнее оказалось неосуществимо в силу второго обстоятельства. В это время В.Ф.Генинг работал в Киеве над решением теоретических и методологических проблем в археологии (Ковалева В.Т., 1990, с.55). Для его «уральской» (свердловской) исследовательской программы это явилось большим ударом, так как не оказалось яркого лидера, способного, подобно В.Ф.Генингу, одновременно выполнять исследовательские, организаторские, педагогические функции. Наконец, третье обстоятельство связано с социальными условиями, возникшими в обществе с середины 80-х гг. XX в. Известные исторические процессы привели к бурному росту национального самосознания. В обществе возникла заинтересованность в реализации такой исследовательской программы, которая бы решала вопросы, связанные с ранней, в особенности, этнической, историей населения Прикамья и сопредельных и исторически взаимосвязанных с ним территорий.

Новые условия совпали с объективной возможностью реализации такой исследовательской программы, поскольку к середине 1980-х гг. научный потенциал археологов Удмуртского университета значительно вырос. Ученики Р.Д.Голдиной, будучи студентами, успешно освоили исследовательскую программу В.Ф.Генинга, прошли стажировку в крупнейших центрах археологии, обучение в аспирантуре в известных археологических коллективах. Приобщение к иным исследовательским программам, участие в их разработках, освоение зарубежного опыта дало весьма ценные познавательные результаты. Защитой кандидатских диссертаций учениками Р.Д.Голдиной был подтвержден высокий квалификационный статус исследователей. С другой - создалась такая познавательная ситуация, при которой коллектив археологов оказался в состоянии самостоятельно осмысливать негативную и позитивную стороны исследовательской программы В.Ф.Генинга.

Наиболее доказательный аргумент в пользу этого тезиса - докторская диссертация Р.Д.Голдиной «Верхнее Прикамье во II половине I тыс. н.э.» (Голдина Р.Д., 1988). В ней неоднократно приводится оценка исследовательской программы В.Ф.Генинга и ее аппарата с точки зрения адекватности современному состоянию изученности данной проблемы. Неудивительно поэтому стремление специалистов к поискам новых подходов к источнику путем синтеза исследовательских процедур, усвоенных в других научных центрах, внедрение компьютерной обработки (что особенно важно в условиях массового археологического материала), а также посредством ознакомления и попыток адаптировать к местному источнику исследовательские подходы, выработанные за рубежом (Голдина Р.Д., 1999).

Осознание свердловской программы В.Ф.Генинга, уточнение многих ее сюжетов в результате широкомасштабных раскопок, появление иных гипотетических концепций ранней истории населения Приуралья обусловили интерес ряда специалистов УдГУ к теоретическим и методологическим разработкам.

Разработанная концепция получила достойную оценку среди коллег. «Изложение этнокультурной истории Прикамья подкупает тем, что она (история) рассматривается не изолированно, а как часть глобальных общеевразийских процессов, основным содержанием которых явились различные по масштабам, исходным территориям и последствиям миграции. Следует отметить выдержанность этноисторических построений» (Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., 2002, с.164-165). «Благодаря многолетнему труду Р.Д.Гол-

диной и учеников из ее археологической школы, получена основная схема-канва формирования и развития удмуртского этноса, начиная от ананьина и более древних эпох, вплоть до современности. На эти новейшие данные опираются ныне не только археологи, но и языковеды, этнографы, фольклористы, антропологи, историки» (Атаманов М.Г., 2002, с.154)

Реализация таких значимых содержательных задач требовала адекватных организационных форм деятельности научного коллектива и развития научно-методической базы для подготовки кадров высококвалифицированных специалистов. В организационном смысле она выразилась в создании бюджетной проблемной лаборатории в 1989 г. и кафедры археологии и истории первобытного общества в 1991 г. Именно лаборатория стала тем коллективом, где формировалось отношение к иным исследовательским программам и подготовлена почва для оригинальных изысканий. Она стала центром консолидации археологической науки в УдГУ. Лаборатория истории и культуры финно-угорских народов Приуралья, а затем и Институт истории и культуры народов Приуралья способствовали складыванию междисциплинарного подхода к решению проблем ранней истории путем привлечения к исследованиям специалистов разного профиля, что привело к продуктивному использованию научного потенциала университета для решения задач исследовательской программы в сфере археологии.

Создание лаборатории, Института и кафедры археологии можно охарактеризовать как консолидацию и централизацию управляющего механизма - одного из важнейших признаков существования научной школы. Внешним проявлением этих процессов стали, во-первых, организационное объединение ведущих специалистов-археологов - преподавателей кафедры и связанное с ним повышение возможностей профессионального общения. Во-вторых, были созданы наиболее благоприятные условия для реализации основных задач, стоящих перед научной школой через координацию деятельности подразделений научной школы - познавательной, связанной с разработкой исследовательской программы представителями кафедры и их коллегами из Института истории и культуры народов Приуралья; подготовкой молодых исследователей - через организацию соответствующей системы обучения. В процессе подготовки высококвалифицированных кадров стали активно использоваться возможности классического университета – создание специализации по археологии, аспирантуры, докторантуры, Диссертационного Совета. Новые организационные формы спо-

способствовали консолидации археологов УдГУ, открывали возможность создания творческих групп, занятых детальной проработкой тех или иных частей исследовательской программы, повышали возможности коммуникации с представителями других наук в масштабах университета. Научная школа сформировалась во всех ее проявлениях: научно-исследовательском, организационном, педагогическом.

Причем, что очень важно, с решением проблем культурно-хронологического развития Камско-Вятского региона и формулировкой концепции этногенетического развития на протяжении 1990-х гг. и до сегодняшнего дня происходит корректировка и актуализация содержания программы, как под воздействием новых археологических источников, так и потребностей развития научного знания и современного общества. Этому способствуют и возможности междисциплинарного исследования, создаваемые классическим университетом.

Построенная система этногенетических процессов в регионе позволяла ставить новые исследовательские задачи. Они во многом были стимулированы социальным заказом: политическая ситуация в России в постперестроечное время выявила немало межнациональных проблем в общественном развитии, которые нуждались в решении, в том числе и на базе археологических материалов. Это в первую очередь касалось вопросов этногенеза народов России и истории их взаимодействия на протяжении достаточно длительного времени. В начале 1990-х годов не без влияния цивилизационного подхода появились концептуально-методологические разработки относительно механизмов взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья (например, Голдина Р.Д., 1993; 1994; 1995; 1995а; Макаров Л.Д., 1993; Мельникова О.М., 1993а; Пастушенко И.Ю., 1993 и др.)

Отвечая на эти общественные потребности, этногенетическая тематика научной школы дополнилась изучением проблемы взаимодействия народов Приуралья в древности и средневековье. Впоследствии была сформулирована и проблема толерантности в обществах, исследуемых по археологическим источникам (Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья, 2002). Актуальность этой тематики для археологического сообщества подтверждена получением в течение ряда лет исследовательских гранатов, грантов на проведение международных конференций, грантов на публикацию, выделяемых РГНФ. Коллектив археологов УдГУ в российской

археологии стал одним из координаторов в решении проблем взаимодействия народов в древности и средневековье.

Руководствуясь анализом содержания и стадий в развитии исследовательской программы научного коллектива, к началу 1990-х годов в Удмуртском университете можно зафиксировать такой тип научного объединения как научная школа. Она оформляется на основании собственно исследовательской программы, которая формулируется в ходе деятельности научного коллектива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование и функционирование научных школ в археологии - уникальный и сложный процесс. Он предполагает системное сочетание усилий ученых в различных направлениях деятельности - познавательной, образовательной, организационной, педагогической. Подобное соединение в археологии наиболее эффективно в рамках таких научно-исследовательских, учебных заведений, которые связаны с подготовкой молодого поколения исследователей. Опыт отечественной археологии показывает, что это - академические институты, имеющие свою аспирантуру, а в большей мере - университеты. Музейные учреждения практически не имеют опыта создания научных школ. Только участие ученых - лидеров потенциальных научных школ - в образовательном процессе в вузе или в послевузовской подготовке через институт аспирантуры создает базу для складывания научной школы.

История археологического коллектива УдГУ позволяет констатировать организационные формы, которые можно считать закономерностями в формировании научных археологических школ в университетах страны. Они подтверждаются исследованиями научных школ О.Н.Бадера в Пермском университете (Мельникова О.М., 2003а) и В.Ф.Генинга в Уральском университете (Мельникова О.М., 2003б). Это организация специализации по археологии, создание кабинета археологии, студенческого научного кружка. Однако самым важным организационным элементом является создание археологической экспедиции, которая вмещает в себя возможности реализации исследовательских задач, подготовку кадров молодых археологов, наиболее эффективные формы организации научной деятельности. Позднее, с ростом квалификации исследователей к этим организационным формам добавляется аспирантура и докторантура. В целом ряде случаев организационное развитие научных школ происходит путем создания новых структурных единиц в составе классического университета: научных лабораторий, исследовательских институтов.

Практически все эти элементы научной организации характеризуют деятельность археологической школы УдГУ. Клуб «Археология Урала», кабинет археологии, создание КВАЭ, аспирантура и докторантура по археологии позволили за короткий промежуток времени создать полноценные научные коллективы, способные решать сложные исследовательские задачи на обширных пространствах Приуралья. Высокий квалификационный уровень специалистов дал возможность создать в структуре классического университета уникальное образование – Институт истории и культуры народов Приуралья, - позволившее уже на высокопрофессиональном уровне исследовать древнюю историю региона.

Важным элементом, фиксирующим институционализацию научной школы, является проведение коллективом крупных региональных научных конференций. На них, как правило, складывающаяся научная школа выступает со своей исследовательской программой, излагает пути и методы ее достижения, обращает внимание научного сообщества на круг назревших научных проблем. Такие конференции консолидируют значительный круг специалистов, не обязательно работающих в одном научном учреждении. В Ижевске подобную роль сыграла УПАСК, а затем и VII Уральское археологическое совещание 1980 г.

В силу этих причин в археологии возможно выделение научных школ по региональному признаку, как правило, связанному с конкретным университетом. Безусловно, такой оценки заслуживает археологическая школа в УдГУ. Очевидно, что более пристальное изучение исследовательских коллективов в археологии позволит выявить еще значительный пласт региональных научных школ, в основе выделения которых лежит специфика исторического развития того или иного университета, а также исторический опыт археологического изучения конкретного региона.

Отечественные университеты возникали в разных исторических обстоятельствах. Местные условия наложили свой отпечаток на развитие археологии в университетах: они определили тематику и направление археологического изучения региона, подготовили организационные формы деятельности. Это создало те исторические предпосылки, на основе которых стали формироваться региональные научные школы.

Однако интеллектуальные истоки научных школ не всегда берут начало в местных университетах. Основой их возникновения стали исследовательские программы, усвоенные будущими лидерами научных школ в других научных учреждениях страны. В

Ижевске произошло дальнейшее развитие программы В.Ф.Генинга его ученицей Р.Д.Голдиной, сумевшей своими исследовательскими идеями ответить на новые научные и общественные потребности 90-х гг. XX в. Поэтому можно констатировать возможность существования генетически преемственных университетских научных школ.

Проведенные исследования, связанные с анализом деятельности научных коллективов в уральской археологии, позволили выявить их прочные генетические связи с предшествующими научными объединениями типа научных школ (Мельникова О.М., 1993; 1994; 1995; 1995а; 1996; 1996а; 1998; 2000; 2002). Эта преемственность позволяет говорить о существовании на протяжении более чем пятидесяти лет уральской археологической школы. Бесспорно, можно констатировать линию этой преемственности в научной традиции - научная школа археологов О.Н.Бадера в ПГУ (1946-1955 гг.), научная школа В.Ф.Генинга в УрГУ (1961-1974 гг.), современные научные школы в Урало-Поволжских университетах, начавшие складываться с начала 70-х гг. XX в. Причем, эта преемственность наблюдается в жизнедеятельности археологических школ, проявляясь в научной, организационной, педагогической сферах.

Существуя первоначально в рамках «незримого колледжа», новый коллектив во главе с лидером не только продолжает линию преемственности в развитии археологических знаний, но и в условиях осознания новой научной проблемы, в состоянии выдвинуть собственную исследовательскую программу и решать ее. Зачастую предшествующая программа присутствует в программе новой школы в «снятом виде».

Своеобразие научных школ в археологии определяется содержанием исследовательской программы, выдвигаемой лидером научного коллектива и разрабатываемой им совместно с учениками. Это, пожалуй, наиболее сложный аспект в изучении научной школы. Если образовательный элемент их деятельности очевиден, документально подкреплён множеством источников, а организационные формы деятельности научной школы также легко атрибутировать, то выделение и анализ исследовательской программы требует достаточно больших усилий, поскольку последние, как правило, не являются фиксированным документом.

Сохраняя общее интеллектуальное лидерство в создании программы, лидер коллектива стремится осуществить своеобразное «разделение труда» в процессе ее реализации: тематически раз-

личные части программы разрабатываются членами научной школы. Сам лидер коллектива также разрабатывает собственную часть исследовательской программы. При этом личный исследовательский интерес оказывался включенным в общую исследовательскую программу, но ученики непосредственно этими проблемами, как правило, не занимаются.

Особую сложность представляет определение своеобразия исследовательских программ при изучении научных школ в советской археологии. Мировоззренческие установки советской эпохи предполагали наличие некоего теоретического и методологического единomyслия в исторической науке. При общности исследовательских задач в изучении археологических материалов, раскопках новых объектов, публикации материалов с последующим созданием общей культурно-хронологической классификации источников всех эпох сложно предположить возможность существования различных подходов в их реализации.

Действительно, исследования многих университетских археологических экспедиций были связаны с широкомасштабными разведками и раскопками, публикацией материалов и созданием культурно-хронологической периодизации регионов деятельности этих коллективов. В чем принципиальное отличие выдвигаемых научными школами исследовательских программ?

Первое, что определяет своеобразие научных школ в археологии, связано с уровнем продуцируемого научной школой нового знания (выдвижение новой проблемы; создание новой гипотезы, теории; открытие законов и правил, открытие новых явлений; создание новых методов исследования; накопление фактического материала). Возможность различных позиций в изучении археологического материала, даже одного и того же источника, заложена в многообразии и неисчерпаемости свойств каждого явления. В силу этого плюрализм в познании становится неизбежным. Особенно это касается конкретно-исторического аспекта изучения жизнедеятельности прошлых обществ. При этом научная ценность каждого варианта интерпретации археологического источника определяется не столько исходя из его соотношения с другими, сколько – и, прежде всего, – предметом исследования. В основе плюрализма может быть то, что в качестве предмета исследования избираются разные стороны одного и того же явления и процесса или же явление исследуется с разных методологических позиций. Поэтому конкурирующие интерпретации характеризуются взаимодополняемостью, проистекающую из того, что данные

интерпретации опирались на разные свойства исторических явлений, нашедших свое отражение в вещном мире.

Вот почему в археологии возможен плюрализм в интерпретации археологических объектов, в создании методов археологического исследования. Он вполне дополняется тем, что каждая научная школа складывается в процессе широкомасштабных полевых исследований, что позволяет вводить в научный оборот новый фактический материал, дающий возможность приблизиться к отображению инвариантности истории, исследуемой на основе ископаемых источников.

В этом смысле полевые исследования ижевских археологов привели к введению в научный оборот значительного археологического материала, и позволили создать самостоятельную схему культурно-исторического процесса с эпохи камня до позднего средневековья. Это был собственный, совершенно новый взгляд на последовательность в развитии древних и средневековых обществ, в основе которого лежал новый археологический материал.

Другое дело, что, чем ближе научная мысль подбиралась к вопросам материалистической теории, затрагивавшими напрямую или весьма непосредственно область идеологии, а также положение и роль этой теории в отечественном обществоведении, тем больше сужалась сфера плюрализма. В большинстве случаев для первобытной эпохи теоретические интерпретации базировались на марксистских идеях родовой теории Морган-Энгельса. Поэтому и в монографических исследованиях отдельных археологических культур, и в целой системе характеристик исторического процесса интерпретации основывались на синхронизации археологической периодизации с исторической периодизацией развития родовых отношений. Справедливо срабатывала тенденция развития советской археологии, в которой отразились черты исторической науки в целом: любая попытка обобщения и выхода за элементарный эмпирический материк исторической науки вызывала испуг и неадекватную организационную реакцию (Наумова Г.Р., 2002, с. 15). Поэтому неслучайно исторические разделы археологических публикаций долгие годы были достаточно похожи друг на друга по своему содержанию и во многом напоминают конспект работы Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Но и в этой сфере археологами УдГУ был сделан своеобразный прорыв, подкрепленный разработкой новых подходов к хронологии древностей, в первую очередь, связанных с изучением мас-

сового материала, основанного на возможностях формализованно-статистических методов, и созданной на их основе концепции этногенеза восточно-финских народов Приуралья.

Разрабатываемая и совершенствующаяся исследовательская программа анализируемых научных школ находила свое выражение в конкретных исследованиях их членов. Экспансия взглядов научной школы была достаточно динамичной. Особенно показательна она была на УПАСКах и ВАСКах, когда становящаяся научная школа активно продуцировала новое знание и стремилась к расширению своих сторонников. В течение достаточно короткого времени УдГУ приобрел черты интеллектуального лидерства не только в региональной археологии, но, благодаря продуктивности исследовательской программы, и страны в целом.

Наличие инвариантов характеристики научных объединений позволяет считать рубеж 1980-1990-х гг. временем складывания самостоятельной научной школы археологов в УдГУ. Эти инварианты таковы: формирование самостоятельной этногенетической исследовательской программы под руководством лидера - профессора Р.Д.Голдиной; наличие коллектива высококвалифицированных исследователей, разделяющих и разрабатывающих вместе с лидером исследовательскую программу; подготовка молодого поколения археологов; социальная заинтересованность в решении предложенной исследовательской программы, создание особого типа взаимоотношений в научном коллективе, основанном на коллективизме.

Оценивая тип выявленной научной школы, следуя науковедческой типологии, его можно отнести к конкурирующей научной школе. Она является локальным сообществом ученых, разрабатывающих исследовательскую программу, хотя неэквивалентную и близкую по времени выдвижения программе «авангардной» школы (Родный Н.И., 1975, с.238-242). В процессе археологического изучения Прикамья был открыт целый ряд новых явлений, ставших основой для создания новой гипотезы этногенетического развития Приуралья в древности и средневековье. Сформулированы понятия о новых археологических культурах (чумойтлинской, худяковской, еманаевской, кочергинской, верхнеутчанской). В процессе решения исследовательских задач были усовершенствованы существующие методы исследования (создание систем хронологии и периодизации археологического материала, формализованно-статистические методы, естественно-научные методы). Наконец, в рамках такой научной школы происходит постоянный

процесс накопления фактического материала. Выявление и анализ этих событий в науке в контексте развития научных школ показывает, что они обладают убедительными преимуществами в решении проблем, нежели эквивалентные концептуальные события, продуцированные членами авангардной школы (свердловской школы В.Ф.Генинга).

Следуя типологии научных школ, предлагаемой в историографии исторической науки, можно констатировать, что археологическая школа УдГУ относится к типу смешанных (образовательных и исследовательских) школ. Для них характерно сочетание приобщения студентов к исследовательской традиции УдГУ путем неформального общения с преподавателем, выработки стиля научного мышления на основе обучения методологии и методики исследовательской работы, развития интереса к определенной проблеме и координация творческих усилий по реализации общей программы работ.

Сегодня достаточно четко выделяются перспективные направления будущего развития научной школы. Самостоятельный облик приобретают историографические и историко-научные исследования по археологии Урала и России (Мельникова О.М., 2003а, 2003б; Оконникова Т.И., 1999; 2000; Крылов Е.В., 2002), решение теоретических и методологических проблем современной археологии (Ковтун С.П., 1998; Мельникова О.М., 2003б), применение методов естественных наук при исследовании археологических памятников (Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В., 2001; 2002), исследование палеоэкономики (Ютина Т.К., 2000; 2002), палеодемографии (Журавлева Г.Н., 1995; 2002; 2002а; 2002б), формируется этноархеологическое направление исследований (Шапран И.Г., Макаров Л.Д., Салангин Д.А.), разрабатываются технологические аспекты различных категорий археологического материала (Казанцева О.А., 1996; 2002; Перевошиков С.Е., 2002), в особый аспект выделяется исследование костюма как в семантическом (Липина Л.И., 1999; 2001), так и в источниковедческом отношении (Красноперов А.А., 2005). Весьма значимым является археологическое исследование памятников недавнего прошлого (в частности, церковная археология) (Макаров Л.Д., 2001а; 2003). Как общая проблема современной исследовательской программы научной школы археологов выступает проблема взаимодействия народов в древности и изучение истоков толерантности народов Урала.

Создание научной школы не может быть непосредственным объектом планирования науки. Но с помощью планомерного фор-

мирования условий, как гносеологических, так и социальных, можно повышать вероятность того, что созревшие в процессе научной деятельности возможности формирования научных школ будут реализованы. Это важно учесть, так как научные школы, как показывает опыт, являются продуктивной формой самоорганизации творческих процессов.

В целом, сочетание науковедческого и историографического подходов в изучении научных школ оказалось весьма продуктивным, поскольку созданная логическая модель задает параметры идентификации и изучения школ в науке. Следующим шагом в развитии этого направления исследований в археологии должно стать полное выявление и изучение как уже признанных школ, так и определение статуса других, как прошлых, так и современных, коллективов в науке. Следует акцентировать внимание на изучении роли социальных факторов на плодотворное или пагубное развитие научных сообществ. Значимым элементом в таких исследованиях может стать изучение общего философского, культурного фона, в контексте которого развивается научное сообщество. Перспективность такой работы важна для определения направления наиболее плодотворных исследований в археологии. База, созданная в настоящей работе, позволяет осуществлять исследование вглубь – создавать научные биографии лидеров школ, разрабатывать конкретные методы изучения исследовательских программ археологических коллективов. Особый интерес представляет адаптация к теме исследования понятия «поколение археологов», изучение социально-психологических взаимоотношений внутри школы, разработка методологии историко-научного исследования в контексте темы «историк науки-очевидец событий». Весьма интересен аспект изучения места научных школ в локальном историческом научном сообществе отдельного города и региона. Обращение к феномену провинциальной археологии в ее историко-генетическом и структурном отношении также может быть стимулировано через исследование феномена научной школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники

Неопубликованные источники

ЦГА УР:

Ф. 349. Музей Сарапульского земства:

Оп.1. Ед.хр.3. Выписки из журнала заседаний Сарапульского уездного земского музея. Февраль 1910 – декабрь 1915 гг.

Оп.1. Ед.хр.5. Протоколы заседаний Сарапульского уездного земского музея.

Оп.1. Ед.хр.7. Годовые отчеты деятельности Сарапульского уездного музея за 1914 г.

Оп.2. Ед.хр.3. Уставы и положения географических, археологических и других русских обществ 1906- 1916 гг.

Оп.2. Ед.хр. 6. Переписка с учреждениями, музеями и гражданами о передаче в музей вещей и экспонатов (апрель 1909 –январь 1914 гг.).

Оп.2. Ед.хр.8. Указатель статей по истории, археологии, этнографии и христианству в газете «Пермские епархиальные ведомости».

Оп.2. Ед.хр.11. Переписка, сообщения по археологическим раскопкам в Прикамье в 1910- 1913 гг.

Оп.2. Ед.хр.13. Переписка с музеями, Археологической Комиссией и другими учреждениями о пополнении музея экспонатами и коллекциями и отчеты о работе музея (сентябрь 1910 - декабрь 1911 гг.).

Оп.2. Ед.хр.16. Описание археологических раскопок в Прикамье за 1913 г.

Ф. Р-1282. УГПИ:

Оп.2. Ед.хр.1. Устав УГПИ.

Оп.2. Ед.хр.11. Учебные планы и программы на 1936-1937 гг. и методические письма к ним.

Оп.2. Ед.хр.217. Учебные планы для педагогических институтов: 1954-1957 гг.

Оп.2. Ед.хр.422. Планы работ и отчеты научных студенческих кружков Удмуртского госпединститута за 1964-1965 уч.г.

Оп.2. Ед.хр.540. Отчет о научно-исследовательской работе кафедр за 1967 г.

Оп.2. Ед.хр.705. Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории за 1969-1970 уч.гг.

Оп.2. Ед.хр. 714. Отчет о работе кафедры всеобщей истории за 1969-1971 уч. гг.

Оп.2. Ед.хр.725. УГПИ. Протоколы заседаний кафедры всеобщей истории за 1970-1971 уч. гг.

Ф.551. Управление делами Совета Министров УАССР:

Оп.2. Ед.хр.1979. Распоряжения Совета Министров УАССР;

Оп.2. Ед.хр.1980. Характеристика научного персонала экспедиции;

Оп.11. Ед.хр.56. План полевых работ Удмуртской археологической экспедиции.

ЦГА УР. Ф.1345. УдНИИ при Совете Министров УАССР:

Оп.1. Ед.хр.77. Постановления Совета Министров УАССР о работе УдНИИ.

Оп.1. Ед.хр.82. Смета и штатное расписание УдНИИ на 1951 г. по бюджету и спецсредствам.

Оп.1. Ед.хр.79. Отчет о выполнении плана по сектору истории за 1955 г.

Оп.1. Ед.хр.102. Проспект «Очерков по истории Удмуртии с древнейших времен до Великой Отечественной войны». Ижевск. 1947-1948 гг.

Ф. Р-1550. Удмуртский государственный университет:

Оп.1. Ед.хр. 5. Протоколы заседаний Ученого Совета университета.

Оп.1. Ед.хр.8. Пятилетние планы работы исторического факультета на 1971-1980 гг.

Оп.1. Ед.хр.18. СНО. Отчеты за 1972-1976 гг.

Оп.1. Ед.хр.32. Пятилетний план кафедры истории СССР на 1971-1975 гг.

Оп.1. Ед.хр.103. Планы работы кафедры истории СССР на 1972-1977 гг.

Оп.1. Ед.хр.112. Отчет о работе кафедры истории СССР за 1972-1976 гг.

Оп.1. Ед.хр.136. СНО. Программы научных конференций преподавателей и студентов за 1972-1973 гг.

Оп.1. Ед.хр.149. Утвержденные учебные планы на 1973-1974 уч.гг.

Оп.1. Ед. хр.272. Отчет о НИР за 1974 гг.

Оп.1. Ед.хр.281а. Годовая подшивка газеты «Удмуртский университет» за 1974-1978 гг.

Оп.1. Ед.хр. 304. Протоколы заседаний Ученого Совета университета.

Оп.1. Ед.хр. 339. Отчет о НИР за 1976 г.

Оп.1. Ед.хр. 375. Протоколы заседания совета исторического факультета за 1976-1977 гг.

Оп.1. Ед.хр. 541. Протоколы заседаний кафедры истории СССР за 1978 гг.

Оп.1. Ед.хр.631. Протоколы заседания кафедры истории СССР за 1979 гг.

Оп.1. Ед.хр.781. Протоколы заседаний студенческой научной конференции за 1979 гг.

Оп.1. Ед.хр.1038. План и отчет о работе СНО за 1980-1981 уч.гг.

Оп.1. Ед.хр.1084. Протоколы заседания кафедры истории СССР за 1981 гг.

Ф.1107. Удмуртский республиканский краеведческий музей:

Оп.1. Ед.хр.50. Книга учета исторических и археологических памятников по Удмуртской АССР за 1952-1954 гг.

Оп.1. Ед.хр.54. Годовой отчет Республиканского краеведческого музея за 1954 г.

Оп.1. Ед.хр.56. Годовой отчет Республиканского краеведческого музея за 1955г.

Архив Института истории и культуры народов Приуралья:

Ф.1. Аннотированные отчеты о научно-исследовательской работе.

Архив кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ:

Ф.III. Курсовые и дипломные работы.

Ф.4/1. Д.49. Диссертации.

Обыденнова Г.Т., 2002. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII – конец XX в.). - Дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. – Уфа, 2002.

Архив УдГУ:

Ф. 1550. Протоколы заседания Ученого совета за 1990 г.

Опубликованные источники

Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности, 2003 // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга (1960-1974 гг.). Ижевск. 2003. С.145-182.

О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР // КПСС в резолюциях. - Т.12. - М., 1986. - С.255-261.

Литература

Александров Д.А., 1998. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук. –СПб.- С.11-18.

Алпатов, М.А. 1955. Мировоззрение М.С.Куторги и его концепция истории древней Греции // ВДИ. – №5. – С. 179–191.

Археологические экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры и Института Археологии Академии Наук СССР. 1919-1956 гг.: Указатель. 1962. – М. - 263 с.

Атаманов М.Г., 2002. Проблемы этногенеза удмуртов в трудах Р.Д.Голдиной // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 150–158.

Бадер Н.О., 2001. Бадер Отто Николаевич // Институт археологии: прошлое и настоящее. – М. – С. 44–47.

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья. – Молотов. – 115 с.

Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. (1947-1952 гг.) // УЗ МолотовГУ. Труды КАЭ. – Харьков. – Вып. 3. - Т. IX. – С. 4–88.

Белавин А.М., 2002. История изучения памятников археологии Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь. – С. 9–21.

Бердинских В.А., 1991. Вятский период жизни А. А. Спицына // Очерки истории русской и советской археологии. – М. – С. 81–101.

Бердинских В.А., 2003. Уездные историки. Русская провинциальная историография. - М. - 528 с.

Бердинских, В.А., Макаров Л.Д., 2002. Н. Г. Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 6. – С. 65–70.

Бернц В.А., 2002. К истории музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского государственного университета, созданного по археологическим материалам / Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 96–102.

Бессмертный Ю.Л., 1990. Споры о главном: (К итогам коллоквиума) // Новая и новейшая история. – № 6. – С. 123–131.

Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900-1917 гг., 2004. – СПб. – 480 с.

Вайнштейн, О.Л., 1940. Историография средних веков от начала средних веков до наших дней в связи с развитием исторической мысли. – М.; Л. – 437 с.

Валк С.Н., 1948. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии. Секция исторических наук. – Л. – С. 3–79.

Вандалковская М.Г., 2002. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка. - М. – С. 258-279.

Ванчиков В.В., 1993. Крестьяне Вятской губернии и археологические древности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. – Ижевск. – С.94-102.

Ванчиков В.В., Сенникова Л.А., 1991. Искатели древностей. Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период // По родному краю. – Киров. – С. 26–57.

Волков С.Р., 1995. Вооружение населения Верхнего Прикамья во II половине I тыс. н.э. (по материалам могильников): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Ижевск. – 26 с.

Волков С.Р., 1998. Некоторые итоги изучения вооружения Верхнего Прикамья во второй половине I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. – Екатеринбург. – Ч.1. – С.37-39.

Гасилов В.Б., 1977. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке. – М. – С. 119–153.

Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск. – 190 с.

Генинг В.Ф., 1958а. Новые материалы по истории древнеудмуртских племен // Удмуртская правда. – № 240. – С. 2.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. – Киев. – 225 с.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. – Свердловск. – Вып. 1. – С. 23–47.

Голдина Е.В., 1998. Бусы Верхнего Прикамья конца IV – IX вв. (по материалам могильников неволинской культуры): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. - Ижевск. – 21 с.

Голдина Е.В., 2002. О хронологии бус неволинской культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. – С.82-103.

Голдина Р.Д., 1970. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. – Свердловск. – Вып. 9. – С. 57–113.

Голдина Р.Д., 1971. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье: Автореф. Дис. ...канд. истор. наук. - ИА АН СССР, Ленингр. отд.-е. – Л. – 21 с.

Голдина Р.Д., 1977. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. – Ижевск. – С. 10–44.

Голдина Р.Д., 1979. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. – М. – Вып. 158. – С. 79–90.

Голдина Р.Д., 1981. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1976 гг. // ВАУ. – Свердловск. – Вып. 15. – С. 10–14.

Голдина Р.Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. – Ижевск. – С. 6–37.

Голдина Р.Д., 1988. Верхнее Прикамье во второй половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. ...д-ра истор. наук. - МГУ им. М.В.Ломоносова. – М. – 42 с.

Голдина Р.Д., 1989. Этническая история пермских народов в эпоху железа (по археологическим данным) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М., 1989. – С. 24–26.

Голдина Р.Д., 1993. Основные проблемы взаимодействия народов Приуралья в эпоху железа по археологическим материалам // Историческое познание: традиции и новации: Тез. международ. конф. – Ижевск. – Ч. 1. – С. 23–25.

Голдина Р.Д., 1994. О взаимодействии финно-угорских народов с другими в древности и средневековье (конец III тыс. до н.э. - XVI вв. н.э.) // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар. – С. 31–33.

Голдина Р.Д., 1995. Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета 20 лет // Библиография научных трудов сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1994 гг. – Ижевск. – С. 3–13.

Голдина Р.Д., 1995а. Финно-пермские племена и их соседи: основные этапы взаимодействия // Финно-угроведение. – № 1. – С. 23–29.

Голдина Р.Д., 1996. Силуэты растаявших веков. – Ижевск. – 212 с.

Голдина Р.Д., 1996а. Камско-Вятская археологическая экспедиция-детище исторического факультета УдГУ // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы. Тез. докл. Республик. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию истор. ф-та УГПИ–УдГУ. – Ижевск. – С. 85–87.

Голдина Р.Д., 1998. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета (1973-1997 гг.) // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург. – С. 45–49.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск. – 464 с.

Голдина Р.Д., 2000. Некоторые итоги археологического изучения Прикамья в XX в. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. – Ижевск. – С. 49–54.

Голдина Р.Д., 2002. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 16–55.

Голдина Р.Д., 2002а. Камско-Вятской археологической экспедиции-22 года // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. – С. 7–20.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. - Иркутск. - 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев р.Камы. –Свердловск. – 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в средневековую эпоху. – Ижевск. – С.40-71.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1984. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. – Ижевск. – С.54-110.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1986. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981-1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Урала. – Ижевск. – С. 5–55.

Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999. Концепция бронзового века Южного Урала в трудах К.В.Сальникова и ее влияние на развитие археологической мысли (60-е - начало 70-х годов XX в.). – Уфа. – 40 с.

Грезнева О.Ю., 2002. Научные школы как форма организации коллективных научных исследований // Новиков А. М. Методология образования. – М. – С. 304–307.

Григорьев Г.П., 1998. Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. К 275-летию Академии наук. – СПб.- С.43-52.

Гусенцова Т.М., 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск. – 240 с.

Гутнов Д.А., 2002. О школах в исторической науке // История мысли. Историография. – М. – С. 65–73.

Гутнова Е.Н., 1985. Историография истории средних веков. – М. – 265 с.

Жаравин В.С., 2004. Петр Алабин – Почетный гражданин города Вятки // Самарский край в истории России. – Вып.2. – Самара. – С.10-69.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. – Пгд. – Ч. 1. – 199 с.

Журавлева Г.Н., 1995. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Ижевск. –22 с.

Журавлева Г.Н., 2000. Вопросы социальных реконструкций в работах В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. – Ижевск. – С. 24–30.

Журавлева Г.Н., 2002. Метрические книги как источник по демографическим процессам (на примере удмуртских приходов XIX в.) // Научно-технические и социально-экономические проблемы регионального развития. – Глазов. – С.111-122.

Журавлева Г. Н., 2002а. Модель воспроизводства населения археологической культуры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. - Ижевск. – С.264-269.

Журавлева Г.Н., 2002б. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. – С.131-156.

Зверева Г.Н., 1999. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. - М. - Вып. 1.

Зевелев А.И., 1987. Историографическое исследование: методологические аспекты. - М. - 160 с.

Зеленев Ю.А., Кузьминых С.В., 2003. Р.Д.Голдина. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999// РА. - №2. - С.165-171.

Иванов А.Г., 1992. Историческая основа героических преданий удмуртов // История, историография и источниковедение Удмуртии. - Ижевск. - С. 41-59.

Иванов В.А., Обьеденнова Г.Т., 2002. Современные концепции древней и средневековой истории Прикамья (вместо рецензии на монографию Р.Д.Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа») // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. - Ижевск. - С. 158-168.

Институт: история и современность (к 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук), 2001. - Ижевск. - 422 с.

Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы, 1991. - Ижевск. - 210 с.

Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международ. конф, 2002. - Ижевск.

Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тысячелетия н.э. (по данным некрополей): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. - Ижевск. - 21 с.

Казанцева О.А., 2000. Формирование программы исследования древней керамики Прикамья в трудах В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научн. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. - Ижевск. - С.205-208.

Казанцева О.А., 2002. Из истории гончарства Удмуртии в конце XIX - начале XX вв. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. - Ижевск. - С.229-238.

Казанцева О.А., 2002а. Керамика Красноярского могильника (II-V вв. н.э.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. - Ижевск. - С.229-238.

Кананин В.А., 1985. Население верховьев р. Камы в эпоху средневековья - западный вариант ломоватовской и родановской культур: Автореф. дис. ...канд. истор. наук. - М. - 24 с.

- Кананин В.А.**, 2002. Несколько слов о юбиларе // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С.11-16.
- Карцев В.А.**, 1982. Руководитель в ролевой структуре первичного коллектива // Проблемы руководства научным коллективом (опыт социально-психологического исследования). – М. – С. 157–218.
- Ковалева В.Т.**, 1990. В.Ф.Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края (Очерки об исследователях истории Урала). – Свердловск. – С. 59–65.
- Ковалева В.Т.**, 1999. Свердловская школа В.Ф.Генинга // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Свердловск. – С. 24–31.
- Ковтун С.П.**, 1998. Реконструкция общественной структуры населения Верхнего Прикамья во второй половине I тыс. н.э.: Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Ижевск. – 24 с.
- Ковтун С.П.**, 2000. Социальная структура древнего общества Верхнего Прикамья во второй половине I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. – Ижевск. – С.294-296.
- Корзун В.П.**, 1987. О роли и месте научной школы в истории науки // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. – Омск. – С. 5–7.
- Красноперов А.А.**, 2005. Принципы и методика изучения древнего костюма (головные уборы чегандинского населения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск. – С.79-82.
- Крейн Д.**, 1975. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // Коммуникации в современной науке. – М. – С. 183–219.
- Крылов Е.В.**, 2002. К вопросу о формировании татар Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья // Материалы XXXIV Урало-Поволж. археолог. студ. конф. –Ульяновск. – С.156-158.
- Кузьминых С.В.**, 2004. Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г.Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г.Худякова. - Казань. - С. 25-46.
- Куликов К.И., Иванова М.Г.**, 2001. Исследования отдела археологии в 1970-2000 гг. // Институт: история и современность. – Ижевск. – С. 156–174.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. – СПб. – 495 с.

Лещинская Н.А., 1995. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетий н.э.: Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Ижевск. – 21 с.

Лещинская Н.А., 2000. Некоторые итоги археологического изучения Вятского бассейна в I – начале II тыс. в связи с исследованиями В.Ф.Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф. к 75-летию В.Ф.Генинга. – Ижевск. – С. 24–30.

Лещинская Н.А., 2000а. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на р.Вятке / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции» - Вып.2. – Ижевск. – 55 с.

Лещинская Н.А., 2002. Итоги и перспективы развития Института истории и культуры народов Приуралья // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 85–96.

Лещинская Н.А., Широбокова Н.Ф., 2003. Библиография научных трудов сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции за 1995-2003 гг. – Ижевск. – 45 с.

Липина Л.И., 2001. Методы исследования семантики бронзолитейного искусства // IV Конгресс этнографов и антропологов России. –М. - С.194.

Лордкипанидзе О.Д., 1995. Георгий Капланович Ниорадзе // Антология советской археологии. – М. – Т. II. 1930-е гг. – С. 232.

Ляхович Е.С., Ревушкин А.С., 1998. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. – Томск. – 580 с.

Макаров Л.Д., 1985. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. – Л. – 16 с.

Макаров Л.Д., 1993. Об особенностях славяно-финских контактов в XII-XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск. – Ч. 1. – С. 31–35.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. – Ижевск. – 143 с.

Макаров Л.Д., 2001а. Ижевск во второй половине XVIII - начале XIX вв. (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Нальчик - Омск. – С.212-216.

Макаров Л.Д., 2003. Археологические исследования православных памятников Ижевске в 2001 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск. – С.212-213.

Мельникова О.М., 1993. Новые подходы в изучении современных археологических коллективов // Актуальные проблемы до-революционной отечественной истории. – Ижевск. – С.155–163.

Мельникова О.М., 1993а. Проблема взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья: поиск путей решения // Историческое познание: традиции и новации. – Ижевск. – Ч.1. – С.25–28.

Мельникова О.М., 1994. Феномен лидера научной школы в современной археологии // Европейский Север: взаимодействие культуры в древности и средневековье. – Сыктывкар. – С. 11–13.

Мельникова О.М., 1995. Научные школы в археологии Урала // Узловые проблемы современного финно-угроведения. – Йошкар-Ола. – С.51–54.

Мельникова О.М., 1995а. Заметки о структуре археологического исследования // Методика и методологические предпосылки археологических исследований. – Йошкар-Ола. – С. 30–35.

Мельникова О.М., 1996. Формирование научной школы археологов в Удмуртии // *Historia Fenno-Ugrica. Congressus historiae Fenno-Ugricae.* – Oulu. – P. 101–107.

Мельникова О.М., 1996а. Университетская система образования как фактор развития научных школ в археологии // XIII Уральское археологическое совещание. – Уфа. – С. 27–28.

Мельникова О.М., 1998. История археологии Урала как объект междисциплинарного анализа // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург. – С. 94–96.

Мельникова О.М., 2000. Роль социальных факторов в формировании научных школ в археологии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI века. – Ижевск. – С.24–30.

Мельникова О.М., 2002. Научная школа археологов в Удмуртском государственном университете // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 65–85.

Мельникова О.М., 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н.Бадера. – Ижевск. – 183 с.

Мельникова О.М., 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга. – Ижевск. – 194 с.

Мельникова О.М., 2003в. Научные школы в археологии: Автореф. дис. ...док. истор. наук. Ижевск. – 44 с.

Мельникова О.М., 2003г. В.Е.Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете // Историк и его дело. Сб. науч. статей, посвященный 85-летию со дня рождения профессора В.Е.Майера (1918-1985 гг.). – Ижевск. – С.13-20.

Мельникова О.М., 2004. Археологические исследования Л.А.-Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. - №3. - Серия «История». – С.145-150.

Мельникова О.М., Оконникова Т.И., 1995. Библиография научных трудов сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1994 гг. – Ижевск. – 49 с.

Мельникова О.М., Пастушенко И.Ю., 2002. Выпускники кафедры археологии и истории первобытного общества по специальностям «археология», «музееведение», «историческое краеведение», «методика преподавания истории в школе» // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 278–285.

Мельникова О.М., Грызлов А.Н., 2002. Предисловие // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск - С.7-11.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии. – М. – Т.1. (1917-1933 гг.). – С. 3–14.

Милюков П.Н., 1991. Источники русской истории и русская историография // Россия: Энциклопед. словарь. – Л. – С. 430–446.

Мирский Э.М., 1978. Структура и динамика исследовательских объединений // Методологические проблемы науковедческих исследований. – М. – С. 53–89.

Михальченко С.И., 1997. Киевская школа в российской историографии (середина XIX – первая треть XX вв.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. - М. – 44 с.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. – М. – 355 с.

Мягков Г.П., 2000. Научное сообщество в исторической науке. – Казань. – 296 с.

Наумова Г.Р., 2002. О путях научного познания // История мысли. Историография. – М. – С. 4–18.

Никишенков А.А., 1982. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-гг. XX в.) // СЭ. – № 4. – С. 55–67.

Оборин В.А., 1983. Вклад О.Н.Бадера в развитие уральской археологии // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. - Ижевск. - С. 3-6.

Оборин В.А., 1998. Бадер О.Н. // Уральская историческая энциклопедия. - Екатеринбург. - С. 64.

Овчинникова Б.Б., 1999. Владимир Федорович Генинг – ученый и педагог // Генинг Владимир Федорович: Библиограф. указатель. – Екатеринбург. – С. 5–12.

Оконникова Т.И., 1999. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. – 22 с.

Оконникова Т.И., 2000. Об организации археологической науки в Прикамье в дореволюционный период (сер. XIX в. – 1917 г.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 168–177.

Оконникова Т.И., 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. – Ижевск. – 173 с.

Останина Т.И., 1991. Археологические исследования А.П.-Смирнова на территории Удмуртии // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск. – С. 14–45.

Останина Т.И., 2000. Археологические исследования В.Ф.Геннинга на территории Удмуртии // Музей: история и современность. – Ижевск. – С. 30–52.

Очерки истории исторической науки в СССР. – М. - Т. I. – 550 с.

Пастушенко И.Ю., 1993. Контакты неволинского населения с Зауральем // Историческое познание: традиции и новации. – Ижевск. – Ч. 1.- С.94-96.

Пастушенко И.Ю., 1995. История населения бассейна р.Сылвы в первой половине второго тысячелетия н.э. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. – 26 с.

Пастушенко И.Ю., 2000. К вопросу о генезисе неволинской культуры // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы межд. научной конференции. – Ижевск. – С.292-294.

Пастушенко И.Ю., 2002. История изучения так называемой «сылвенской культуры» // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. - С.267-277.

Первухин Н.Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. – М. – Вып.11.

Перевощиков С.Е., 2000. Железообрабатывающее производство Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: – Ижевск. –20 с.

Перевощиков С.Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). – Ижевск. 175 с.

Платонова Н.И., 1995. Александр Александрович Миллер // Антология советской археологии. – М. – Т. II. – С. 225.

Положение о научно-исследовательской работе студентов, 1985. – Устинов. – 12 с.

Постановление VII Уральского археологического совещания, 1983 // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск. – С. 118–121.

Программы специальных курсов и семинаров для студентов, специализирующихся по археологии СССР, 1981. – Ижевск. – 68 с.

Пузанов В.В., Верижникова И.В., 2001. История Удмуртского государственного университета. – Ижевск. – 272 с.

Рабочие программы по специализации «археология», 2002. – Ижевск. – 310 с.

Ракитов А.И., 1995. Российская наука: прошлое, настоящее, будущее // ВФ. – № 3. – С. 3–30.

Родный Н.И., 1975. Очерки по истории и методологии естествознания. – М. – 423 с.

Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф., 2000. – Ижевск. – 250 с.

Рубинштейн Н.Л., 1941. Русская историография. – М. – 670 с.

Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900-1917, 2004. – СПб. – 480 с.

Салангин Д.А., 1999. Круговая неполированная посуда Вятского края XII-XVIII вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. – 17 с.

Салангин Д.А., 2001. Некоторые вопросы этнической истории Вятской земли // Этнический фактор и политика. История и современность. Тез. докл. Рос. науч.-практ. конф. –Ижевск. –С.22-25.

Салангин Д.А., 2002. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С.239-254.

Салангина С.В., 2002. О костяных орудиях Прикамья для работы по глине // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск –Ханты-Мансийск. – С.142-144.

Салангина С.В., 2004. Копоушки Восточной Европы VIII в. до н.э.- XV н.э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. –23 с.

Семенов В.А., 1978. К истории археологических исследований в Удмуртии // Материалы к древней истории населения Удмуртии. – Ижевск. – С. 3–48.

Сидорова И.Б., 2005. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: некоторые проблемы изуче-

ния // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. - Казань. - С.7-22.

Смирнов А.П., 1937. Могильник Бигер-Шай // СА. – Т.IV.

Спицын А.А., 1881. Каталог древностей Вятского края. – Вятка.

Спицын А.А., 1893. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. –М. –Вып.1. –192 с.

Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб. – 330 с.

Удмуртская Республика. Энциклопедия., 2000. – Ижевск. –800 с.

Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет., 2004. Ижевск. – 344 с.

Федорченко-Шемякина Л.Н., 1993. К 400-летию Сарапула. Сарапульская старина. – Сарапул. – Кн. III. – 78 с.

Формозов А.А., 1995. Введение // Антология советской археологии. М., 1995. – Т. II. (1930-е годы). – С. 3–9.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. - М. – 320 с.

Формозов А.А., 2004а. Историография русской археологии на рубеже XX-XXI вв. (обзор книг, вышедших в 1997-2003 гг.). - Курск. - 68 с.

Формозов А.А., 2005. Человек и наука: из записей археолога. –М. –224 с.

Черных Е.М., 1992. Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э. –I пол. II тыс. н.э. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М. – 23 с.

Черных Е.М., 1992а. Кафедра археологии и истории первобытного общества // 65 лет историческому факультету. – Ижевск. – С. 24–28.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В., 2001. Комплексные исследования Камско-Вятской археологической экспедиции на Зуево-Ключевском I городище летом 2000 г. // Тез. докл. 5-й Рос. Универ.-акад. науч.-практ. конф. Ижевск. Ч.2. С.8-9.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев В.В., 2002. Использование междисциплинарного подхода к изучению многослойных археологических памятников в Удмуртском Прикамье : предварительные итоги исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск - Ханты-Мансийск. –С.81-83.

Чирков С.В., 1990. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. – М. – С. 23–37.

Шапиро А.Л., 1993. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. – М. – 330 с.

Шапран И.Г., 1995. Удмуртские и марийские могильники в бассейнах Камы и Вятки. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. – 25 с.

Шапран И.Г., 2000. Финно-угры Приуралья в новое время: некоторые итоги и перспективы исследования // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск. – С.338-341.

Шапран И.Г., 2002. Традиционный женский костюм марийцев бассейна р.Вятки XVI – начала XIX вв. (по данным археологии)// Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. – С.242-287.

Шаханов А.Н., 2003. Русская историческая наука второй половины XIX - начала XX века: Московский и Петербургский университеты. – М. - 419 с.

Широбокова Н.Ф., 2002. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках (1973–2000 гг.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск. – С. 102–141.

Шпилевский С.М., 1884. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии. – Казань. –С.1-31.

Штейнер Г., 1977. Связь социального и познавательного факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке. – М. – С. 97–119.

Ютина Т.К., 1994. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии. - Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ижевск. – 19 с.

Ютина Т.К., 1998. Итоги археологических исследований средневековых памятников Южной Удмуртии (1974-1997 гг.) // Урал в прошлом и настоящем. – Ч.1. Екатеринбург. – С.137-139.

Ютина Т.К., 2000. К вопросу о развитии земледелия в эпоху средневековья в Прикамье (по археологическим данным) // Российская археология : достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск. – С.353-355.

Ютина Т.К., 2002. История населения Южной Удмуртии в VI-XIV вв. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск. –С.157-171.

Яблонский Л.Т., 1999. Скифы, сарматы и другие в XXI в. // Археология России в XX в.: итоги и перспективы: Тез. докл. конф., посвящ. 275-летию РАН и 80-летию Ин-та археологии. – М. – С. 36–44.

Ярошевский М.Г., 1977. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. – М. – С. 7–97.

Приложение 1

Проспект «Очерков по истории Удмуртской АССР» (1947-1948 гг.).
Глава «Первобытнообщинный строй на территории Прикамья и Удмуртии» (II тыс. до н.э. до XIV в. н.э.). Необходимо обосновать, что вместе с другими народами Прикамья удмурты являются древнейшими жителями края, и их предки в пределах Камско-Вятского междуречья прошли все стадии первобытнообщинного строя, разложение которого привело в X в. к образованию варварского Камско-Булгарского государства.

Опираясь на данные археологии и языка, показать, что жизнь предков удмуртского народа в крае вполне прослеживается со II тыс. до н.э., со времени появления лесных поселений с охотой, домашним скотоводством и мотыжно-подсечным земледелием. Далее показать, что удмурты являются одним из прямых наследников ананьинской культуры, выросшей в крае на базе трех видов хозяйственной деятельности населения II тыс. до н.э.: лесных поселений с охотой, домашним скотоводством и луговым мотыжным земледелием, поселений прибрежных стоянок. Подчеркнуть, что ананьинская культура укладывалась в рамки I тыс. до н.э., по своему уровню и культурному развитию является временем падения матриархата, а по уровню развития производительных сил – временем первого появления железа в крае.

Время общинно-родовой жизни совпадает с временем пьяноборской культуры, которая выросла из ананьинской культуры как следствие дальнейшего хозяйственного прогресса в условиях лесной полосы, по уровню развития производительных сил являлась временем победы железа над бронзой, а в социальном отношении – временем господства патриархата, появления моногамной семьи, частной собственности начала распада родового строя, временем усиления межродовой борьбы за территории, сложения племен на всей территории края.

Показать, что процесс сложения племен к X в. привел к формированию варварского государства под руководящим началом скотоводческих болгарских племен Камско-Волжского левобережья. Подчеркнуть, что образование Камско-Волжского Булгарского государства есть результат хозяйственного и социально-культурного развития феодализма в Камско-Волжском крае подобно варварскому Киевскому государству на юго-западе СССР и государству Карла Великого в Западной Европе (ЦГА УР, ф.1345-р, оп.2, ед.хр.102, л.10-11).

Приложение 2

План работы кружка «Археология Урала» в УдГУ на 1980-1981 уч.гг.

I. Теоретическая часть:

- 1. История кружка «Археология Урала».*
- 2. Проблемы неволинской археологической культуры: а) погребальный обряд; б) вещевой комплекс; в) керамика; г) хронология.*
- 3. Памятники русской колонизации.*
- 4. Обсуждение докладов на УПАСК.*
- 5. Обзор литературы. Обсуждение итогов студенческой научной конференции УдГУ.*
- 6. Математические методы в археологии (практические навыки): а) составление хронологических таблиц; б) составление корреляционных таблиц; в) статистический анализ.*
- 7. Торговые и культурные связи древнего населения Камско- Вятского междуречья.*
- 8. Методика полевых исследований: а) исследование могильников; б) исследование городищ; в) топографические съемки.*

II. Практическая часть.

- 1. Работа с коллекциями (в течение всего года).*
- 2. Работа в школе юных археологов.*
- 3. Работа экскурсоводов.*
- 4. Овладение навыками зарисовки вещей, керамики, кремня» (ЦГА УР, ф. 1550-р, оп.1, ед.хр.1038, л.39).*

Приложение 3

Диссертации, защищенные археологами УдГУ

№ п/п	Ф.И.О.	Год защиты	Место защиты	Научный руководитель	Ученая степень	Тема диссертации
1	Гусенцова Т.М.	1985	ЛОИА АН СССР, г. Ленинград	д.и.н. Л.Я.Крижевская	к.и.н.	Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья
2	Кананин В.А.	1985	ИА АН СССР, г. Москва	д.и.н. В.В.Седов	к.и.н.	Население верховьев р. Камы в эпоху средневековья
3	Макаров Л.Д.	1985	ЛОИА АН СССР	д.и.н. А.Н.Кирпичников	к.и.н.	Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам)
4	Мельникова О.М.	1989	МГУ, г. Москва	д.и.н. В.Ф.Генинг	к.и.н.	Проблема выделения археологических культур (на примере культур эпохи бронзы юга Восточной Европы)
5	Голдина Р.Д.	1989	МГУ, г. Москва		д.и.н.	Верхнее Прикамье во второй половине I тыс. н.э.
6	Черных Е.М.	1992	МГУ, г. Москва	д.и.н. Г.А.Федоров-Давыдов	к.и.н.	Жилища Прикамья I тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э.
7	Ютина Т.К.	1994	УдГУ, г. Ижевск	д.и.н. Г.А.Федоров-Давыдов	к.и.н.	Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии

Приложение 3 (продолжение)

№ п/п	Ф.И.О.	Год защиты	Место защиты	Научный руководитель	Ученая степень	Тема диссертации
8	Журавлева Г.Н.	1995	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. В.Ф.Генинг	к.и.н.	Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций)
9	Пастушенко И.Ю.	1995	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	История населения бассейна р.Сылвы в первой половине второго тыс. н.э.
10	Волков С.Р.	1995	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Вооружение населения Верхнего Прикамья во второй половине I тыс.н.э. (по материалам могильников)
11	Лещинская Н.А.	1995	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Г.А.Федоров-Давыдов	к.и.н.	Вятский бассейн в I – начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам)
12	Шапран И.Г.	1995	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Удмуртские и марийские могильники в бассейнах Камы и Вятки
13	Голдина Е.В.	1998	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Ю.Л.Щапова	к.и.н.	Бусы Верхнего Прикамья конца IV-IX вв. (по материалам могильников неволинской культуры)

Приложение 3 (продолжение)

№ п/п	Ф.И.О.	Год защиты	Место защиты	Научный руководитель	Ученая степень	Тема диссертации
12	Ковтун С.П.	1998	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Реконструкция общественной структуры населения Верхнего Прикамья во второй половине I тыс. н.э. (по материалам могильников)
13	Оконникова Т.И.	1999	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья (60-гг. XIX в. – конец 40-х. гг. XX в.)
14	Салангин Д.А.	1999	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Круговая неполивная посуда Вятского края XII-XVIII вв. (по археологическим источникам)
15	Салангина С.В.	2004	УдГУ, г.Ижевск	д.и.н. Р.Д.Голдина	к.и.н.	Копоушки Восточной Европы VIII в. до н.э.- XV н.э.
16	Мельникова О.М.	2004	УдГУ, г.Ижевск	научный консультант д.и.н. Р.Д.Голдина	д.и.н.	Научные школы в археологии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО** – Археологические открытия
ВАСК – Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВГСК – Вятский губернский статистический комитет
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
ИА АН СССР - Институт археологии АН СССР
ИАК – Императорская Археологическая Комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР
КАЭ - Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КВАЭ - Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
ЛАИ - Лаборатория археологических исследований
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАО – Московское археологическое общество
НИР – Научно-исследовательская работа
НИРС – Научно-исследовательская работа студентов
НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики им.К.Герда
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете
ПГУ - Пермский государственный университет им. А.М.Горького
СНО – Студенческое научное общество
УАЭ - Удмуртская археологическая экспедиция
УГПИ - Удмуртский государственный педагогический институт
УдГУ - Удмуртский государственный университет
УИРС - Учебно-исследовательская работа студентов
УПАСК – Урало-Поволжская студенческая археологическая конференция
УрГУ - Уральский государственный университет
ЦГА УР - Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Мельникова Ольга Михайловна

**НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
Р.Д.ГОЛДИНОЙ В УДМУРТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Научное издание

Художественное оформление И.Г.Соловьева, Т.Р.Сабиров.
Компьютерная подготовка В.Г.Базанова, О.М.Мельникова

Подписано в печать